РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

На правах рукописи

**Андрей Александрович
КИБРИК**

АНАЛИЗ ДИСКУРСА
В КОГНИТИВНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Специальность 10.02.19 – Теория языка

**ДИССЕРТАЦИЯ
в виде научного доклада,
составленная на основе опубликованных работ,
представленная к защите на соискание ученой степени
доктора филологических наук**

М о с к в а   2003

Работа выполнена в Отделе индоевропейских языков
Института языкознания РАН

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор, чл.-корр. РАН
Т.М.НИКОЛАЕВА

доктор психологических наук, профессор
Б.М.ВЕЛИЧКОВСКИЙ

доктор филологических наук, профессор
В.З.ДЕМЬЯНКОВ

Ведущая организация –
Российский государственный гуманитарный университет,
Институт лингвистики

Защита состоится “___” __________ 2003 г. в ___ часов
на заседании диссертационного совета Д.002.006.03
по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук
при Институте языкознания РАН по адресу:
103009 Москва, Б. Кисловский пер., д. 1/12

С докладом можно ознакомиться в библиотеке Института языкознания РАН

Доклад разослан “___” _____________ 2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук А.В.Сидельцев

Оглавление

1. Введение

XX-ый век в лингвистике в значительной степени прошел под знаком отрицания языкового употребления как важного объекта научного исследования. Концепции Ф. де Соссюра и позже Н. Хомского – самые влиятельные лингвистические концепции XX-го века – основывались на противопоставлении языковой системы и языкового употребления. Согласно этим концепциям, центральный объект изучения лингвистов – неизменная, независимая от употребления система знаков или грамматика, хранящаяся в головах носителей языка. А реальное употребление языка в реальном времени – бесконечный набор случайностей, результат каждый раз уникального взаимодействия языковой системы с внеязыковыми факторами.

Данная работа базируется на прямо противоположных теоретических установках, которые постепенно сменяют жесткую оппозицию языковой системы и употребления. Подобно прочим эмпирическим наукам, лингвистика все больше осознает, что языковая реальность, осуществляемая в конкретных образцах языкового взаимодействия – по крайней мере столь же заслуживающий внимания научный объект, как и невидимая языковая система. Реальное языковое взаимодействие в современной лингвистике обычно именуется **дискурсом**. Дискурс – это единство процесса языковой деятельности и ее результата, то есть текста. Дискурс включает в себя текст как составную часть. Текст – статический объект, возникающий в ходе языковой деятельности. Это может быть письменный текст, т.е. последовательность графических символов, а может быть и устный текст – акустический сигнал, который может быть зафиксирован, например, на магнитном носителе. Дискурс, помимо самого текста, включает также разворачивающиеся во времени процессы его создания и понимания.

ПРЕДМЕТОМ данной работы является естественный дискурс. Существует два основных типа дискурсивных явлений. Во-первых, это структура дискурса как такового. Как любое естественное явление или объект, дискурс имеет определенную структуру. Это, в первую очередь, глобальная структура – совокупность крупных блоков, непосредственных составляющих – например, абзацы в газетной статье. Кроме того, существует локальная структура дискурса – совокупность минимальных единиц, которые имеет смысл относить к дискурсивному уровню. Во многих современных подходах к дискурсу минимальными единицами дискурса признаются предикации, или клаузы.

Второй тип дискурсивных явлений – это единицы, меньшие, чем предикация, но находящиеся под непосредственным влиянием дискурсивных факторов. Например, выбор референциального средства для того или иного референта (таких, как *Ельцин* или *первый президент России* или *он* или нулевая именная группа) – лексическое явление, но находящееся под непосредственным воздействием дискурсивных факторов, например, расстояния от предыдущего упоминания данного референта.

Лингвистическая дисциплина, изучающая дискурс, именуется **дискурсивным анализом**. *ЗАДАЧА* данной работы состоит в том, чтобы создать **целостную модель**, связывающую воедино основную проблематику лингвистического дискурсивного анализа. Дискурсивные исследования – это молодая область, для которой характерны значительная неупорядоченность и фрагментарность. В данной работе предпринима-

ется попытка соединить вместе достаточно разнородные дискурсивные явления и предложить для них связное, последовательное описание. Этим обусловлена ***АКТУАЛЬНОСТЬ*** данной работы. Дискурсивный анализ, будучи равноправным компонентом теории языка наряду с фонологией, морфологией и синтаксисом, значительно отстает от этих дисциплин по степени разработанности и освоенности.

НАУЧНАЯ НОВИЗНА данной работы обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, в работе последовательно используется **когнитивный подход к дискурсу**. Когнитивный подход предполагает, что языковая деятельность представляет собой один из видов когнитивной деятельности человека, и языковые явления могут быть адекватно поняты лишь в контексте других когнитивных процессов, таких как представление знаний, память, внимание, сознание. Когнитивный подход в лингвистике относится к классу функциональных подходов в лингвистике. Иными словами, он является объяснительным подходом и пытается не только зарегистрировать языковые явления, но и объяснить, почему они реализуются именно так, а не иначе. Когнитивный подход к исследованию дискурса является альтернативой чисто структуралистскому подходу, социологическому подходу, философскому подходу, семиотическому подходу и т.д. (см. van Dijk ed. 1997; Кибрик и Паршин 2001).

Во-вторых, в данной работе ставится задача **преодоления** типичного для функционализма **кругового характера объяснений**. В функционалистских работах нередко объяснение языкового факта Х основано на функции Ф, а при этом языковая функция Ф усматривается именно потому, что в языковой форме представлено явление Х. Объяснения, предлагаемые в данной работе, строятся таким образом, что наличие функции Ф устанавливается независимо, и лишь в этом случае может привлекаться как объяснение явления Х. В частности, в разделе о референции в дискурсе референциальный выбор объясняется факторами активации референта, а факторы активации устанавливаются совершенно независимо от референциального выбора.

В-третьих, данная работа имеет **типологический компонент**, что достаточно ново для дискурсивных исследований. В отличие от более традиционных областей лингвистики, таких как фонология или синтаксис, в дискурсивном анализе очень мало известно о различиях и сходствах между языками. Дискурсивные исследования обычно ограничиваются одним языком, в подавляющем большинстве случаев – одним из европейских языков. В данной работе один из разделов посвящен типологии референции, а также есть разделы о дискурсивных явлениях в неевропейских языках.

МАТЕРИАЛОМ данной работы служат естественные дискурсивные данные – чаще всего русские, но также и относящиеся к отдельным языкам Европы, Азии, Африки и Америки. Данные по языкам навахо, серер, тувинскому, карачаево-балкарскому, абхазскому и др. были получены в ходе полевых исследований автора. В ряде случаев в работе привлекаются экспериментально полученные данные.

В работе используются различные ***МЕТОДЫ*** научного исследования, в каждом случае предопределенные конкретными задачами. В большинстве случаев используется **корпусный** метод, основанный на анализе достаточно большого объема естественного дискурса и выявлении доминирующих моделей. Во многих случаях при проверке существенных взаимосвязей между различными параметрами используются **статистические** тесты. В исследовании русской референции в дискурсе (раздел 11)

используется метод **квантитативного моделирования**, позволяющий определить числовой уровень активации референта в данной точке дискурса. С методологической точки зрения, это исследование направлено на то, чтобы построить общую модель многофакторного процесса. Большинство языковых явлений являются многофакторными, и одновременный учет многочисленных и часто противодействующих друг другу факторов является традиционным камнем преткновения в лингвистике. В исследовании формы предикации в карачаево-балкарском языке (раздел 15) используется **экспериментальный** метод, позволяющий установить причинно-следственную связь между дискурсивным статусом предикации и ее формой. Методологические вопросы являются непосредственным предметом обсуждения в разделе 14 – там рассматривается соотношение корпусных и экспериментальных методов.

Практическая значимость работы состоит в том, что на основе предлагаемой общей концепции и отдельных исследований возможно создание различных приложений, в частности систем компьютерного синтеза дискурса. В особенности это касается модели референциального выбора. Исследования риторической структуры рассказов имеют потенциальное медицинское применение – в целях неврологической диагностики. Результаты данного исследования могут быть использованы при подготовке учебных пособий по анализу дискурса и лингвистике вообще.

Список основных работ по теме доклада

	Год	Название	Объем, а.л.
1.	1987	Фокусирование внимания и местоименно-анафорическая номинация. – Вопросы языкознания, № 3, 79-90.	1
2.	1987	Механизмы устранения референциального конфликта. – В сб.: “Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах”, под ред. А.Е.Кибрика, А.С.Нариньяни. М.: Наука, 128-146.	1
3.	1987	Mechanisms of anaphoric nomination. – In: Toomas Help (ed.) “Symposium on language universals. Summaries”. Tallinn: Academy of Sciences of the Estonian SSR, 54-59.	0,3
4.	1987	Система переключения референции в тувинском языке. – Советская тюркология, 1987, N 2, с. 16-32; N 4, 30-45. (С М.Б.Бергельсон.)	2,4 (1,8)
5.	1988	Анафора в полипредикативных конструкциях в пулар. – В сб.: “Язык в Африке: Лингвистические проблемы современной африканистики”, под ред. Р.Н.Исмагиловой, Н.В.Охотиной. М.: Институт Африки АН СССР, 146-154.	0,4
6.	1990	Местоимения: морфологические, синтаксические и дискурсивные аспекты. – В монографии: “Теория грамматики: Лексико-грамматические классы и разряды слов”, под ред. Е.С.Кубряковой. М.: ИНИОН, 139-201.	2,9

7.	1991	О некоторых видах знаний в модели естественного диалога. – Вопросы языкознания, № 1, 61-69.	0,7
8.	1991	Maintenance of reference in sentence and discourse. – In: Winfred P.Lehmann, Helen-Jo J.Hewitt (eds.) “Language typology 1988: Typological models in reconstruction”. Amsterdam: Benjamins, 57-84.	2
9.	1992	Dynamics of attention focus in narrative discourse: The Pulaar case. – Languages of the world, No 4, 4-12.	0,7
10.	1992	Relativization in polysynthetic languages . – International Journal of American Linguistics, vol. 58, No 2, 135-157.	1,5
11.	1992	Местоимения как дейктическое средство. – В монографии: “Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис”, под ред. Т.В.Булыгиной. М.: Наука, 207-236.	2,2
12.	1994	Когнитивные исследования по дискурсу. – Вопросы языкознания, № 5, 126-139.	1,3
13.	1995	Review article: Doris L.Payne (ed.) Pragmatics of word order flexibility. (Amsterdam: Benjamins, 1992.) – Studies in Language 19: 223-237.	0,9
14.	1995	The system of switch- reference in Tuva: converbal and masdar-case forms. – In: E.Koenig and M.Haspelmath (eds.) “Converbs in cross-linguistic perspective”. Berlin: Mouton de Gruyter, 373- 414. (With M.B.Bergelson.)	2,9 (2)
15.	1995	Поддержание референции в языке серер. – В сб.: “Проблемы изучения языков Африки”, под ред. В.А.Виноградова и А.И.Коваль. М.: Институт языкознания РАН, 62-68.	0,2
16.	1996	Anaphora in Russian narrative discourse: A cognitive calculative account. – In: B.Fox (ed.) “Studies in anaphora”. Amsterdam: Benjamins, 255-304.	2,5
17.	1997	Моделирование многофакторного процесса: выбор референциального средства в русском дискурсе. – Вестник МГУ, № 4, 94-105.	0,6
18.	1997	Функционализм. – В монографии: “Фундаментальные направления современной американской лингвистики”, под ред. А.А.Кибрика, И.М.Кобозевой и И.А.Секериной. М.: Издательство МГУ, 276-339. (С В.А.Плунгяном.)	3,5 (3,3)
19.	1998	Referential choice and working memory: What discourse can tell us about cognition. – In: A.S. Narin'yani (ed.) “Dialogue'98. Computational linguistics and its applications. International workshop. Proceedings”. Kazan': Xeter, 210-222.	1,2

20.	1999	Cognitive inferences from discourse observations: Reference and working memory. – In: K. van Hoek, A.A.Kibrik, and L.Noordman (eds.) “Discourse studies in cognitive linguistics. Proceedings of the 5th International cognitive linguistics conference”. Amsterdam: Benjamins, 29-52.	1,2
21.	1999	Три ахиллесовы пяты функционализма. – В сб.: “Типология и теория языка: От описания к объяснению”, под ред. Я.Г.Тестельца и Е.В.Рахилиной. М.: ЯРК, 36-49.	0,9
22.	2000	A cognitive calculative approach towards discourse anaphora. – In: Paul Baker, Andrew Hardie, Tony McEnery and Anna Siewierska (eds.) “Proceedings of the 3d Discourse anaphora and reference resolution conference (DAARC 2000)”. Lancaster University: University Centre for Computer Corpus Research on Language, Technical Papers 12, 72-82.	1,2
23.	2001	Дискурс. – Энциклопедия “Кругосвет”, http://www.krugosvet.ru/ (С П.Б.Паршиным.)	1,6 (1,4)
24.	2001	Текст. – Энциклопедия “Кругосвет”, http://www.krugosvet.ru/	0,2
25.	2001	Диалог. – Энциклопедия “Кругосвет”, http://www.krugosvet.ru/	0,2
26.	2001	Функционализм. – Энциклопедия “Кругосвет”, http://www.krugosvet.ru/	1,2
27.	2001	Анафора. – Энциклопедия “Кругосвет”, http://www.krugosvet.ru/	0,5
28.	2001	Дейксис. – Энциклопедия “Кругосвет”, http://www.krugosvet.ru/	0,5
29.	2001	Reference-maintenance in discourse. – In: M.Haspelmath, E.Koenig et al. (eds.) “Language typology and language universals. An international handbook”. Vol. 2. Berlin: Mouton de Gruyter, 1123-1141.	2
30.	2001	Cognitive discourse analysis: Some results. – In: Enikö Németh T. (ed.) “Cognition in Language Use. Selected papers from the 7th International Pragmatics Conference”, Vol. 1. Antwerp: International Pragmatics Association, 164-180.	1,1
31.	2002	Дискурс. – В сб.: “МГУ им. М.В.Ломоносова. Филологический факультет. Программы и учебный план. Отделение теоретической и прикладной лингвистики”. М.: Издательство МГУ, 34-36.	0,2

32.	2002	Cognitive structure of narrative discourse: the analysis of children's night dream stories. – В сб.: "Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международного семинара Диалог'2002 (Протвино, 6-11 июня 2002). Т. 1: Теоретические проблемы", под ред. А.С.Нариньяни. М.: Наука, 635-647. (With V.I.Podlesskaya, T. M.Kal'kova, and A.O.Litvinenko.)	0,9 (0,3)
33.	2002	Referential Choice and Activation Factors: A Neural Network Approach. – In: Antonio Branco, Tony McEnery and Ruslan Mitkov (eds.) "Proceedings of the 4th Discourse anaphora and anaphor resolution colloquium". Lisbon: Edições Colibri, 81-86. (With André Grüning.)	0,7 (0,3)
34.	в печати	Communicative intentions and the structure of interview dialogues. – In: Rosalind Horowitz (ed.) "The evolution of talk about text: Knowing the world through instructional discourse". International Reading Association.	1,3
35.	в печати	Reference in discourse: Cognitive and typological aspects. Moscow: Portfolio	20
		Всего опубликовано Всего в печати	41,7 (39) 21,3

Примечание. В скобках указана доля наст. автора в объеме публикаций, написанных в соавторстве.

Апробация работы состоялась в ходе неоднократных докладов на научных конференциях и семинарах (в Москве, Томске, Протвино, Пущино, Тарусе, Одессе, Хьюстоне, Сан Антонио, Беркли, Санта Барбаре, Юджине, Атланте, Гонолулу, Буффало, Лиссабоне, Ланкастере, Лейпциге, Дрездене, Утрехте, Амстердаме, Турку, Будапеште и др.). Кроме того, курс "Дискурс" с 1995 года по настоящее время ежегодно преподается автором как часть обязательной программы студентам Отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ. Под руководством автора был выполнен целый ряд курсовых и дипломных работ по темам, близким к рассматриваемым здесь; кроме того, по дискурсивным темам под руководством автора работают два аспиранта.

Структура работы. Как уже было отмечено выше, два основных круга проблем дискурсивного анализа – это (а) вопросы структуры дискурса и (б) вопросы влияния дискурсивных факторов на языковые явления меньшего объема, чем составляющие дискурса, то есть синтаксические конструкции, слова, морфемы, фонетические явления. Два эти круга проблем рассматриваются соответственно в частях II и III данной работы. Однако прежде чем перейти к этим центральным для дискурсивного анализа темам, необходимы несколько предваряющих разделов (со 2 по 5), включенных в часть I. В разделе 2 рассматривается краткая история дискурсивного анализа и место этой дисциплины в современной науке. В разделе 3 обсуждается важная содержательная проблема – таксономия дискурса, т.е. исследование того, какие классификационные признаки важны для разделения всех возможных образцов дискурса на типы

и разновидности. Наконец, в разделах 4 и 5 обозреваются, соответственно, современная когнитивная лингвистика в целом и когнитивный подход к исследованию дискурса в частности.

Ниже вынужденно уделяется некоторое место изложению исследований других авторов (особенно в разделах 5, 8), которые были особенно важны для формирования концепции данной работы.

Часть I: ДИСКУРС И КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД В ЛИНГВИСТИКЕ

2. Дискурсивный анализ как раздел лингвистики

Термин “**диску́рс**” (фр. discours, англ. discourse, от лат. discursus ‘бегание взад-вперед; движение, круговорот; беседа, разговор’) означает ‘речь, процесс языковой деятельности; способ говорения’. Этот термин имеет много разнообразных типов употреблений и используется во многих гуманитарных науках, связанных с языком, – в лингвистике, литературоведении, семиотике, социологии, психологии, философии, этнологии и антропологии и др. В настоящей работе рассматриваются лингвистические аспекты дискурса. Термин “дискурс”, как он понимается в современной лингвистике, близок по смыслу к понятию “текст”, однако подчеркивает динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения; в противоположность этому, текст – статический объект, результат языковой деятельности. Предпочтительным является такое понимание термина “дискурс”, которое включает одновременно два компонента: и динамический процесс языковой деятельности, и ее результат (т.е. текст). Иногда встречающаяся замена термина “дискурс” словосочетанием “связный текст” не слишком удачна, т.к. любой нормальный текст является связным. Чрезвычайно близко к понятию дискурса и понятие “диалог”. Дискурс, как и любой коммуникативный акт, предполагает наличие двух фундаментальных ролей – говорящего (автора) и адресата. При этом роли говорящего и адресата могут перераспределяться между лицами – участниками дискурса; в этом случае говорят о **диалоге**. Неверно считать, что монолог – это дискурс с единственным участником: адресат при монологе также необходим. В сущности, монолог – это просто частный случай диалога, хотя традиционно диалог и монолог резко противопоставлялись. Термин “дискурс” снимает данное противопоставление. Вообще, термины “текст” и “диалог”, как более традиционные, обросли большим количеством коннотаций, которые мешают их свободному употреблению. Поэтому термин “дискурс” удобен как родовой термин, объединяющий все виды использования языка.

Поскольку в дискурсе есть коренным образом противопоставленные роли говорящего и адресата, сам процесс языкового общения может рассматриваться в этих двух перспективах. Моделирование процессов построения (порождения, синтеза) дискурса – не то же самое, что моделирование процессов понимания (анализа) дискурса. В науке о дискурсе выделяются две различные группы работ – те, которые исследуют построение дискурса (например, выбор лексического средства при назывании некоторого объекта), и те, которые исследуют понимание дискурса адресатом

(например, вопрос о том, как слушающий понимает редуцированные лексические средства типа местоимения *он* и соотносит их с теми или иными объектами). Кроме того, есть еще третья перспектива – с позиций самого текста, возникающего в процессе дискурса (например, местоимения в тексте можно рассматривать безотносительно к процессам их порождения говорящим и понимания адресатом, а просто как структурные сущности, находящиеся в некоторых отношениях с другими частями текста). В данной работе за основу принята перспектива говорящего (т.е. порождения), т.к. именно говорящий является тем субъектом, который создает дискурсивную форму.

Раздел лингвистики, так же как и междисциплинарное направление, изучающее дискурс, называется **дискурс[ив]ный анализ** (Discourse Analysis) или **дискурс[ив]ные исследования** (Discourse Studies). Хотя языковое взаимодействие на протяжении веков было предметом таких дисциплин, как риторика и ораторское искусство, а затем – стилистики и литературоведения, как собственно научное направление дискурсивный анализ сформировался лишь в последние десятилетия. Дискурсивный анализ возник на фоне основной тенденции лингвистики XX в. – борьбы за “очищение” науки о языке от изучения речи. В последнее время научная парадигма меняется и набирает силу мнение, что никакие языковые явления не могут быть адекватно поняты и описаны вне их употребления, без учета их дискурсивных аспектов. Поэтому дискурсивный анализ становится одним из центральных разделов лингвистики и подобно более привычным ее разделам имеет собственный специализированный предмет исследования.

Каково место дискурсивного анализа в лингвистике? Лингвистические дисциплины могут классифицироваться по нескольким независимым и пересекающим друг друга параметрам. Один из основных способов классификации – с точки зрения объема изучаемого типа составляющих. По этому параметру в качестве разделов лингвистики традиционно выделяются фонетика/фонология, морфология и синтаксис. Каждая из этих дисциплин имеет дело с более объемными составляющими, чем предыдущая. Наибольшая составляющая, входящая в ведение синтаксиса, – предложение. Анализ дискурса входит именно в эту парадигму дисциплин и занимает в ней завершающую позицию, поскольку дискурс – это максимальная языковая единица.

Хотя вхождение дискурсивного анализа в число ядерных разделов лингвистики признано еще не во всех научных направлениях, представляется бесспорным, что рано или поздно это произойдет. Преимущество дискурса перед другими языковыми явлениями – то, что это заведомо **не конструкт**, чего нельзя с уверенностью утверждать о более мелких языковых сегментах, и тем более о теоретических понятиях, которые без конца пересматриваются лингвистической теорией.

Дискурс, как и другие языковые сущности (морфемы, слова, предложения), устроен по определенным правилам, характерным для данного языка. Факт существования языковых правил и ограничений часто демонстрируется с помощью негативного материала – экспериментальных языковых образований, в которых правила или ограничения нарушаются. В качестве примера небольшого образца дискурса, в котором есть такие нарушения, рассмотрим рассказ Даниила Хармса “Встреча” из цикла “Случаи”.

Вот однажды один человек пошел на службу, да по дороге встретил другого человека, который, купив польский батон, направлялся к себе восвояси.

Вот, собственно, и все.

В этом тексте нарушены несколько принципов построения рассказа, которые обычно не осознаются носителями языка, но которыми эти носители хорошо владеют. Во-первых, в нормальном рассказе должен быть фрагмент, который именуется кульминацией. В рассказе Хармса есть только завязка, за которой сразу следует заключительная фраза (кода). Во-вторых, адресат рассказа должен понимать, какова была коммуникативная цель рассказчика, для чего он рассказывал свой рассказ (для того, чтобы проиллюстрировать некоторую истину, или для того, чтобы сообщить интересную информацию и т.д.). Ничего этого из рассказа Хармса не ясно. В-третьих, участники повествования обычно должны упоминаться многократно и выполнять некоторую последовательность действий; такие участники называются протагонистами рассказов. В данном случае рассказ завершается, едва только рассказчик успел ввести участников. Принципы построения рассказа, нарушенные здесь, не являются абсолютно жесткими – напротив, это мягкие ограничения. Поэтому когда они нарушаются, в результате возникает не непонятный текст, а комический эффект. При этом наличие комического эффекта показывает, что некоторые глубинные принципы существуют. Обнаружение таких принципов и составляет цель дискурсивного анализа.

Краткая история и современные направления дискурсивного анализа

Среди предшественников лингвистического дискурсивного анализа как особой научной дисциплины следует упомянуть по крайней мере две традиции. Во-первых, это традиция этнолингвистических исследований, ориентированных на запись и анализ устных текстов разных языков; среди наиболее известных представителей этой традиции – школа американской этнолингвистики, основанная Францем Боасом (Boas 1940). Во-вторых, это чешская лингвистическая школа, созданная Вилемом Матезиусом (см., напр., Матезиус 1967), которая возродила интерес к таким понятиям, как **тема/рема** и **коммуникативная организация текста**. Следует упомянуть также работы некоторых отечественных авторов, которые предвосхитили возникновение дискурсивного анализа – Якубинский 1923, Пропп 1928, Фигуровский 1948, Поспелов 1948. Эти работы намного опережали свое время, но, как это часто бывает в России, не получили отклика и развития в своей стране, а работа Проппа даже фактически вернулась на родину из-за границы.

Термин discourse analysis впервые, видимо, был использован в 1952 г. Зеллигом Харрисом (парадоксальным образом, это тот же человек, который подал Н.Хомскому мысль о синтаксическом анализе при помощи структур непосредственных составляющих) (Harris 1952). Однако оформление дискурсивного анализа как дисциплины относится скорее к 1970-м гг. В это время появились важные работы европейской школы лингвистики текста (van Dijk 1972, Dressler 1972, Petöfi 1971, см. также Николаева (ред.) 1978) и основополагающие американские работы (Labov 1972, Grimes 1975, Longacre 1976, Givón ed. 1979, Chafe ed. 1980) . К 1980–90-м гг. относится уже появление обобщающих трудов, справочников и учебных пособий, таких как “Дискурсивный анализ” (Brown and Yule 1983), “Структуры социального действия: Иссле-

дования по анализу бытового диалога” (Atkinson and Heritage ed. 1984), четырехтомный “Справочник по дискурсивному анализу” (van Dijk ed. 1985), “Описание дискурса” (Mann and Thompson eds. 1992), “Транскрипция дискурса” (DuBois et al. 1993), “Дискурсивные исследования” (Renkema 1993), “Подходы к дискурсу” (Schiffrin 1994), “Дискурс, сознание и время” (Chafe 1994), двухтомный труд “Дискурсивные исследования: Междисциплинарное введение” (van Dijk ed. 1997). В нашей стране в 1980-е гг. появился ряд монографий по лингвистике текста (Гальперин 1981, Реферовская 1983, Тураева 1986; особенно следует отметить полезную работу Откупщикова 1982), однако по упомянутым выше причинам дискурсивные исследования в России в целом значительно отстали от западных, особенно американских, исследований. Об истории лингвистики текста и дискурсивного анализа см. также обзорные работы Николаева 1978 и Демьянков 1995.

Дискурс – объект междисциплинарного изучения. Помимо лингвистики, с исследованием дискурса связаны такие науки, как психология, компьютерная лингвистика и искусственный интеллект, философия и логика, социология, антропология и этнология, литературоведение и семиотика, историография, теология, юриспруденция, педагогика, теория и практика перевода, коммуникационные исследования, политология. Каждая из этих дисциплин подходит к изучению дискурса по-своему, однако некоторые из них оказали существенное влияние на лингвистический дискурсивный анализ. Особенно это касается психологии и социологии. Особняком от собственно лингвистического анализа дискурса стоит одноименное культурологическое направление, особенно активно развивающееся во франкофонных странах, см. напр. Серио (ред.) 1999. Как справедливо отмечает Ю.С. Степанов (1995), во “французском” понимании дискурс – это не столько языковое произведение, сколько выражение некоторой мифологии, бытующей в культурно-языковой среде.

Дискурсивный анализ, как молодая дисциплина, весьма неоднороден, и не существует никакого единого подхода, разделяемого всеми специалистами по дискурсу. Однако можно выделить наиболее популярные на сегодняшний день подходы. На первом месте в этом смысле стоит направление, известное как Анализ бытового диалога (Conversation analysis). Анализ бытового диалога был основан в начале 1970-х гг. группой американских социологов на базе так называемой “этнометодологии”. Этнометодология – течение, возникшее в 1960-х гг. в американской социологии под лозунгами отказа от излишнего теоретизирования и априорных схем и приверженности эмпирическому материалу. Согласно объявленной цели этнометодологии, аналитику при анализе материала следует имитировать процедуры, выполняемые рядовыми представителями культурно-этнической группы, пытаться понять процедуры социального взаимодействия с позиций такого “обычного человека”. Анализ бытового диалога – приложение этих общих принципов этнометодологии именно к языковому взаимодействию. Одной из ключевых работ, положивших начало Анализу бытового диалога как четко очерченному направлению, стала статья “Простейшая систематика чередования реплик в разговоре” (Sacks, Schegloff, and Jefferson 1974). В работах по Анализу бытового диалога было уделено внимание ряду вопросов, мало исследованных лингвистами. В первую очередь это – правила чередования реплик в диалоге, или правила перехода “права говорить” от одного собеседника к другому. В соответствии

с такими правилами, которые в основном сводятся к вопросу о том, "назначает" ли текущий говорящий следующего говорящего, выявляются несколько видов пауз в диалоге, таких как заминка, пауза при смене темы, значимое молчание (отказ говорить). Другое явление, которому было уделено большое внимание, – смежные пары (adjacency pairs), то есть типовые последовательности реплик, например, вопрос – ответ, приветствие – приветствие, приглашение – принятие приглашение и т.д. Внутрь смежной пары может вкладываться другая смежная пара, как в следующем диалоге: Вопрос 1: *"Не подскажете, где здесь почта?"* – [Вопрос 2: *"Видите тот киоск?"* – Ответ 2: *"Да."*] – Ответ 1: *"Там надо повернуть направо."* Такого рода вложения могут быть многоступенчатыми. В смежных парах реакции (т.е. вторые части) могут быть предпочтительными и непредпочтительными. Например, предпочтительной реакцией на приглашение является принятие приглашение. Непредпочтительные реакции – такие, как отказ от приглашения, – характеризуются тем, что им обычно предшествует пауза-заминка, а сами они более длинны и включают преамбулу и мотивировку. Еще одно явление, подробно исследованное в работах по Анализу бытового диалога, – поправки, или уточнения (repairs), то есть реплики, которые корректируют сказанное ранее данным говорящим или его собеседником. Также в Анализе бытового диалога значительное внимание уделяется глобальной организации диалога, невербальным и невокальным действиям (ритму, смеху, жестам, фиксации взгляда на собеседнике).

Будучи создан социологами, Анализ бытового диалога приобрел значительную популярность среди лингвистов. Ряд лингвистов, в первую очередь американский лингвист С.Томпсон и ее ученики, попытались применить методы Анализа бытового диалога в собственно лингвистических исследованиях. В этих работах исследовались в дискурсивной перспективе такие традиционные проблемы английской грамматики, как свойства прилагательного, зависимые предикации, предикатные имена, принципы употребления обстоятельственных придаточных в разговорном дискурсе и др. (см., напр., Ochs, Schegloff, and Thompson eds. 1996).

Другие ведущие направления дискурсивного анализа в основном группируются вокруг исследований отдельных ученых и их непосредственных последователей. Следует упомянуть такие направления, как исследование информационного потока (information flow) У.Чейфа (Chafe ed. 1980, Chafe 1994), когнитивную теорию связи дискурса и грамматики Т.Гивона (Givón ed. 1983, Givón 2001), экспериментальные дискурсивные исследования Р.Томлина (Tomlin 1995), "грамматику дискурса" Р.Лонгейкра (1983), "системно-функциональную грамматику" М.Халлидея (Halliday 1985), теорию риторической структуры У. Манна и С. Томпсон (см. раздел 8 ниже), общую модель структуры дискурса Л.Поланьи (Polanyi 1988), социолингвистические подходы У.Лабова и Дж. Гамперса (Labov 1972, Gumperz 1982), исследование стратегий понимания Т. ван Дейка и У.Кинтша (van Dijk and Kintsch 1983), психолингвистическую модель "построения структур" М.Гернсбакер (Gernsbacher 1990). Разумеется, этот перечень далеко не полон – дискурсивный анализ представляет собой чрезвычайно мозаичный конгломерат разрозненных (хотя и не антагонистических) направлений. Некоторые из перечисленных подходов к исследованию дискурса более подробно описываются в нижеследующих разделах.

Методы, используемые разными школами дискурсивного анализа, также весьма разнообразны. В частности, из числа вышеописанных подходов Анализ бытового диалога и работы Чейфа опираются на естественный дискурсивный материал. При этом в Анализе бытового диалога обобщения добываются путем выявления повторяющихся, доминирующих моделей, а Чейф отдает приоритет методу интроспекции. В последнее время многие дискурсивные исследования основаны на корпусах – больших и компьютеризованных массивах естественных дискурсов. В психолингвистически-ориентированных подходах эмпирический материал состоит не из естественных, а из экспериментальных данных, а обработка материала включает стандартное для когнитивной психологии использование статистических тестов.

Особый круг методологических вопросов связан с транскрибированием устного дискурса. Любая попытка объективной письменной фиксации (транскрибирования) устного языка вынуждает решать множество сложных интерпретационных и технических проблем, неведомых тем лингвистам, которые изучают исключительно письменные тексты. При фиксации устной речи важны не “только слова”, а множество других обстоятельств – паузы, просодия, смех, наложение реплик, незаконченность реплик и т.д. Без этих деталей осмысленный анализ устного дискурса попросту невозможен. При этом разработка последовательных методов транскрипции и выбор разумного уровня детализации являются чрезвычайно непростыми проблемами. Поэтому в настоящее время принципы транскрибирования устного дискурса являются предметом едва ли не целой научной дисциплины (см., например, DuBois et al. 1992).

На материале русского языка дискурсивные явления (хотя и без употребления данной терминологии) активно исследовались в 1970–80-е гг. в рамках проекта Института русского языка Академии наук по изучению русской разговорной речи (см., например, Земская Е.А., М.В.Китайгородская, Е.Н.Ширяев 1981). Был записан и затранскрибирован большой массив устных диалогов и монологов, которые затем подверглись детальному исследованию. В этом проекте разговорная речь рассматривалась на фоне более привычного для лингвистического анализа письменного языка (точнее, кодифицированного литературного языка).

Начиная с 1980-х гг. и особенно в 1990-е гг. исследование дискурса становится важной частью компьютерной лингвистики. В настоящее время любая конференция по компьютерной лингвистике включает дискурсивную секцию. Некоторые важные идеи дискурсивного анализы были сформулированы в компьютерной лингвистике едва ли не раньше, чем в теоретической. Так, еще в середине 1970-х гг. Б.Грос ввела понятие фокусирования, которое позже повлияло на когнитивные исследования в области референции (см. Grosz 1977; Walker, Joshi, and Prince eds. 1998).

В настоящее время дискурсивный анализ вполне сформировался как особое (хотя и междисциплинарное) научное направление. Одна из самых насущных, и при этом неизученных, проблем дискурсивного анализа – это таксономия дискурса, т.е. членение всех возможных дискурсов на типы. Эта проблема рассматривается в следующем разделе 3.

3. Типы дискурса

Как и при изучении любого естественного феномена, при изучении дискурса встает вопрос о классификации: какие типы и разновидности дискурса существуют. В данном разделе рассматриваются две основные классификации типов дискурса – классификация по модусам (устный/письменный) и классификация по жанрам.

3.1. Модусы дискурса

Самый главный классификационный признак, различающий типы дискурса – это **модус**, т.е. противопоставление между устным и письменным дискурсом. Это разграничение связано с **каналом** передачи информации, или носителем: при устном дискурсе канал – акустический, при письменном – визуальный. Иногда различие между устной и письменной формами использования языка приравнивается к различию между дискурсом и текстом (см. выше), однако такое смешение двух разных противопоставлений не оправдано.

Несмотря на то, что в течение многих веков письменный язык пользовался бóльшим престижем, чем устный, совершенно ясно, что устный дискурс – это исходная, фундаментальная форма существования языка, а письменный дискурс является производным от устного и представляет собой более позднюю, вторичную разновидность языка – и в онтогенезе, и в филогенезе. Более того, большинство человеческих языков и по сей день являются бесписьменными, то есть существуют только в устной форме. После того как лингвисты признали (в XIX в.) приоритет устного языка, еще в течение долгого времени не осознавалось то обстоятельство, что письменный язык и транскрипция устного языка – не одно и то же. Лингвисты первой половины XX в. нередко считали, что изучают устный язык (в положенном на бумагу виде), а в действительности анализировали лишь письменную форму языка. Удивительным образом и сейчас многие лингвисты не осознают приоритета устного языка, даже отстаивают равноправие или приоритет письменного. Хотя письменный язык изучать безусловно удобнее, элементарная логика требует признать его вторичность и производность.

В настоящее время приоритет устной формы языка представляется очевидным, однако эта идея с трудом пробивала себе дорогу в лингвистике. В ходе развития европейской цивилизации (и некоторых других цивилизаций) письменная форма языка приобрела экстраординарную культурную роль. Многие культуры были фактически созданы вокруг тех или иных сакральных письменных текстов – достаточно упомянуть роль Библии в культуре евреев и позже европейских народов. Это обеспечило письменной форме языка престиж и приоритет, и создало обычно неэксплицируемое, но популярное убеждение, что письменный язык — истинный, “чистый”, “правильный”, освобожденный от всяких случайностей, собственно единственная форма языка, заслуживающая просвещенного внимания ученых, а устный язык – всего лишь “испорченная” версия этого правильного языка. Эта точка зрения из обыденного сознания была унаследована многими поколениями лингвистов. Она нередко просачивается и в научную литературу, даже в ту, которая фокусируется на устной речи. Так, коллектив под руководством Е.А.Земской, который имеет очень большие заслуги в области документации устного русского языка и привлечения внимания к этой форме

русского языка, в своих публикациях явно исходит из предпосылки, что кодифицированный литературный язык – это основная, “немаркированная” форма русского языка, а РРР – некоторое отклонение от этого идеала.

Реальное сопоставление устного и письменного дискурса как альтернативных форм существования языка началось лишь в 1970-е гг. В частности, это касается уже упомянутого выше проекта по изучению русской разговорной речи под руководством Е.А.Земской – весьма пионерского для своего времени. Для традиционной русистики характерно подавляющее преобладание интереса к письменному языку. Ср. Русскую грамматику 1980, которая основана на иллюстративном материале, почти исключительно взятом из художественной литературы. Группа Земской указала, что есть объект, который этими описаниями совершенно не охватывается. Основной вывод, к которому пришли авторы, состоит в том, что русский язык представляет собой две различные системы: кодифицированный литературный язык и разговорная речь. На русском материале Е.А.Земская и ее соавторы открыли и описали многие особенности разговорной речи – такие, как ее творческий характер (в том числе в словообразовании) и одновременно клишированность, связь с конситуацией, активное использование просодии и жестов. Впервые были описаны многие принципиально важные явления устного русского языка – например, тенденция к помещению рематических компонентов в начало синтагмы. Есть и ряд других работ об устной русской речи – так, О.А.Лаптева (1976) указала на дискретность устной речи, ее порождение в виде последовательности сегментов, а также на неприменимость стандартного понятия предложения к устной речи.

Различие в канале передачи информации имеет принципиально важные последствия для процессов устного и письменного дискурса (эти последствия исследованы У.Чейфом – см. Chafe 1982). Первое из этих последствий связано с разным **временны́м режимом** речи и письма. При устном дискурсе порождение и понимание происходят синхронизированно, а при письменном – нет. При этом **скорость** письма более чем в 10 раз ниже скорости устной речи, а скорость чтения несколько выше скорости устной речи. В результате при устном дискурсе имеет место явление фрагментации: речь порождается толчками, квантами – так называемыми интонационными единицами, которые отделены друг от друга паузами, имеют относительно завершенный интонационный контур и типично совпадают с простыми предикациями, или клаузами (clause)[1]. При письменном же дискурсе происходит интеграция предикаций в сложные предложения и прочие синтаксические конструкции и объединения. Например, в корпусе, исследованном У. Чейфом, в устном дискурсе частота номинализаций составила 4,8 на тысячу слов, в письменном – 55,5. Частота серий предложных групп (типа *пошел в воскресенье в зоопарк с детьми*) для устного дискурса составила 1,8, а для письменного 16,2.

Второе принципиальное различие, связанное с разницей в канале передачи информации – наличие/отсутствие **контакта** между говорящим и адресатом во времени и пространстве: при письменном дискурсе такого контакта типично нет (поэтому люди и прибегают к письму). В результате при устном дискурсе имеет место вовлечение

[1] В рамках данного исследования термин “предикация” понимается как точный эквивалент английского термина clause ‘элементарное предложение, клауза’.

говорящего и адресата в ситуацию, что отражается в употреблении местоимений 1 и 2 лица, в указаниях на мыслительные процессы и эмоции говорящего и адресата, в использовании жестов и др. невербальных средств и т.д. При письменном же дискурсе, напротив, происходит отстранение говорящего и адресата от описываемой в дискурсе информации, что, в частности, выражается в более частом употреблении пассивного залога. Например, при описании научного эксперимента автор статьи скорее напишет фразу *Это явление наблюдалось только один раз*, а при устном описании того же эксперимента с большей вероятностью может сказать *Я наблюдал это явление только один раз*. В корпусе Чейфа частоты пассивных конструкций (на тысячу слов) составили для устного и письменного дискурса 5 и 25,4 соответственно, а частоты местоимений 1-го лица, напротив, 61,5 и 4,6 соответственно.

Следует отметить, что в работе Chafe 1982 автор сравнивает два корпуса дискурсов, которые различаются не только с точки зрения модуса (устный/письменный), но и еще по одному параметру, который можно назвать **регистром**. Это различие по формальности/неформальности. Формальность/неформальность обычно коррелирует с модусом, письменный дискурс обычно более формален, чем устный. Однако в принципе модус и регистр – это два разных, логически независимых друг от друга, параметра. Для максимальной контрастности Чейф использует формальный письменный дискурс (научную прозу) и неформальный устный дискурс (бытовой диалог). Так как различия по модусу и по регистру “склеены” в работе Чейфа, нет уверенности, что полученные им результаты связаны именно с различием по модусу. Для большей чистоты результатов, если мы хотим установить именно эффект модуса на форму дискурса, следует использовать дискурсы, различающиеся ровно по этому параметру.

С этой целью был проведен анализ двух корпусов дискурса, различающихся только одним параметром – модусом. Рассматриваемые корпуса (сами рассказы были собраны студенткой МГУ Е. Чувилиной) включали одни и те же рассказы, рассказанные одними и теми же рассказчиками в разные моменты времени – сначала устно, затем письменно.

Сопоставительный анализ двух идентичных по содержанию фрагментов этих корпусов дал результаты, подытоженные в Таблице 1.

	Устный дискурс	Письменный дискурс
Число предложений	18	9
Число предикаций (финитных и деепричастных)	45	27
Среднее число слов на предикацию	6,9	9,4
Среднее число предикатных слов на предикацию	1,2	1,7
Дискурсивные маркеры	6	0

Таблица 1. *Сопоставительные частоты языковых явлений в устных и письменных русских рассказах*

Эти количественные данные подтверждают выводы Чейфа, в особенности те, которые связаны с его оппозицией фрагментация/интеграция. По сравнению с устным дискурсом, в письменном примерно вдвое большее количество информации упаковывается в предикации и предложения, предикации содержат больше слов и, в частно-

сти, больше предикатных слов. Устный дискурс, с другой стороны, отличается высокой частотой дискурсивных маркеров – слов, отражающих спонтанный процесс порождения дискурса (таких, как *вот, так* и т.п.). Также можно отметить следующие дополнительные различия между устными и письменными рассказами. В письменных рассказах значительно чаще встречаются тяжелые ИГ, состоящие из 4-5 слов, а в устных рассказах такие ИГ отсутствуют. Для письменного изложения характерны маркеры точности, для устного – приблизительности (например, *по-моему бутылок пять*). Письменные рассказы эксплуатируют элементы формального канцелярского регистра – различные термины, неупотребительные в разговорном языке слова типа *вслед*, а для устных рассказов характерны разговорная лексика и порядок слов (*закусь, вместе с буквально первым покупателем…*).

Вопрос о том, является ли письменный язык отдельной системой или представляет собой "настройку" языка на другой канал сообщения, может быть изучен на материале младописьменных языков. Действительно, языки с длительной письменной традицией имели возможность выработать частично автономную подсистему, используемую при письме. Если это так, то учащиеся писать дети должны фактически изучать новую языковую систему по сравнению с устным языком, которым они уже владеют.

Исследование, специально направленное на вопрос о том, как устроен письменный дискурс на младописьменном языке, было проведено на материале языка навахо (Юго-запад США, атабаскская языковая семья). Один и тот же рассказ был записан от одной и той же рассказчицы в устной и в письменной форме. Первоначально был записан устный вариант, затем он был затранскрибирован и переведен. Через некоторое время рассказчица, обладающая полной грамотностью на родном языке (достаточно редкое явление среди индейцев навахо) написала тот же самый рассказ. После этого можно было сравнить два варианта, различающиеся только модусом. Все остальные переменные – жанр, автор и даже содержание – были зафиксированы. Результаты сопоставления оказались следующие.

- письменный вариант содержит в полтора раза меньше предикаций, чем устный
- предложения письменного варианта длиннее, чем в устном варианте: 2,2 предикации в среднем против 1,9
- предикации письменного дискурса содержат существенно больше ИГ, предикации устного дискурса содержат существенно больше частиц (см. Таблицу 2)
- в письменном дискурсе существенно чаще встречаются многие типы зависимых предикаций (см. Таблицу 3)

	ИМЕНА	*ЧАСТИЦЫ*						
		Указат.	*Неопред.*	*Коннекторы*	*Эпистем.*	*Восклицат.*	*Идеофоны*	*В целом*
Устный	0,31	0,11	0,04	0,44	0,31	0,01	0,02	2,04
Письменный	0,46	0,04	0,02	0,28	0,11	0	0	1,43

Таблица 2. *Частоты типов слов в устном и письменном вариантах рассказа (количество употреблений, в среднем приходящееся на одну предикацию)*

	Дополнительные придаточные	*Относительные придаточные*	*Зависимая предикация после главной*
Устный	0,02	0,02	0,04
Письменный	0,05	0,07	0,01

Таблица 3. *Частоты морфосинтаксических явлений в устном и письменном вариантах рассказа (количество употреблений, в среднем приходящееся на одну предикацию)*

Ср. следующие два отрывка из устного (1а) и письменного (б) вариантов, передающие одно и то же пропозициональное содержание:

(1) а. ˀéí shį́į́ ch'ééh kóńjiilˀįįh
то вероятно понапрасну она.толкала.его
'Она [=орлица] толкала его [=яйцо] понапрасну'

б. ˀáádóó ˀatsáh-ą́ą ˀayęęzhii t'óó siˀán-ę́ę ch'ééh yéédilch'iˀ
потом орлица-эта яйцо просто оно.лежит-Рел понапрасну она.трогала.его
'Потом эта орлица понапрасну трогала яйцо, которое лежало без движения'

Особые элементы, которые есть в устном варианте, – это указательное местоимение и эпистемическая частица. Явления, имеющиеся в письменном варианте, но отсутствующие в устном, – это эксплицитные ИГ, указывающие на актанты (в противоположность анафорической доступности, имеющей место в устном варианте), использование относительного придаточного, входящего как актант в главную предикацию.

Очевидно, мы наблюдаем, что младописьменный язык, который не мог "успеть" выработать специальные конвенции для письменного модуса, немедленно развивает те же особенности, что и языки с длительной письменной традицией. Это более сложный синтаксис, использование более тяжелых предикаций, большее количество зависимых предикаций, и с другой стороны исчезновение различных прагматических маркеров – дейктических, эпистемических и т.д. Следовательно, письменный модус является в первую очередь результатом аккомодации немаркированного устного языка к специфике письменной ситуации использования. Это не значит, конечно, что язык с длительной письменной традицией не может на протяжении столетий вырабатывать какие-то конвенции, которые резко отличают его от устного языка. Но конвенции эти наверняка не случайны: они первоначально возникают под влиянием особенностей режима передачи сообщения, создаваемого письмом.

Несколько тысячелетий назад письменная форма языка возникла как способ преодолеть расстояние между говорящим и адресатом – расстояние как пространственное, так и временное. Такое преодоление стало возможно лишь при помощи особого технологического изобретения – создания физического носителя информации: глиняной дощечки, папируса, бересты и т.д. Дальнейшее развитие технологии привело к появлению более сложного репертуара форм языка и дискурса – таких, как печатный дискурс, телефонный разговор, радиопередача, общение при помощи пейджера и автоответчика, наконец, переписка по электронной почте. Все эти разновидности дискурса выделяются на основе типа носителя информации и имеют свои особенности.

Общение по электронной почте представляет особый интерес как феномен, возникший 10-15 лет назад, получивший за это время огромное распространение и представляющий собой нечто среднее между устным и письменным дискурсом. Подобно письменному дискурсу, электронный дискурс использует графический способ фиксации информации, но подобно устному дискурсу он отличается мимолетностью и неформальностью. Еще более чистым примером соединения особенностей устного и письменного дискурса является общение в режиме Talk (или Chat), при котором два собеседника "разговаривают" через компьютер: на одной половине экрана участник диалога пишет свой текст, а на другой половине может видеть побуквенно появляющийся текст своего собеседника. Исследование особенностей электронной коммуникации является одной из активных областей современного дискурсивного анализа (см., напр., Baron 2000).

Помимо двух фундаментальных разновидностей дискурса – устной и письменной – следует упомянуть еще одну: мысленную. Человек может пользоваться языком, не отсавляя при этом ни акустических, ни графических следов языковой деятельности. В этом случае язык также используется коммуникативно, но одно и то же лицо является и говорящим, и адресатом. В силу отсутствия наблюдаемых следов мысленный дискурс исследован гораздо меньше, чем устный и письменный. Одно из наиболее известных исследований мысленного дискурса, или внутренней речи, принадлежит психологу Л.С.Выготскому (1934).

3.2. Жанры дискурса

Более частные различия между разновидностями дискурса описываются с помощью понятия **жанр**. Это понятие первоначально использовалось в литературоведении для различения таких видов литературных произведений, как, например, новелла, эссе, повесть, роман и т.д. М.М.Бахтин (1953) и ряд других исследователей предложили более широкое понимание термина "жанр", распространяющееся не только на литературные, но и на другие речевые произведения. В настоящее время понятие жанра используется в дискурсивном анализе достаточно широко. Исчерпывающей классификации жанров не существует, но в качестве примеров можно назвать бытовой диалог (беседу), рассказ, инструкцию по использованию прибора, интервью, репортаж, доклад, политическое выступление, рекламное выступление, проповедь и т.д. На данный момент неизвестно, можно ли построить на лингвистической основе удовлетворительную классификацию жанров, или хотя бы определения отдельных жанров. Наиболее популярен в современной литературе подход Дж. Суэйлса (Swales 1990), который предложил определять жанры как атрибуты дискурсивных сообществ и как реализации типовых коммуникативных намерений, характерных для таких сообществ. Например, в сообществе людей, занимающихся бизнесом, есть типовое коммуникативное намерение "обратиться к некоторой фирме с деловым предложением". Для реализации этого намерения существует специальный жанр "деловое письмо", который является в высокой степени стандартизованным в конкретных культурно-языковых сообществах бизнесменов (Kong 1998). Существует множество частных исследований жанров – например, жанра научной прозы (Рябцева 1996) или жанра русского анекдота (Шмелева и Шмелев 2002).

Таким образом, с лингвистической точки зрения, центральный вопрос теории жанров состоит в том, можно ли определить тот или иной жанр в терминах языковой структуры. О некоторых жанрах известно, что они обладают достаточно устойчивыми характеристиками. Существует два основных типа таких характеристик, которые лингвисты пытаются использовать для определения жанров. Во-первых, это композиция, или **жанровая схема** (см. разделы 6 и 9 ниже о жанровой схеме рассказа). Деловое письмо, согласно Kong 1998, имеет следующую стандартную схему (вариант английских бизнесменов Гонконга):

- источник сведений о фирме-адресате
- суть предложения
- история своей фирмы
- обоснование предложения
- формулировка условий
- другие предложения
- сердечное завершение

Проблема с такого рода определениями жанров состоит в том, что остается непонятным: как на основе жанровой схемы сделать какие-либо предсказания относительно языковой формы дискурса, представляющего данный жанр. Поэтому жанровые схемы являются важным научным обобщением, но между ними и языковой структурой не хватает некоего соединяющего звена. Вопрос о том, что может быть таким соединяющим звеном, более подробно рассматривается в разделе 9.

Другой подход к лингвистической идентификации жанров, иногда рассматривавшийся лингвистами, основан на формальных – морфосинтаксических и лексических – характеристиках соответствующих дискурсов. Известно, например, что жанр рассказа обладает некоторыми языковыми особенностями: рассказ содержит каркас из упорядоченных во времени событий, которые описываются однотипными грамматическими формами (например, глаголами в прошедшем времени) и между которыми есть связующие элементы (типа союза *потом*). Американский лингвист Д.Байбер задался вопросом: можно ли приписать жанрам как культурным концептам устойчивые языковые характеристики? В масштабном исследовании (Biber 1989) он описал жанрово разнообразный корпус, содержащий 481 текст, при помощи 67 эмпирически наблюдаемых и количественно измеримых морфосинтаксических и лексических параметров – таких, как использование форм прошедшего времени, использование причастий, использование личных местоимений и т.п. Эти параметры были затем объединены в 5 групп сходно варьирующих признаков. В таком 5-мерном пространстве все тексты объединились в 8 кластеров, которые Байбер назвал “типами текстов”. Оказалось, что эти типы текстов достаточно ограниченно коррелируют с жанрами как с культурно отождествимыми концептами. Например, большинство текстов, отнесенных к жанру “личный телефонный разговор”, попали в тот тип текста (один из восьми), который Байбер обозначил как “близкое межличностное взаимодействие”. Но это большинство составляет всего лишь 62%, т.е. степень корреляции невелика. Основной вывод Байбера относительно языковых характеристик жанров носит отрицательный характер: фактически жанры оказываются лингвистически нерелевантной классификацией.

Причина отрицательного результата Байбера состоит в следующем. Устойчивыми морфосинтаксическими и лексическими характеристиками обладают не типы дискурсов (т.е. жанры), а типы изложения, или **типы пассажей**, т.е. фрагментов дискурса. Обычно (см. например Longacre 1992, Graesser and Goodman 1985) выделяются следующие типы пассажей:

- нарративный (повествовательный)
- дескриптивный (описательный)
- объяснительный
- инструктивный и увещевательный
- убеждающий (аргументативный)

О некоторых из этих типов пассажей известно, что они имеют типичные языковые характеристики. Примеры таких характеристик приводятся в Таблице 4.

Тип пассажа	*Характерные морфосинтаксические или лексические явления*
нарративный	прошедшее время, совершенный вид
дескриптивный	стативные предикаты
объяснительный	
инструктивный	императивы
аргументативный	модальные предикаты типа *нужно*

Таблица 4. *Характерные языковые признаки типов пассажей*

Далее, дискурс определенного жанра не обязательно является однородным с точки зрения типа пассажа. Например, рассказ в первую очередь состоит из нарративных пассажей, но не исключительно. Так, очень важная составная часть схемы рассказа – экспозиция – по определению представляет собой дескриптивный тип пассажа. (Этот вопрос подробно рассматривается в разделе 9 ниже). А если так, то нельзя ожидать, что даже один рассказ будет однородным с точки зрения языковых характеристик типа тех, что приведены в Таблице 4. Тем более неудивительно, что в корпусе Байбера жанры оказались в целом лингвистически неоднородны.

Таким образом, лингвистическое определение жанров, а в перспективе и классификация жанров, вероятно должны строиться на основе первоначального детального исследования типов пассажей. Жанровые схемы можно рассматривать как конфигурации типов пассажей. Тогда, возможно, и жанры в целом могут получить лингвистическое определение. Один опыт такого типа описывается ниже в разделе 9.

Типы дискурса настолько разнообразны, что все существующие на сегодняшний день модели дискурса обычно хорошо применимы лишь к какому-то из этих типов. Практически все актуальные проблемы дискурсивного анализа решаются по-разному для разных типов дискурса. Это связано с тем обстоятельством, что никакой универсальной теории дискурса пока не существует, дискурсивный анализ является крайне мозаичной дисциплиной. Возможно, эта трудность в будущем будет преодолена, однако на сегодняшний день она сохраняется. Поэтому обсуждаемые ниже модели различных дискурсивных явлений непосредственно применимы лишь к тем типам дискурса, на базе которых они разработаны.

4. Когнитивная лингвистика

Прежде чем объяснить, в чем состоит когнитивный подход к дискурсу (раздел 5), необходимо обрисовать в целом, что представляет собой современная когнитивная лингвистика.

Лингвистика имеет длительную традицию автономизации. Автономная лингвистика основывается на идее, что языковая система может быть описана и объяснена в пределах себя самой, без апелляции к другим феноменам (таким, как психика, мышление, мозг, анатомия и физиология человека, общество, культура и т.д.). Сторонники этих теорий обычно характеризуют любое объяснение языковых фактов, опирающееся на внешние по отношению к языку феномены, как “не лингвистику”. Самая могущественная школа в современной лингвистике, придерживающаяся позиций автономизации, – это генеративная грамматика. В 1970-80-е гг. как реакция на автономную лингвистику возник целый ряд направлений, основанных на прямо противоположном тезисе – тезисе о том, что язык тесно связан с сознанием, мышлением, памятью, категоризацией, другими когнитивными функциями человека. Если язык является частью объемлющей когнитивной системы, то естественно ожидать, что многие языковые явления могут найти свое объяснение в когнитивных функциях. К числу первых работ современной эпохи, выдвинувших на первый план эту идею, относятся Chafe 1974, Звегинцев 1996 (издание ранее написанных работ), Lakoff and Johnson 1980, А.Е.Кибрик 1983.

Когнитивная лингвистика в нынешнем контексте – ветвь лингвистического функционализма (см. Демьянков 1995, Кибрик и Плунгян 1997), считающего, что языковая форма производна от функций языка. Однако разные направления функционализма сосредотачиваются на разных типах функций – например, семантических ролях, связности текста, коммуникативных установках и т.д. Когнитивное направление функционализма особо выделяет роль когнитивных функций и предполагает, что остальные функции выводимы из них или сводимы к ним.

Между различными когнитивными феноменами пролегает фундаментальное различие с точки зрения того, какова их роль по отношению к языку. Одни из них ответственны за использование языка в реальном времени, что называется on-line. К когнитивным феноменам типа on-line относятся, в частности, оперативная память, внимание, активация, сознание. Эти феномены связаны с коммуникативной функцией языка – функцией передачи информации от одного человека к другому.

Феномены другого типа не имеют прямого отношения к функционированию языка в реальном времени, а связаны с языком как средством хранения и упорядочения информации – это феномены типа off-line. К феноменам второго типа относятся долговременная память, система категорий и категоризация, структуры представления знаний, лексикон и т.д. Эти феномены связаны с функцией языка как системы долговременного хранения информации в голове индивидуума.

Направление, ныне официально известное как “когнитивная лингвистика”, оформилось в Северной Америке и Западной Европе в 1980-е гг. Это направление фактически у́же, чем вся совокупность исследований, посвященных связи языка с когнитивной системой. В современной лингвистике сложилась такая ситуация, что понятия

“когнитивная лингвистика”, “когнитивный подход” ассоциируются в основном с работой в области исследования категорий, лексической семантики, метафоры и т.д., то есть явлений типа off-line. Фактически подавляющее большинство исследований, появляющихся под рубрикой “когнитивная лингвистика”, объединены не только общим постулатом когнитивного подхода, сформулированного выше, но и следованием одной из двух наиболее известных школ, связанных с именами Дж.Лакоффа и Р.Лангакера.

Теория Дж.Лакоффа отражена в книгах Lakoff and Johnson 1980, Lakoff 1987. Одна из наиболее фундаментальных идей Лакоффа состоит в том, что человеческая концептуализация (а следовательно, языковая семантика) носит главным образом метафорический характер, то есть осмысление более или менее сложных объектов и явлений человеком основывается на переосмыслении базисных понятий человеческого опыта (физических, сенсомоторных, анатомических и т.д.). Теория концептуализации Лакоффа – выдающееся явление современной лингвистики, но когнитивная проблематика тем не менее не должна сводиться к тем явлениям, которые находятся в центре внимания этой теории. Сказанное в значительной степени относится и к теории Р.Лангакера (см. Langacker 1987/1991), которая несколько шире по своему диапазону и включает в рассмотрение и некоторые дискурсивные явления (Langacker 2001), но все же в основном тоже посвящена явлениям типа off-line.

Более подробно проблематика когнитивно-лингвистических работ обсуждается в обзорах Демьянков 1994, Кубрякова 1994, Рахилина 1997, Ченки 1997.

В неменьшей степени, чем в семантике, когнитивный подход применим и продуктивен в области явлений типа on-line, то есть процессов построения и понимания дискурса. Исключение исследований по дискурсу из области под названием “когнитивная лингвистика” совершенно неприемлемо. В последнее время ситуация начала изменяться, и “когнитивная лингвистика” все чаще включает и дискурсивные исследования, т.е. явления типа on-line, и тем самым в большей степени оправдывает свое название.

Противопоставление и переплетение структуры и функционирования характерны не только для языка, но и для всего живого. Существуют два возможных взгляда на любой живой объект – с точки зрения его структуры и с точки зрения его функционирования. В биологических науках выделяются два раздела – анатомия и физиология. Анатомия – наука о структуре организма, о его составляющих – крови, скелете, мышцах и т.д. Но не менее важно понять, как это тело функционирует. Физиология – наука о функционировании организма. Анатомия связана со статической структурой, физиология – с динамическим ее использованием, употреблением. Можно было бы прокламировать идею, что физиология не имеет значения, мы изучаем только то, что можно пощупать. Но вряд ли есть приверженцы такой идеи в биологии, т.к. человеческое сознание всегда задается вопросом: а для чего это нужно? Для чего нужно сердце? Для чего нужны мышцы? Любой вопрос такого типа приводит нас в область физиологии, performance, on-line.

Аспекты off-line и on-line постоянно переплетаются. Хотя это противопоставление фундаментально, оно не дискретно. Почему? Потому что, во-первых, употребление формирует структуру: любой анатомический элемент существует, потому что он

выполняет какие-то функции или выполнял их когда-то. Детерминация формы со стороны функции не является абсолютной. Если бы она была абсолютной, то все живые организмы были бы одинаковыми, а в области языка – были бы одинаковыми все языки. Поэтому есть и обратная зависимость – структура, сформировавшаяся к данному моменту, накладывает ограничения на функционирование.

Поэтому при описании любого языкового явления важно стараться понять, в какой мере его форма определяется его функцией, а в какой мере имеющаяся форма, каким-то образом кристаллизованная в языке, ограничивает возможности употребления. В целом, чем больше языковая составляющая, тем в целом неестественнее отрешаться от аспекта on-line. Отчасти это связано с количеством единиц: фонем – несколько десятков, слов – несколько десятков тысяч, дискурсов – бесконечное открытое множество, они никогда не повторяются. Хотя в них можно усмотреть повторяющиеся модели, но процессы их продуцирования, их развертки во времени являются более важными.

В последние годы термин "когнитивный" употребляется многими лингвистами в очень расплывчатом смысле, фактически без всякого содержания. И направление, известное как когнитивная лингвистика, не вполне оправданно "приватизировало" этот термин. Информированность многих, в том числе ведущих, когнитивных лингвистов о когнитивно-психологической проблематике находится на очень низком уровне. В данной работе термин "когнитивный" понимается в своем прямом смысле, для указания на те системы человеческого интеллекта и мозга, которые ориентированы на обработку информации – память, внимание, сознание, представление знаний, категоризация… Когнитивный подход в лингвистике, в понимании данного автора, означает стремление согласовывать лингвистические результаты с результатами, известными из когнитивно-психологических, а также нейропсихологических, исследований. Когнитивная психология (см., напр., Величковский 1982, Солсо 1996, Anderson 1990), фактически сливающаяся сейчас с нейропсихологией (Posner and Raichle 1994), – одна из бурно развивающихся наук, которая вероятно станет одной из центральных в наступившем веке (Velichkovsky 1998). Среди психологов есть растущее понимание того, что без серьезной эмпирически-ориентированной лингвистики невозможно создание единой картины когнитивной системы (Tomasello 1996). Перспективы лингвистики во многом связаны с вопросом о том, станут ли лингвисты всерьез воспринимать когнитивную парадигму и смогут ли они внести вклад в ее развитие. Одна из важных попыток такого рода – развиваемая Дж. Фелдманом и Дж. Лакоффом "Нейронная теория языка" (Feldman and Lakoff 2000), пытающаяся ответить на вопрос о том, как мозг рождает мышление и язык.

5. Когнитивный подход в дискурсивном анализе

За последние годы появилось достаточно большое количество разрозненных когнитивных исследований в области дискурсивного анализа. Это как чисто теоретические, так и психолингвистические исследования. В настоящем разделе кратко излагаются результаты двух когнитивно-дискурсивных исследований, которые представляются образцовыми и особенно релевантными для исследований, описываемых далее.

С именем американского лингвиста У.Чейфа связан подход к дискурсу, который можно назвать "информационный поток и сознание". Еще в 1976 г. Чейф опубликовал известную статью о категориях данного, определенного, подлежащего, топика и др. (перевод Чейф 1982), в которой эти понятия были переосмыслены в когнитивных терминах, в связи со структурами человеческого сознания и памяти. В коллективной монографии Chafe ed. 1980 "Рассказы о грушах. Когнитивные, культурные и языковые аспекты порождения повествования" описывалось исследование, в котором в методологию теоретической лингвистики были включены элементы эксперимента. Авторы демонстрировали испытуемым специально снятый небольшой фильм (о мальчике, собирающем груши), а затем записывали и транскрибировали их пересказы этого фильма. Этот эксперимент варьировался с испытуемыми разных возрастов, с носителями разных языков, и с различными временными интервалами между просмотром фильма и записью пересказа. Анализ всего многообразия полученных материалов позволил сделать множество выводов о дискурсивных процессах, в частности о динамике сознания говорящего во времени, о языковых коррелятах движущихся "фокусов сознания", о культурных различиях между носителями разных языков в отношении выбора релевантной информации при построении дискурса, о когнитивных мотивациях синтаксических выборов – таких, как употребление местоимений, именных групп, выбор подлежащего. Последняя по времени книга Чейфа "Дискурс, сознание и время. Текущий и отстраненный сознательный опыт при речи и письме" (Chafe 1994) суммирует результаты предыдущих исследований. Эта работа Чейфа основана на большом эмпирическом материале – корпусе разговорного английского языка.

Центральный феномен, контролирующий использование языка – это, по Чейфу, **сознание**. (Другие исследователи для обозначения того же самого феномена используют такие более технические термины, как оперативная или активная память, центральный процессор, буфер и т.д.) Сознание, согласно Чейфу, по своей природе фокусируется в каждый момент на каком-то фрагменте мира, и этот фокус постоянно перемещается. Сфокусированность сознания на некоторой информации означает, что данная информация **активирована**. Чейф придерживается троичной классификации состояний активации: активная информация, полуактивная и инактивная. Полуактивной является информация, которая недавно вышла из активного состояния, или каким-то образом связана с информацией, активированной в данный момент. На базе этих понятий определяется тройка "данное – доступное – новое". Это троичное противопоставление имеет целый ряд рефлексов в языке. Так, данные референты обычно кодируются слабоакцентированными местоимениями или нулем, а доступное и новое – ударными полными именными группами.

Фундаментальное эмпирическое наблюдение Чейфа состоит в том, что устный дискурс порождается не как плавный поток, а толчками, квантами. Эти кванты, чаще всего соизмеримые по объему с одной предикацией, именуются **интонационными единицами** (ИЕ). Каждая ИЕ отражает текущий **фокус сознания**, а паузы или другие просодические границы между ИЕ соответствуют переходам сознания говорящего от одного фокуса к другому. Один фокус сознания, кодируемый одной ИЕ, соответствует максимальному объему информации, доступному для одновременного удержания в сознании человека. ИЕ делятся на содержательные – передающие пропозициональ-

ную информацию – и регуляторные, состоящие из специальных слов и словосочетаний типа *вот, однако, по-моему, понимаете ли* и т.п. Средняя длина содержательной ИЕ – 4 слова (для английского языка). Прототипическая содержательная ИЕ совпадает с предикацией и вербализует таким образом событие или состояние.

В работе Чейфа содержится целый ряд открытий, проливающих совершенно новый свет на структуру человеческого дискурса и сознания. Во-первых, Чейфом сформулировано ограничение “один элемент новой информации в ИЕ”. В ИЕ обычно содержится не более и не менее чем один новый референт или событие. Когнитивная причина подобного ограничения – невозможность активации (перевода из инактивного состояния в активное) более одного элемента информации в рамках одного фокуса сознания. Данное обобщение может претендовать на статус одной из наиболее важных истин, добытых в дискурсивном анализе. Еще одно интересное обобщение, формулируемое Чейфом, касается вопроса о том, какой референт говорящий выбирает в качестве подлежащего. Чейф предполагает, что таковым выбирается “легкая информация”, которая объединяет данное (в 81% случаев в использованной текстовой выборке), доступное (в 16% случаев), и несущественное новое. Среди исходных понятий концепции Чейфа отсутствует понятие предложения. В рамках устного дискурса – основного вида использования языка – статус этого понятия неочевиден. Предложение традиционно считается столь базисным феноменом лишь в силу гипертрофированной роли письменной формы языка в лингвистике. В устном же языке несомненны лишь такие составляющие, как дискурс и ИЕ, а предложение – это нечто промежуточное. Чейф высказал догадку, что предложение – это, с когнитивной точки зрения, “суперфокус сознания”, т.е. объем информации, превосходящий обычный фокус сознания. Суперфокусы сознания и предложения возникли в результате эволюционного развития ментальных способностей человека (в отличие от обычного фокуса сознания, который задан нейропсихическими свойствами человеческого мозга). В процессе порождения дискурса человек мысленно просматривает, сканирует текущий суперфокус, и разбивает его на отдельные фокусы, соизмеримые с объемом сознания. Характерная интонация конца предложения имеет место тогда, когда заканчивается процесс такого сканирования.

Явления информационного потока исследуются также в работах американского когнитивного лингвиста Р.Томлина. В статье Tomlin 1995 он исследовал классическую “информационную” категорию **тема (топик)**. Он предложил переинтерпретировать это теоретически неясное понятие в когнитивных терминах, опираясь на факты, независимо установленные в когнитивной психологии. А именно, Томлин предложил заменить понятие темы (топика) на **фокусное внимание**. Экспериментально манипулируя состояниями внимания говорящего, можно проверить, как когнитивные характеристики реализуются в грамматической структуре. Томлин описывает изощренную **экспериментальную методику**, которая была создана для выяснения когнитивных оснований грамматических выборов, совершаемых говорящим. Он создал мультфильм, состоящий из серии эпизодов, в каждом из которых две рыбы плывут навстречу друг другу, а потом одна из них съедает другую. Испытуемые, описывающие акт поедания в реальном времени, последовательно кодируют рыбу, на которой экспериментатор фокусирует их внимание, посредством подлежащего (в английском и в

ряде других языков), причем залог соответствующего предиката оказывается активным или пассивным в зависимости от того, была ли эта рыба агенсом или пациенсом в акте съедания. В более поздних работах (напр., Tomlin et al. 1997) Томлин заявил о более обширной исследовательской программе, которую он называет **когнитивной функциональной грамматикой**. Компоненты когнитивной функциональной грамматики — модель представления событий и их отображения на языковую структуру, модель когнитивной системы говорящего, и методология экспериментальной верификации каузальных связей между когнитивными и языковыми явлениями.

В настоящей работе используется когнитивный подход к анализу дискурса, который можно резюмировать следующим образом.

При вступлении в коммуникацию говорящий имеет некоторое **исходное коммуникативное намерение** (КН), которое разворачивается в некоторый набор производных коммуникативных намерений. Например, если интервьюер встречается с политическим деятелем и имеет исходное КН узнать о его политической программе, это исходное КН расщепляется на ряд более частных, производных КН. **Производное** КН реализуется в виде некоторой иерархической структуры, узлы которой соединены риторическими отношениями. Каждый узел **риторической иерархической структуры** реализуется в дальнейшем как набор **семантических единиц** – лексических или грамматических. Четырехуровневая блок-схема этой динамической модели порождения дискурса показана на Рисунке 1 ниже.

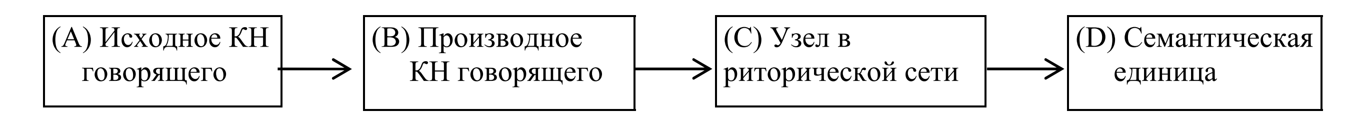

Рис. 1. *Блок-схема процесса порождения дискурса*

Каждый из четырех уровней этой модели прототипически реализуется как языковая составляющая некоторого определенного объема. Соответствия между уровнями и типами составляющих показаны в Таблице 5.

Уровень модели порождения дискурса	*Тип языковой составляющей*
Исходное КН говорящего	Целый дискурс
Производное КН говорящего	Блок дискурса (абзац, эпизод…)
Узел в риторической сети	Предикация
Семантическая единица	Слово или грамматическая конструкция

Таблица 5. *Уровни модели порождения дискурса и типы составляющих*

Как видно на Рисунке 1, в процессе порождения дискурса имеют место три перехода от одного уровня к другому. Исследования, излагаемые в дальнейших частях данной работы, ориентированы на эти три типа переходов.

Переход от исходного к производным КН рассматривается в разделах 6 и 7, посвященных глобальной структуре дискурса. Переход от производных КН к риторической сети является предметом разделов 8 и 9 – в них речь идет о формировании локальной структуры дискурса (а также о ее взаимодействии с глобальной структурой).

К этой проблематике относится также материал раздела 15. Исследования, описываемые в разделах 11-14, посвящены референции, то есть лексическому выбору, и тем самым иллюстрируют переход от узлов риторической сети к семантическим единицам.

Дальнейшие подробности относительно предлагаемого когнитивного подхода к дискурсу будут изложены по ходу работы. В частности, в данной работе достаточно подробно описывается когнитивная модель референции, основанная на понятиях рабочей памяти и активации. Эта модель излагается в разделе 11.

Часть II: СТРУКТУРА ДИСКУРСА

6. Глобальная и локальная структура дискурса

Центральный круг вопросов, исследуемых в дискурсивном анализе – вопросы **структуры дискурса**. Это естественно: в любой эмпирической дисциплине вопросы об устройстве изучаемого объекта ставятся при исследовательском анализе в первую очередь. Свойства объекта во многом выводятся из свойств его частей.

Следует различать разные уровни структуры дискурса – макроструктуру, или глобальную структуру, и микроструктуру, или локальную структуру. Глобальная структура дискурса – это членение на крупные составляющие: эпизоды в рассказе, абзацы в газетной статье, группы реплик в устном диалоге и т.д. В противоположность глобальной структуре, локальная структура дискурса – это членение дискурса на минимальные составляющие, которые имеет смысл относить к дискурсивному уровню. Иерархическое членение дискурса – от глобальной до локальной структуры – схематически изображено на Рисунке 2. Понятно, что между уровнями глобальной и локальной структуры нет жесткой разделительной линии. Это два полюса среди уровней структуры дискурса.

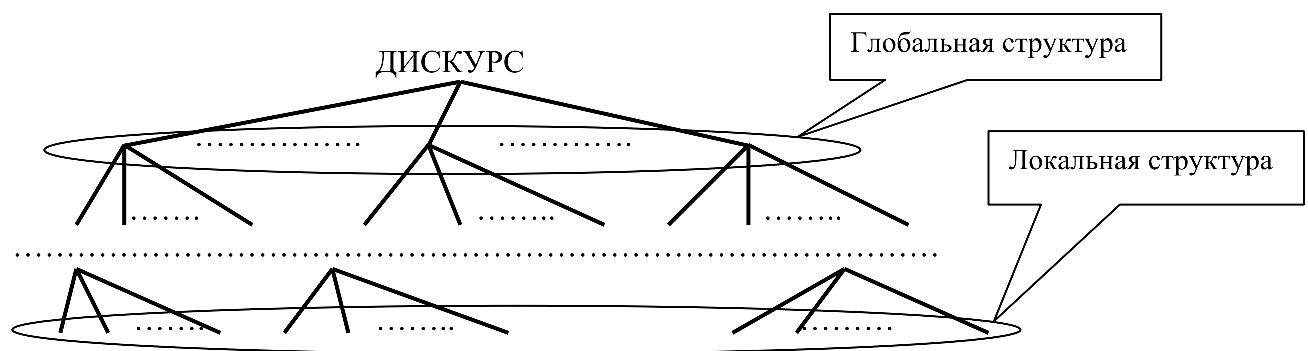

Рис. 2. *Иерархическая структура дискурса*

Из чего состоит **глобальная структура** дискурса? Иными словами, на какие крупные сегменты распадается дискурс? На этот вопрос нельзя ответить единым образом для всех жанров. Не существует единой теории структуры дискурса для всех жанров. Роман “Война и мир” – это дискурс. Двухминутный разговор по телефону – это тоже единый, целый дискурс. И тот, и другой дискурс имеют глобальную структуру. При-

меры, рассматриваемые ниже, – это в основном небольшие образцы дискурса, их глобальные структуры тоже имеют соответствующий объем.

Примечание. Здесь используется термин “глобальная структура”, а не “макроструктура, поскольку последний термин был использован в специфическом понимании в трудах известного нидерландского исследователя дискурса Т. ван Дейка (1989). Согласно ван Дейку, макроструктура – это обобщенное описание основного содержания дискурса, которое адресат строит в процессе понимания. Макроструктура представляет собой последовательность макропропозиций, т.е. пропозиций, выводимых из пропозиций исходного дискурса по определенным правилам (так наз. макроправилам). К числу таких правил относятся правила сокращения (несущественной информации), обобщения (двух или более однотипных пропозиций) и построения (т.е. комбинации нескольких пропозиций в одну). Макроструктура строится таким образом, чтобы представлять из себя полноценный текст. Макроправила применяются рекурсивно, поэтому существует несколько уровней макроструктуры по степени обобщения. Фактически макроструктура по ван Дейку в других терминах называется рефератом или резюме. Макроструктуры соответствуют структурам долговременной памяти – они суммируют информацию, которая удерживается в течение достаточно длительного времени в памяти людей, услышавших или прочитавших некоторый дискурс. Построение макроструктур слушающими или читающими – это одна из разновидностей так называемых стратегий понимания дискурса.

Между крупными фрагментами дискурса наблюдаются границы, которые помечаются относительно более длинными паузами (в устном дискурсе), графическим выделением (в письменном дискурсе), специальными лексическими средствами (такими служебными словами или словосочетаниями, как *а, так, наконец, что касается* и т.п.). Внутри крупных фрагментов дискурса наблюдается единство – тематическое, референциальное (т.е. единство участников описываемых ситуаций), событийное, временнóе, пространственное и т.д. Различными исследованиями, связанными с глобальной структурой дискурса, занимались Т. ван Дейк (1989), Э. Шеглофф (Schegloff 1999), А.Н.Баранов и Г.Е.Крейдлин (1992), Е.В.Падучева (1965, 1995) и др.

В письменном дискурсе есть наглядный способ маркирования глобальной структуры – графический **абзац**. Люди, использующие письменный русский язык, очень привыкли к абзацам как к графическому средству. Надо, однако, понимать, что абзацы не являются неотъемлемой характеристикой письменного дискурса. Например, в первом письменном славянском языке – старославянском – абзацы, как известно, не использовались.

Явление абзаца как элемента глобальной структуры порождает целый ряд исследовательских вопросов, в том числе:

1) На каких основаниях пишущий ставит границу абзаца и что это дает читающему? Имеет ли абзац самостоятельное семантическое содержание или границы абзацев автоматически выводимы из семантики контекста?
2) Имеет ли абзац какие-либо устойчивые соответствия в устном дискурсе? Если да, какие? Если нет, то как мы без него обходимся, когда говорим устно?

Что касается первого вопроса, обычно предполагается, что граница абзаца – это смена топика (Brown and Yule 1983: 95ff.), или, в других терминах, снижение связности. Связность обычно понимается как совокупность общих для фрагмента дискурса характеристик. Так, Т.Гивон различает референциальную, временнýю, пространственную и событийную связность (Givón 1990: 896). Таким образом, на границе ожидается разрыв по крайней мере одного из типов связности – смена действующих лиц,

смена времени или места излагаемых событий, разделенность самих этих событий. Еще несколько десятилетий назад Е.В.Падучева (1965) пыталась определить единство абзаца на основе употребления кореферентных ИГ, т.е. на основе только одного вида связности – референциальной. Согласно обнаруженной ею тенденции, в первом предложении вводится новый референт, а в последующих – нет.

Рассмотрим в качестве примера фрагмент рассказа Бориса Житкова "Над водой", в котором были убраны границы абзацев.

1. Аппарат набирал высоты, выше и выше, шел к сежным облакам, которые до горизонта обволокли небо плотным куполом. 2. Там, выше этих облаков, – яркое-яркое солнце, а внизу ослепительно белая пустыня – те же облака сверху. 3. Два мотора вертели два винта. 4. За их треском трудно было слушать друг друга пассажирам, которые сидели в каюте аппарата. 5. Они переписывались на клочках бумаги. 6. Некоторые не отрываясь глядели в окна, другие, наоборот, старались смотреть в пол, чтобы как-нибудь не увидать, на какой они высоте, и не испугаться, но они чувствовали, что под ними, и от этого не могли больше ни о чем думать. 7. Дама достала книжку и не отрываясь в нее смотрела, но ничего не понимала. 8. "А мы все поднимаемся", – написал на бумажке веселый толстый пассажир, смотревший в окно, своему обалдевшему соседу. 9. Тот прочел, махнул раздраженно рукой, натянул еще глубже свою шляпу и ниже наклонился к полу. 10. Толстый пассажир достал из саквояжа бутерброды и принялся спокойно есть. 11. А впереди, у управления, сидели пилот, механик и ученик. 12. Все были тепло одеты, в кожаных шлемах. 13. Механик знаками показывал ученику на приборы: на альтиметр, который показывал высоту, на манометры, показывавшие давление масла и бензина. 14. Ученик следил за его жестами и писал у себя в книжечке вопросы корявыми буквами – руки были в огромных теплых перчатках. 15. Альтиметр показывал 800 метров и шел вверх. 16. Уже близко облака. (Б.Житков, "Над водой".)

В тексте этого фрагмента, как он был опубликован в сборнике рассказов Житкова, есть 5 абзацев – они начинаются с предложений 1, 3, 8, 9 и 11. Абзацы перед предложениями 8 и 9 носят характер графической условности – они обусловлены тем обстоятельством, что предложение 8 – это прямая речь, и она может быть выделена как отдельный абзац. Поэтому эти границы не представляют для нас большого интереса.

Граница перед предложением 11 имеет формальный маркер – частицу *а*. С точки зрения структуры связности, здесь происходит локальный сдвиг – действие перемещается из одного пространства (каюта) в другое (кабина пилота). Одновременно происходит референциальный сдвиг – переход от одной группы участников событий (пассажиры) к другой (экипаж).

Граница абзаца перед предложением 3 обусловлена еще более существенным локальным сдвигом, который можно описать как смену перспективы, то есть точки отсчета, из которой автор предлагает смотреть на описываемые объекты и события. В первом абзаце мы смотрим на самолет из атмосферы, он представляет собой объект, движущийся по небу, а начиная с 3 предложения перспектива переносится внутрь самолета, и релевантный фрагмент действительности ограничивается корпусом самолета.

Таким образом, две существенные границы в этом фрагменте – перед предложениями 3 и 11. Границу перед предложением 1 в рамках данного отрывка проинтерпретировать нельзя, т.к. не дан предтекст.

В течение ряда лет студентам МГУ, изучающим дискурсивный анализ, предлагалось следующее задание. Они получали фрагмент рассказа Бориса Житков с убранными границами абзацев, приведенный выше. Студенты должны были поставить границы абзацев в тех местах, где это им представлялось необходимым. Им было сообщено, что предложение 1 представляет собой начало абзаца.

В Таблице 6 приведены результаты одного из таких экспериментов.

Список предложений, перед которыми следует поставить границу абзаца	1 3 11	1 7 11	1 3 7	1 3 7 11	1 3 15	1 3 11 15	1 3 7 10 11	13 7 10 11 15	
Количество студентов, предложивших данный вариант	***11***	***3***	***1***	***1***	***1***	***10***	***1***	***2***	***Всего: 30***

Таблица 6. *Результаты эксперимента по расстановке границ абзацев*

Ни один студент не предложил поставить границу абзаца перед предложением 8 или 9. Эти границы действительно условны, и потому несущественны. Границы перед предложениями 3 и 11 являются, напротив, очень существенными. Только три человека (10%) не поставили границу перед предложением 3, и только двое (7%) не поставили границу перед предложением 11. Из этого следует несколько выводов. Во-первых, безусловно, границы абзацев перед предложениями 3 и 11 не являются простой графической условностью. Они маркируют границы между компонентами глобальной структуры дискурса, и носители языка с 90-процентной вероятностью сходятся в том, где эти границы находятся.

Во-вторых, абзацы во многом представляют собой избыточную информацию. Когда они устранены, носитель языка по другим элементам формы текста все равно в состоянии восстановить те места, где они должны быть.

С другой стороны, имеется большое количество случаев, в которых испытуемые данного эксперимента разошлись в своих суждениях. В особенности это касается тех тринадцати человек (целых 43%!), которые поставили границу перед предложением 15. Вероятно, эти испытуемые проинтерпретировали предложения 15-16 не как продолжение описания того, что происходило в кабине управления, не как то, что было видно пилоту, механику и ученику, а как нечто с позиций внешнего наблюдателя-рассказчика, то есть усмотрели здесь существенный разрыв связности. Очевидно, это означает, что границы между абзацами **не полностью** выводимы из прочей формы текста. То, как их расставляет автор или редактор, несет самостоятельную семантическую информацию. Тот факт, что в оригинальном тексте нет границы абзаца перед предложением 15, сигнализирует адресату: предложения 15-16 должны интерпретироваться как часть эпизода 11-16, как то, что происходит в кабине управления, как то, что видят пилот, механик и ученик.

В принципе, тот факт, что расстановка абзацев не абсолютно безразлична и не абсолютно предсказуема, не слишком отличает абзацы от других элементов текстовой формы. Например, в преподавании иностранного языка иногда используется такой

прием, как изъятие из текста всех предлогов и дальнейшее задание их восстановить. Это, казалось бы очень неестественное, упражнение во многих случаях оказывается осуществимым. Нельзя сказать, что предлоги ничего не значат, но их значение восстановимо из контекста. Абзацы особенно напоминают знаки препинания. Они тоже во многом избыточны, но иногда оказываются смыслоразличительными. Абзацы похожи на знаки препинания и в другом отношении – и те, и другие представляют собой бледные аналоги тех языковых средств, которые используются в устном дискурсе. Знаки препинания заменяют в редуцированном (но при этом очень дискретном) виде большой репертуар просодических средств устного дискурса. Абзацы, тоже редуцированно и дискретно, заменяют такие маркеры глобальной структуры, как относительно длинные паузы и специальные дискурсивные маркеры. Существует ряд типологически-ориентированных работ (например, Grimes 1975, Hinds ed. 1978, Longacre 1983) о разных языках, в которых термин "абзац" используется нейтрально относительно модуса, т.е. применительно и к устному дискурсу. Согласно этим работам, абзац помечается неким специальным маркером, типа русского *а* – ср. использование этого маркера на границе абзаца в примере, разобранном выше.

Существует несколько традиций описания глобальной структуры диалогического дискурса. Во всех случаях в качестве глобальных блоков диалога рассматриваются группы реплик. Так, в исследовании Баранов и Крейдлин 1992 была сформулирована модель, основанная на теории речевых актов. Одно из основных понятий этой теории – понятие иллокуции, т.е. намерения, которое говорящий реализует в речевом акте. Авторы предложили понятие иллокутивного вынуждения – отношения между такими парами реплик диалога, в которых первая реплика вызывает или предопределяет вторую. Простейший пример иллокутивно вынуждающего речевого акта – вопрос, вынуждающий ответ. Группы реплик, связанные отношениями иллокутивного вынуждения, авторы назвали минимальными диалогами или минимальными диалогическими единицами (МДЕ).

Другая традиция связана с описанием устного диалога и возникла в рамках Анализа бытового диалога (Conversation analysis) – направления, созданного группой американских социологов в 1970-х гг. и затем приобретшего большую популярность среди лингвистов. В Анализе бытового диалога используется понятие "смежных пар" (adjacency pairs) – групп реплик, весьма похожих на МДЕ (Schegloff and Sacks 1973).

Еще одна модель, описывающая группы реплик в диалоге как единицы глобальной структуры, излагается в следующем разделе 7.

Перечисленные выше подходы к глобальной структуре ориентированы в основном на то, чтобы установить объем единиц этой структуры и границы между ними. Существуют также модели глобальной структуры, указывающие на различные типы таких единиц и конфигурации, которые они вместе образуют. Так, Т. ван Дейк (1989) использует понятие суперструктуры – стандартной схемы, по которой строятся конкретные дискурсы. В отличие от макроструктуры, суперструктура связана не с содержанием конкретного дискурса, а с его жанром. Так, чаще всего цитируются нарративные схемы, т.е. схемы такого жанра, как рассказ. Согласно У. Лабову (Labov 1972), рассказ стандартно строится по следующей схеме: "краткое содержание – ори-

ентация – осложнение – оценка – разрешение – кода”. Вопросы жанровых схем обсуждаются ниже в разделе 9.

В противоположность глобальной структуре, **локальная структура** дискурса – это членение дискурса на минимальные составляющие, которые имеет смысл относить к дискурсивному уровню. В большинстве современных подходов такими минимальными единицами считаются предикации, или клаузы (clause). Как было показано в разделе 5 выше, в устном дискурсе минимальными единицами являются так называемые интонационные единицы (ИЕ). ИЕ реализуются как предикации не всегда, но очень часто. Как показывают проведенные количественные исследования на русском материале, от половины до двух третей ИЕ совпадают с предикациями, что безусловно не могло бы иметь места, если бы ИЕ формировались независимо от границ предикаций. Даже те ИЕ, которые не совпадают по объему с одной предикацией, косвенно подтверждают, что эти типы единиц связаны между собой. К их числу относятся:

- ИЕ, меньшие, чем одна предикация, в том числе:
  - усеченные предикации, которые говорящий начал, но не завершил
  - “регуляторные” ИЕ, которые вообще не являются предикативными по природе, типа русского слова *вот*
- ИЕ, большие, чем одна предикация, а именно группы предикаций, в том числе:
  - главная предикация и сентенциальный актант
  - сочиненные предикации
  - главная предикация и относительное придаточное

Письменный дискурс в еще большей степени, чем устный, легко представить как структуру, состоящую из предикаций. Таким образом, вполне обоснованно следующее обобщение:

➢ С точки зрения локальной структуры, дискурс представляет собой цепочку предикаций

Феномен предикации занимает центральное место в архитектуре языка. В разделе 4 выше было показано, что язык имеет два основных режима существования – off-line и on-line. Предикация – это как раз единица, находящаяся на пересечении двух этих осей. Информация хранится в долговременной памяти в предикативном виде, и информация разворачивается в дискурсе в предикативном виде.

Что касается единицы более высокого уровня – предложения, – то его роль в дискурсивной структуре и в системе хранения информации гораздо скромнее. В психолингвистических экспериментах по воспроизведению ранее полученной вербальной информации обычно выясняется, что распределение информации по предикациям относительно неизменно, а объединение предикаций в сложные предложения чрезвычайно изменчиво.

Некоторые вопросы локальной связности дискурса обсуждаются в разделе 8 ниже.

7. Интенциональная модель глобальной структуры

Интенциональная модель глобальной структуры дискурса основана на предположении, что глобальная структура дискурса может быть объяснена на основе коммуникативных намерений (интенций) говорящего. Когда говорящий вступает в языковую коммуникацию, у него есть исходное коммуникативное намерение (КН), которое собственно и является стимулом к коммуникации. КН – трудноуловимое понятие, но оно неизбежно необходимо, если мы хотим понять устройство реального дискурса, точно так же, как геолог не может понять структуру породы, не строя предположений о породивших ее тектонических процессах.

Данная модель утверждает, что глобальная структура дискурса является непосредственным отображением интенциональной структуры. Дискурс в целом отражает **исходное** КН коммуникантов, а крупные сегменты дискурса отражают **производные** КН, выводимые из исходного. Невидимые коммуникативные намерения могут достаточно объективно исследоваться и в дальнейшем использоваться для объяснения дискурсивной структуры.

При коммуникации двух или больше говорящих результирующий дискурс является продуктом сложного взаимодействия КН собеседников. Поэтому для данного исследования в качестве материала выбран такой жанр диалогического дискурса, как интервью. Интервью как жанр дискурса описано, например, в работе Jucker 1986. Интервью характеризуется следующими свойствами:

- интервью по определению подразумевает три роли: интервьюер (И-р), респондент (Р-т) и предполагаемая аудитория (которая физически не участвует в диалоге); И-р задает вопросы, Р-т отвечает на них
- И-р типично действует от имени аудитории, т.е. задаваемые им вопросы должны представлять интерес для предполагаемой аудитории
- И-р является лицом, которое в первую очередь ответственно за внешнюю форму интервью и его структуру. КН Р-та по большей части тривиальны и состоят в том, чтобы предоставить информацию, запрошенную И-ром. Поэтому структура интервью, в отличие от многих других интерактивных жанров, может быть объяснена структурой КН одного коммуниканта.

Интервью, на которых основано данное исследование, – это телеинтервью, записанные на рубеже 1980-х и 1990-х гг., т.е. в позднюю советскую эпоху. Это практически во всех случаях информационные интервью, характерные для времени, когда общество жадно ждало разнообразной информации, прежде закрытой. Информационные интервью противопоставляются интервью оценочным, цель которых – разоблачить респондента. В информационном интервью также может быть оценочный элемент. Однако в данном исследовании акцент делается на информационной составляющей КН. Информационные интервью ориентированы на извлечение информации, либо доступной Р-ту, либо как-то связанной с ним как с представителем некоей группы или как с индивидуумом.

В информационном интервью исходное КН И-ра сводится к тому, чтобы заполнить какие-то пробелы в информации своей и аудитории с помощью Р-та. Следова-

тельно, чтобы понять структуру КН, нужно иметь некоторую модель знаний И-ра.

Назовем фрагмент энциклопедических знаний, доступных Р-ту или связанных с ним, **базовым фреймом**. Примеры базовых фреймов, которые могут послужить объектом интервьюирования: полет Р-та в космос; профессиональная деятельность Р-та; политическая программа Р-та и т.д. Чтобы интервью было возможно, базовый фрейм не должен быть абсолютно пустым для И-ра и аудитории. Иными словами, И-р и аудитория должны что-то заранее знать об этом фрагменте действительности. В то же время, в этом фрейме должны быть лакуны, иначе не будет повода для интервью.

Исходное КН, лежащее в основе информационного интервью, может быть обобщено следующим образом:

- заполнить лакуны в представлении И-ра о базовом фрейме, связанном с Р-том

Ниже рассматривается пример, в котором имеют место два фрейма – обобщенный фрейм “Жизнь профессиональной группы” и конкретный фрейм “Жизнь спекулянтов”. В процессе интервью И-р пытается построить конкретный фрейм на основе обобщенного фрейма, предположительно доступного всем членам данной культурно-языковой среды.

В процессе преподавания курса “Дискурс”, прежде чем показать студентам текст интервью, я неоднократно просил их представить, какие вопросы они задали бы представителю профессиональной группы X, если бы им пришлось брать интервью об этом для какого-либо СМИ. Ответы на этот вопрос обычно включали такие элементы, как:

A. содержание работы
B. уровень доходов
C. условия жизни
D. социальная защищенность

Пример интервью, который будет рассмотрен здесь, – это записанное в 1989 г. телеинтервью со спекулянтом, представителем нелегальной тогда профессии. Исходное КН И-ра состояло в том, чтобы ознакомить аудиторию с жизнью этой профессиональной группы. Интервью состоит из 15 реплик – вопросов и ответов; ниже в ряде случаев используются отсылки к номерам этих реплик; полный текст интервью, к сожалению, не может быть приведен за недостатком места.

В данном интервью есть два достаточно хорошо выделимых фрагмента, соответствующих слотам C и D вышеупомянутого фрейма. Слоту C соответствует **производное** КН, которое реализуется в виде группы реплик 8-9. Такие крупные составляющие структуры дискурса будем называть **тактами.** Понятие “такт” соответствует понятиям “смежная пара” (adjacency pair) и “минимальная диалогическая единица”, которые используются в других подходах к описанию диалога (соответственно в Анализе бытового диалога и в концепции работы Баранов и Крейдлин 1992, см. раздел 6 выше).

В вопросе 8 И-р пытается спросить об условиях жизни спекулянтов, выделяя одну подпозицию слота C – о проведении досуга и хобби. В ответ Р-т разворачивает подробное описание своих условий жизни. Этот факт показывает реальность фреймов

как структур представления знаний в культурно-языковых группах: по одному элементу можно “вытащить” значительно большую часть фрейма. Ответ Р-та позволяет утверждать, что слот “условия жизни” имеет по крайней мере следующие внутренние элементы.

C. условия жизни
- a) потребление
  - i. питание
  - ii. одежда
- b) досуг
  - i. общение
  - ii. хобби

Таким образом, слот фрейма сам по себе может представлять собой фрейм с дальнейшей внутренней организацией.

После реализации производного КН И-р переходит к следующему производному КН, которое соответствует слоту D исходного фрейма. Это производное КН реализуется в виде такта, включающего группу реплик 10-15. Этот такт устроен относительно сложно. И-р трижды формулирует свой вопрос о том, на чем базируется социальная защищенность спекулянта, но в первые два раза Р-т этого вопроса не понимает, т.к. в его системе знаний такого понятия нет. Каждый раз ответу Р-та предшествует длительная пауза (не менее 2 секунд). Затем И-р находит наконец формулировку, которую Р-т воспринимает как понятную и без паузы отвечает тезисом, что социальной защищенности нет и быть не может. За этим следует сверхдлинная пауза (3,5 сек.), в течение которой И-р “переваривает” непривычную для себя информацию о том, что советский человек не имеет социальной защищенности и нисколько не страдает по этому поводу. После этого следует запрос на подтверждение этой неожиданной информации (реплика 14) и получение такого подтверждения (реплика 15).

До сих пор мы рассматривали только такие производные КН, которые **выводимы** из исходного КН, поскольку связаны с заполнением лакун в исходном фрейме. В реплике 14 мы сталкиваемся с таким КН, которое не выводимо из исходного, а вызвано информацией, поступившей от Р-та. Такие КН являются **спонтанными** и вызываются неожиданной или удивляющей информацией. Реплика 14 и реакция на нее – реплика Р-та 15 – представляют собой подтакт, вложенный в такт 10-15. Спонтанные КН всегда вызывают вложение подтактов.

Итак, до сих пор мы рассмотрели два такта интервью – такт, включающий реплики 8-9 и соответствующий слоту “условия жизни”, и такт, включающий реплики 10-15 и соответствующий слоту “социальная защищенность”. Слот А исходного фрейма “содержание профессиональной деятельности” является заполненным с самого начала – И-р и аудитория знают, чем занимаются спекулянты. Поэтому этот слот не реализуется в виде производного КН и какой-либо части интервью. Слот В исходного фрейма “уровень доходов” не реализуется по другой причине: это табуированная информация, и задавать вопросы об этом означало бы просить Р-та донести на самого себя.

Типовой фрейм “Жизнь профессиональной группы”		Конкретный фрейм “Жизнь спекулянта” (1989)
содержание профессиональной деятельности		ИЗВЕСТНО
доходы		ТАБУ
условия жизни		Такт 2: реплики 8-9
потребление		
питание	✔	
одежда	✔	
жилье		
досуг		
отдых		
общение	✔	
хобби	✔	
социальная защищенность/перспективы	✔	Такт 3: реплики 10-15

Таблица 7. *Соответствие между слотами исходного фрейма, порождаемыми ими КН и частями интервью. Знаком ✔ отмечены те позиции исходного фрейма, которые непосредственно отражены в тексте интервью*

В интервью есть также последовательность реплик 1-7, представляющая из себя такт 1. В этом такте есть два уровня вложенных подтактов. Исходный вопрос И-ра преследовал цель представить Р-та аудитории. Р-т представляется в своем ответе как спекулянт, и это удивило И-ра – его последующей реплике 2 предшествует 2-секундная пауза. Сама реплика И-ра является запросом на подтверждение гордой самоидентификации спекулянта. С этой реплики, выражающей спонтанное КН, начинается вложение первого уровня. Несколько позже Р-т снова сообщает неожиданную для И-ра информацию о своей системе ценностей, в которой высокое место занимает понятие личной свободы. Это вынуждает еще одно спонтанное КН И-ра, которое в свою очередь создает вложение второго уровня – подтакт 6-7.

Таким образом, в целом глобальная структура интервью может быть объяснена при помощи каузальной цепочки, включающей три явления:

- Структура знаний => Структура КН => Структура дискурса

Глобальная структура дискурса непосредственно объясняется интенциями говорящих, которые в свою очередь определяются представлением знаний в их памяти. Интенциональная модель имеет иерархический характер: иерархически организованная глобальная структура дискурса отражает иерархическую структуру КН.

8. Теория риторической структуры как интерфейс между локальной и глобальной структурой

В Теории риторической структуры, созданной в 1980-е гг. У. Манном и С. Томпсон (Mann and Thompson 1988), предложен единый подход к описанию глобальной и локальной структуры дискурса. Теория риторической структуры (ТРС) основана на предпосылке о том, что любая единица дискурса связана хотя бы с одной другой еди-

ницей данного дискурса посредством некоторой осмысленной связи. Такие связи называются **риторическими отношениями**. Термин “риторические” указывает на то, что каждая единица дискурса существует не сама по себе, а добавляется говорящим к некоторой другой для достижения определенной коммуникативной **цели**. Дискурсивные единицы (ДЕ), вступающие в риторические отношения, могут быть самого различного объема — от максимальных (непосредственные составляющие целого дискурса) до минимальных (отдельные предикации). Дискурс устроен иерархически, и для всех уровней иерархии используются одни и те же риторические отношения. В число риторических отношений (всего их более двух десятков) входят такие, как Sequence (последовательность), Volitional result (волитивный результат), Non-volitional result (неволитивный результат), Condition (условие), Concession (уступка), Joint (конъюнкция), Elaboration (детализация), Background (фон), Purpose (цель), Otherwise (альтернатива) и др. В данной работе используются английские названия риторических отношений, поскольку соответствующая русская терминология не унифицирована.

ДЕ, вступающая в риторическое отношение, может играть в нем роль **ядра** либо **сателлита**. Бóльшая часть отношений асимметрична и бинарна и содержит ядро и сателлит. Например, в паре предикаций *Иван вышел рано, чтобы не опоздать на встречу* имеет место риторическое отношение цели; при этом первая часть является главной и представляет собой ядро, а вторая является зависимой, сателлитом. Другие отношения, симметричные и не обязательно бинарные, соединяют два ядра. Таково, например, отношение конъюнкции: *Морж – морское млекопитающее. Он живет на севере*. Два типа риторических отношений напоминают противопоставление между подчинением и сочинением, а список риторических отношений типа “ядро–сателлит” весьма похож на традиционный список типов обстоятельственных придаточных. Это неудивительно — фактически ТРС распространяет типологию семантико-синтаксических отношений между предикациями на отношения в дискурсе. Для ТРС несущественно, выражено ли данное отношение союзом соответствующей семантики, или запятой, или же оно соединяет независимые предложения или группы предложений. В ТРС разработан формализм, позволяющий представлять дискурс в виде сетей дискурсивных единиц и риторических отношений. Авторы ТРС специально подчеркивают возможность **альтернативных трактовок** одного и того же текста. Иначе говоря, для одного и того же текста может быть построен более чем один граф риторической структуры, и это не рассматривается как дефект данного подхода. Действительно, попытки применения ТРС к анализу реальных текстов сразу демонстрируют множественность решений. Тем не менее, эта множественность очень ограничена. К тому же, принципиальная возможность различных трактовок не противоречит реальным процессам использования языка, а, напротив, вполне им соответствует. Существует ряд весомых подтверждений того, что ТРС в значительной степени моделирует реальность и представляет собой важный шаг в понимании того, как дискурс устроен “на самом деле”. Во-первых, сами авторы ТРС приводят процедуру построения резюме (реферата, краткого варианта) текста на основе графа риторической структуры. По определенным правилам многие сателлиты в риторических парах могут быть опущены, а результирующий текст остается связным и вполне репрезентативным по отно-

шению к исходному тексту. Во-вторых, в очень важной работе Б. Фокс об анафоре в английском дискурсе (Fox 1987a) было показано, что выбор референциального средства (местоимение/полная ИГ) зависит от риторической структуры. Помимо теории У.Манна и С.Томпсон существует еще несколько моделей дискурсивных риторических отношений, в частности принадлежащие Дж. Граймсу, Б. Мейер, Р. Райкман, Р.Хоровитц, К. МакКьюин, С.А. Шуваловой.

Принципиально важная особенность ТРС состоит в том, что риторические отношения **одинаковы независимо от того, какого ранга дискурсивные единицы они соединяют.** В этом смысле ТРС является уникальным инструментом, позволяющим единым образом представить глобальную и локальную структуру дискурса.

Риторическая трактовка в принципе не зависит от того, как внешне оформлена та или иная предикация. Ср. следующий пример, в котором всем трем способам выражения соответствует один и тот же риторический граф.

(2) 1. Иван боялся разбудить ребенка
2а. . Он вошел в комнату на цыпочках.
2б. , *поэтому* он вошел в комнату на цыпочках.
2в. *и* вошел в комнату на цыпочках.

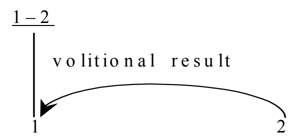

Рис. 3. *Риторический граф, соответствующий примеру (2)*

Согласно принятому в ТРС формализму, стрелка направлена от зависимого (сателлита) к главному (ядру). (В принципе, стрелки логически избыточны, т.к. вертикальный штрих – см. Рис. 3 – указывает ДЕ, являющуюся ядром. Поэтому можно пользоваться просто дугами.) Главный критерий выделения ядра состоит в следующем: ядро может выступать как представитель всей группы.

Рассмотрим пример – фрагмент из рассказа Б. Житкова “Над водой”.

(3) 1. Два мотора вертели два винта.
2. За их треском трудно было слушать друг друга пассажирам, которые сидели в каюте аппарата.
3. Они переписывались на клочках бумаги.
4. Некоторые не отрываясь глядели в окна,
5. другие, наоборот, старались смотреть в пол,
6. чтобы как-нибудь не увидать, на какой они высоте,
7. и не испугаться,
8. но они чувствовали, что под ними,
9. и от этого не могли больше ни о чем думать.
10. Дама достала книжку
11. и не отрываясь в нее смотрела,
12. но ничего не понимала.

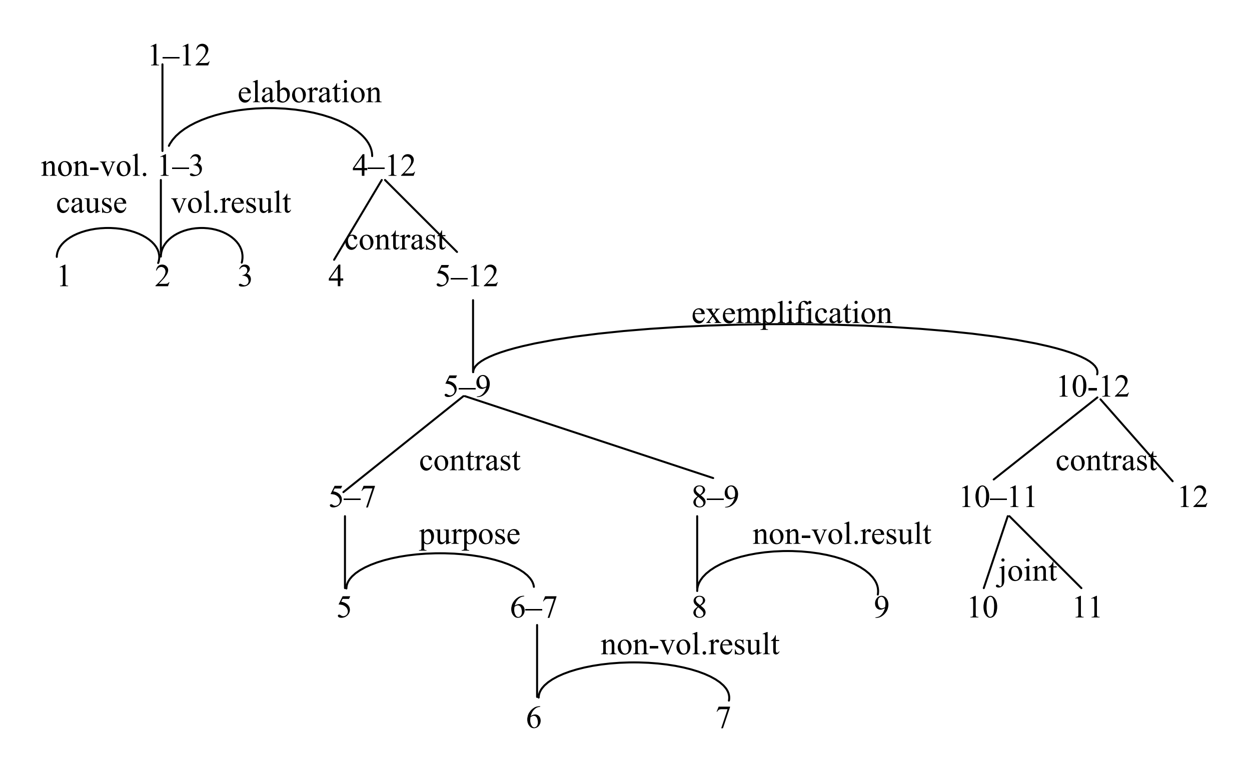

Рис. 4. *Риторический граф, соответствующий примеру (3)*

ТРС изначально была в основном предназначена для описания письменного дискурса. Однако при определенной модификации ТРС может быть приспособлена и для устного дискурса. Ниже в тезисной форме перечисляются те модификации ТРС, которые позволяют сделать ее еще более универсальным и сильным средством дискурсивного анализа.

A. Инвентарь риторических отношений должен быть дополнен рядом новых отношений. В частности, для анализа рассказов нужны отношения, которые типичны для этого жанра дискурса – Begin (начало), End (концовка), Setting (обстановка), и др.
B. Построение риторического представления – это реконструкция когнитивных процессов говорящего. После того как такая реконструкция произведена, можно проверить, в какой степени формальные маркеры (дискурсивные слова, сочиненный/подчиненный характер предикации, паузы) соответствуют построенному риторическому представлению.
C. Риторическое представление следует строить, разделяя два этапа – построение иерархической структуры и присвоение риторических отношений.
D. Критерии решений о том, какая ДЕ является сателлитом. Такая ДЕ, которая:
   a. не может представлять группу для контекста
   b. менее дискурсивно значима
   c. синтаксически зависима
   d. содержит лексический или грамматический маркер риторического отношения
   e. позволяет увязать подграф с контекстом

   (Эти критерии могут противоречить друг другу, и необходимо выработать их относительные веса)

E. Существует иерархия тесноты отношений. Так, например, отношение Setting теснее примыкает к нарративной последовательности, чем отношение End.
F. Существуют группы синонимичных риторических отношений, различающихся только симметричностью/асимметричностью. Например, отношение Sequence (симметричное, т.е. многоядерное) синонимично отношению Circumstance (обстоятельство).

На основе подобной модификации ТРС автор, совместно с рядом коллег, проводит исследование корпуса детских рассказов о снах (см. Kibrik, Podlesskaya, Kal'kova, and Litvinenko 2002). В этом корпусе представлено 69 рассказов детей-невротиков и 60 рассказов неврологически здоровых детей. Общая цель проекта – определить, имеются ли в дискурсивной структуре какие-либо признаки невротического расстройства.

В терминах ТРС становятся видны особенности некоторых типов дискурса. Конкретное исследование, посвященное этой проблеме, излагается в разделе 9.

9. Жанровые схемы: нарративная схема на примере детских рассказов о снах

Два исследования, излагаемые в данном разделе, основаны на вышеупомянутом корпусе детских рассказов о снах.

9.1. Типы жанровых схем

Как известно, рассказы обычно строятся в соответствии с определенной жанровой схемой (см. разделы 3.2 и 6 выше). В корпусе детских рассказов о снах представлены несколько типов схем рассказов. Практически все они сводимы к трем типам.

Схема А ("драматическая"):
Начало – сцена – завязка – кульминация – развязка – кода

Это схема, которая уже неоднократно упоминалась выше, и в соответствии с которой строятся классические рассказы. Отличительная черта этой схемы – наличие кульминации, явно выделенного главного события, излагаемого в рассказе, обычно связанного с каким-то конфликтом. Завязка (осложнение) – это последовательность событий, которые описывают формирование конфликта. Развязка – это последовательность событий, через которые конфликт был разрешен.

Разумеется, не все рассказы так устроены. В бытовых диалогах встречается много вставленных рассказов, в которых рассказчик просто излагает последовательность происшедших событий. Рассказы этого типа часто встречаются среди рассказов о сновидениях. Им соответствует следующая схема.

Схема В ("ну и что?"):
Начало – сцена – нарративная последовательность – кода

Промежуточное положение между схемами A и B занимает следующая схема. В рассказах этого типа конфликт формируется, но не достигается и тем более не разрешается.

Схема С (“незавершенная”):
Начало – сцена – завязка – нарративная последовательность – кода

Рассмотрим примеры каждой из трех схем.

Типичный пример “драматической” схемы (М.М., здоровый, 8 лет)
1. Мы с папой ехали по= а= .. по городу.
2. ….(2,5) Потом мы вышли отдохнуть.
3. .. И вдруг ….(1,8) приш==
4. я пришел к машине,
5. а там .. машины не было.
6. ... И я пошел дальше искать машину.
7. .. Вдруг я увидел милиционера,
8. и спросил у него,
9. .. как добраться до дома.
10. .. И он мне пред==
11. … и он позвонил .. домой,
12. и … я==
13. ... и за мной приехали,
14. и отвезли домой.
15. …. Всё.

Типичный пример схемы “ну и что?” (А.М., здоровый, 9 лет)
1. У меня такой сон был,
2. .. когда==
3. что я вырос,
4. .. я значит себе купил квартиру там,
5. ….(1,0) ммм ну .. машину себе купил,
6. эээ сдал … экзамен ….(1,1) по вождению,
7. … и .. получил машину,
8. ….(1,3) ии эээ ….(1,2) эге значит ….(1,8) потом я … ээ значит уже привык к этому,
9. ….(2,5) и .. ко мне мама==
10. .. и я маму подвозил там,
11. .. мы с мамой на речке купались,
12. ….(1,3) и … ээ потом ээ с==
13. и я значит .. поехал .. в какой-то др= в другой город отдыхать,
14. …ээ и потом ….(1,1) через … три .. года вернулся только сюда.
15. .. И мама обрадовалась сильно.
16. … И все.
17. .. Кончился.

Типичный пример “незавершенной” схемы (М.И., невроз страха, 8 лет)
1. >>Железные решетки,
2. ….(1,1) я .. будто бы лечу вниз,
3. ….(1,2) а внизу острая гора.
4. Я ... прямо приземляюсь на нее,
5. ну и сижу.
6. ... Впереди лес,
7. .. как-то темно вокруг,
8. ... вечер будто бы.
9. ... Вдруг из леса выползает огромный паук.
10. … Ээээ(1,1) настолько огромный,
11. что он .. эээ .. похоже может затоптать весь лес.
12. .. Как один листочек.
13. …И как будто он ко мне подбирается,
14. и хочет меня съесть.

Количественное распределение рассказов здоровых детей и детей с невротическими расстройствами по типам схем неодинаково. Это распределение приводится в Таблице 8.

	“Драматическая” схема	Схема “ну и что?”	“Незавершенная” схема	ВСЕГО
Здоровые	15 (25%)	**39 (65%)**	6 (10%)	60 (100%)
Невротики	22 (32%)	24 (35%)	**23 (33%)**	69 (100%)

Таблица 8. *Частотное соотношение типов нарративных схем*

Очевидно, что “драматическая” схема встречается достаточно часто в обеих группах рассказчиков. Но две другие схемы проявляют существенное различие между группами. Схема типа “ну и что?” составляет около 2/3 всех рассказов здоровых детей. Таким образом, можно заключить, что сновидения здоровых детей как правило сводятся к последовательностям событий, не объединенных в драматические сюжеты. “Незавершенная” схема встречается у здоровых детей редко.

Среди детей с невротическими расстройствами три схемы распределяются примерно поровну. То есть, схема “ну и что?” встречается у них вдвое реже, чем у здоровых, зато “незавершенная схема” у них втрое частотнее, чем у здоровых. Эту последнюю схему вполне можно было бы назвать невротической – она явно очень характерна для детей-невротиков. Вероятно, высокая частотность данной схемы у невротиков является отражением глубинного конфликта, обычно лежащего в основе неврозов (к примеру, это может быть конфликт между социальными нормами и желаниями).

Различия в частоте схем “ну и что?” и “незавершенной” между двумя группами является статистически существенным.

9.2. Определение типа пассажа и жанра на основе риторических отношений

Как было показано в разделе 3.2, в современном дискурсивном анализе нет удовлетворительной классификации жанров дискурса, или даже определений тех или иных жанров. Исследование, описываемое ниже, задается вопросом: нельзя ли исчислить или хотя бы выборочно определить жанры на основе такого универсального метода представления дискурсивной структуры, как теория риторической структуры?

Как упоминалось в разделе 3.2, жанры не обязательно однородны с точки зрения типов пассажей. Возможно, по крайней мере некоторые жанры могут быть определены как конфигурации типов пассажей. Ниже мы обсудим такой жанр, как устный рассказ (на материале детских рассказов о снах).

Ядерная часть рассказа – нарративная цепочка, разумеется представляющая собой **нарративный** тип пассажа. Нарративные пассажи могут быть определены следующим образом. Это такие фрагменты дискурса, которые в своем верхнем узле имеют одно из нарративных отношений Sequence, Consequence (следование), Discord (рассогласование) и Emotional reaction (эмоциональная реакция) (последние два отношения редки). Из 129 рассказов корпуса 123 имеют такой нарративный фрагмент.

В 20 рассказах нарративное отношение является самым верхним в риторическом графе. Прочие рассказы имеют более высоко расположенные узлы, присоединяемые к нарративной цепочке другими риторическими отношениями. Частотными среди них являются отношения End, Setting, Begin и Headline (заголовок), а также отношения типа Out, которые присоединяют дискурсивные единицы, относящиеся к внешнему миру (в противоположность миру сна). Изредка встречаются также отношения Summary (резюме) и Evaluation (оценка). Таким образом, жанр рассказа может быть определен в терминах риторической структуры следующим образом:

- Рассказ – это такой дискурс, в риторическом графе которого наивысшую позицию занимает одно из нарративных отношений, за исключением отношений Begin, End, Headline, Summary, Setting, Evaluation, а также отношений типа Out.

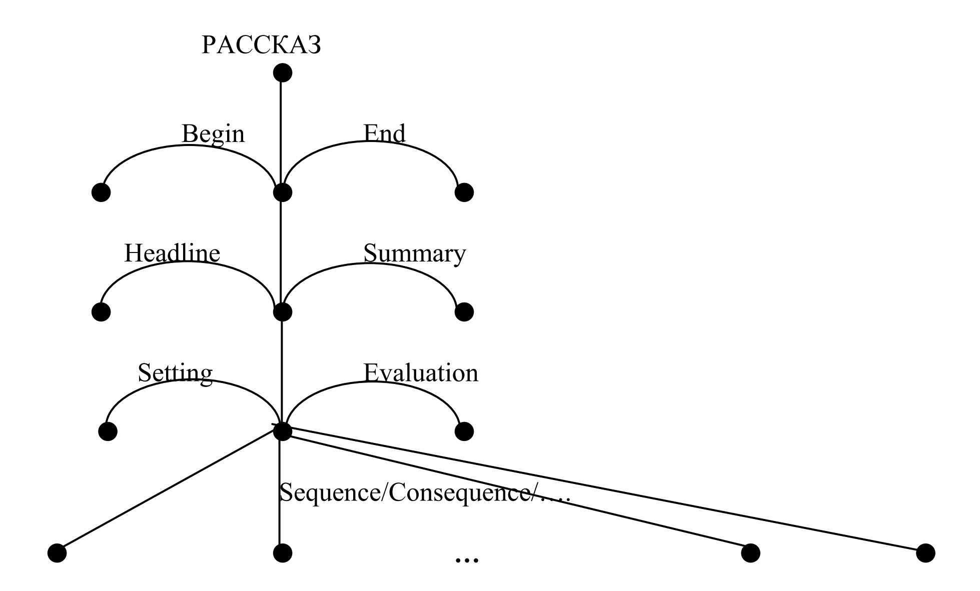

Рис. 5. *Обобщенная риторическая схема рассказа*

Как устроены не-нарративные компоненты рассказа? Отношения Begin, End, Headline, Setting и Evaluation обычно включают по одной минимальной дискурсивной единице (предикации), поэтому они не представляют интереса в данный момент. Наиболее интересно отношение Setting: оно присоединяет такие фрагменты дискурса, которые описывают статическую обстановку – обычно ту ситуацию, в которой в дальнейшем разворачиваются события нарративной цепочки. Фактически отношение Setting соответствует компоненту жанровой схемы рассказа, которая выше именовалась термином **сцена**. Эти фрагменты представляют собой **дескриптивные** пассажи. Таким образом, жанр рассказа ингерентно включает в себя не только нарративный, но и дескриптивный дискурс.

Фрагменты, присоединяемые отношением Setting, встречаются часто – примерно в половине рассказов. Эти фрагменты также достаточно стандартны с точки зрения их риторической структуры. В своем верхнем узле они в прототипическом случае (половина всех примеров) имеют отношения Joint, Elaboration и Background, которые на определенном уровне абстракции могут рассматриваться как семантические варианты одного и того же отношения. В некоторых случаях (9 случаев) выше этих отношений оказывается отношение Source-out. Эти случаи, вместе с прототипическими случаями, охватывают 70% всех случаев отношения Setting. В 8% случаев выше отношений Joint/Elaboration/Background встретились другие отношения (каждое по 1 разу). Есть также 22% вырожденных случаев, в которых Setting состоит из одной дискурсивной единицы, и тем самым никакой внутренней риторической структуры не имеет.

Итак, можно резюмировать, что:

- Отношение Setting присоединяет дескриптивный пассаж
- В большинстве случаев дескриптивный пассаж имеет в верхнем узле отношения Joint, Elaboration или Background
- Имеется существенное меньшинство случаев, когда определить фрагмент, присоединяемый отношением Setting, при помощи риторических отношений не представляется возможным; вероятно, в тех случаях, когда тот или иной пассаж явля-

ется не центральным, а периферийным в дискурсе определенного жанра, он не может быть исчерпывающе определен на основе риторической структуры

Вопросы о том, можно ли определить другие типы пассажей (объяснительный, аргументативный и т.д.) в терминах риторической структуры, и о том, как можно определить вырожденные пассажи, остаются открытыми для дальнейших исследований.

Часть III: ДИСКУРСИВНЫЕ ФАКТОРЫ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

10. Типы языковых явлений, находящихся под влиянием дискурсивных факторов

Помимо вопросов структуры дискурса, другой основной круг проблем, исследуемых в дискурсивном анализе – **влияние дискурсивных факторов** на более мелкие языковые составляющие – грамматические, лексические и фонетические. Например, ***порядок слов*** в предикации такого языка, как русский, хотя и является грамматическим явлением, не может быть объяснен без апелляции к дискурсивным факторам. Порядок слов чувствителен к характеристикам коммуникативной организации высказывания, которые обычно описываются с помощью понятий ***темы*** (исходный пункт высказывания) и ***ремы*** (информация, добавляемая к исходному пункту). Согласно идее, изначально высказанной чешскими лингвистами (Матезиус 1967, Firbas 1992), более тематические элементы располагаются в предложении **раньше**, чем более рематические. Предполагаемая универсальность этой тенденции была поставлена под сомнение после ряда исследований, в особенности статьи Р.Томлина и Р.Роудса (Tomlin and Rhodes 1979) об алгонкинском языке оджибва (Сев. Америка), где была замечена прямо противоположная тенденция: тематическая информация располагается **позже**, чем нетематическая. К настоящему времени накопилось большое количество свидетельств того, что принцип "рематическая информация вначале" (с вариациями: новое вначале, неопределенное вначале, важное вначале, срочное вначале) очень распространен в языках мира. М.Митун (Mithun 1995) отметила, что принцип "рема вначале" поддерживается просодическими факторами, так как и рема, и начало предикации склонны к просодической выделенности (более высокая амплитуда и более высокая частота). Ряд авторов пытается дать когнитивные объяснения обоим принципам порядка, однако остается неясно, почему в одних случаях преобладает один принцип, а в других — другой. Русский порядок слов изучался в рамках разных теоретических подходов; одно из наиболее подробных исследований принадлежит американскому русисту О.Ёкояме. В книге "Дискурс и порядок слов" (Yokoyama 1986) Ёкояма предложила когнитивную модель, основанную на состояниях базы знаний говорящего и адресата и призванную полностью объяснить порядок слов в русских высказываниях. Одно из наиболее полных исследований проблематики темо-рематического членения в русском языке принадлежит Т.Е.Янко (2001).

Еще одно грамматическое явление, объясняемое дискурсивными факторами – ***выбор между главной и зависимой формой предикации*** в дискурсе. Согласно гипо-

тезе ряда авторов (см., например, различные статьи в сборнике Haiman and Thompson eds. 1988), этот выбор является иконическим отражением дискурсивной значимости событий: более значимые события, входящие в **основную линию** дискурса (mainline), или вынесенные **на первый план** (foregrounded), типично кодируются главными предикациями, а **второстепенные** события (backgrounded) – зависимыми предикациями. Такого рода вопросы рассматриваются в исследовании, которое излагается в разделе 15 ниже. Там на материале одного тюркского языка проверяется гипотеза о том, что нефинитная предикация кодирует событие, семантически более тесно связанное с событием главной предикации.

Есть, конечно, и множество других грамматических явлений, управляемых дискурсивными факторами – использование структур с вынесенным топиком, расщепленных структур (cleft), употребление артиклей и мн. др.

Пример лексического явления, объясняемого дискурсивными факторами, – ***референциальный выбор***, т.е. выбор наименования лица или объекта в дискурсе: такое именование может быть выполнено посредством полной именной группы (имени собственного – напр., *Сергей*, или дескрипции – *мой сосед снизу, этот алкоголик*), посредством местоимения (напр., *он*) или даже посредством нулевой формы (как в предложении *Пушкин считал, что Ø должен вызвать Дантеса*). Такого рода выбор может быть объяснен только посредством сочетания дискурсивных факторов – таких, как расстояние до предшествующего упоминания данного участника, роль этого предшествующего упоминания в своей предикации, значимость данного участника для дискурса в целом и т.д. Разные авторы придают особое значение разным факторам (см., например, Fox ed. 1996). При этом часто остается неясным, какую роль играют факторы, не являющиеся центральными в конкретном случае – можно ли их влияние счесть пренебрежимо малым или они все же оказывают воздействие на референциальный выбор. Традиционно неясно также, как дискурсивные факторы соотносятся с когнитивным аспектом референции. В когнитивно-лингвистической литературе (например, Chafe 1994, Tomlin and Pu 1991) высказывалась гипотеза, что когнитивным источником референциального выбора является степень активации референта в памяти или сознании говорящего: при низкой активации используется полная референция, при высокой – редуцированная (местоимение или нуль). Эти вопросы подробно рассматриваются в разделе 11 ниже на материале русского и английского языков. Разделы 12-14 также посвящены референции, но в языках других семей и ареалов. В целом о проблемах референции см. Арутюнова 1982, Падучева 1985, Шмелев 1995.

Референциальные средства относятся к более широкой категории средств, часто именуемых ***когезией***. Это формальные маркеры, указывающие на связи между частями дискурса. В частности, в работах М. Халлидея (Halliday 1985), помимо референциальной когезии, указываются еще три ее типа – эллипсис, соединители (в особенности союзы) и лексическая когезия. Последний тип внутренне неоднороден и реализуется разными способами – посредством лексических повторов, синонимов, устойчивых коллокаций.

Соединители-союзы в другой терминологии часто причисляются к классу ***дискурсивных маркеров*** – еще одного важного типа лексических средств, определяемых

дискурсивным контекстом. Помимо слов, помечающих структуру дискурса (например, союзы *когда, потому что, но, и* и т.д.), дискурсивные маркеры включают еще несколько групп: маркеры ментальных процессов говорящего (слова типа *вот, ну, так сказать*), маркеры контроля над ментальными процессами адресата (слова типа *понимаешь, видите ли*) и пр. Исследование дискурсивных маркеров является одной из наиболее популярных в настоящее время областей дискурсивного анализа и лексикографии, см. например Schiffrin 1987, Fraser 1999. О русских дискурсивных словах и сходных с ними лексических элементах см. Николаева 1985, Баранов и др.1993, Киселева и Пайар ред. 1998. Особая и важная подгруппа дискурсивных маркеров – так называемые ***маркеры обратной связи*** (backchannels), которые служат подтверждению того, что собеседник слушает и понимает второго собеседника в диалоге. Это слова типа *угу, понятно* и т.п. (см., напр., Schegloff 1982).

Наконец, без учета дискурсивных факторов не могут быть объяснены многие фонетические явления в устном дискурсе – это касается сильного/слабого акцентуирования слов в устной речи, использования интонационных контуров, паузации и других видов ***дискурсивной просодии***. Изучение дискурсивной просодии также развивается сейчас чрезвычайно активно. Дискурсивная просодия русского языка исследовалась в известных работах Брызгунова 1977, Николаева 1982, а в последнее время активно изучается С.В.Кодзасовым (2001), который выделяет следующие ее слои: размещение акцента, направление тона в акценте, интервал тона в акценте, артикуляционная поза, интегральная выделенность, долгота/краткость в акценте, маркированная фонация. С.В.Кодзасов называет свою модель комбинаторной, подчеркивая таким образом автономность различных просодических средств и различных типов значений. Все они могут встречаться в самых различных сочетаниях. Каждый слой просодии, по С.В.Кодзасову, передает некоторый тип дискурсивной семантики. Так, размещение акцента зависит от категории данного/нового. Восходящий тон в главном акценте иконически кодирует ожидание продолжения, незавершенность, а нисходящий, напротив, завершенность. Долгота кодирует большое расстояние (физическое, временное или ментальное), и т.д. Комбинаторная модель просодии противопоставлена подходу, выделяющему несколько интонационных контуров со сложной формальной структурой и комплексной семантикой. Просодия английского языка описана в таких работах, как Cruttenden 1986, Pierrehumbert and Hirschberg 1990 и др.

Помимо просодии, есть еще один невербальный компонент устного дискурса, вносящий большой вклад в коммуникацию – ***жестикуляция***. Этот феномен пока достаточно слабо изучен, однако понятно, что жесты передают большое количество информации и вносят вклад в передачу информации от говорящего слушающему. См. фундаментальную работу McNeill 1992, на русском материале Григорьева, Григорьев и Крейдлин 2001, Ю. Николаева 2002. В частности, жесты помогают эшелонировать информацию по степени новизны или важности, компенсируют трудности, возникающие у говорящего при вербализации.

11. Референция в дискурсе: когнитивный квантитативный подход

11.0. Вводные замечания

Многие языковые явления и процессы не могут быть объяснены элементарным образом, так как их реализация зависит от множества факторов одновременно. Учет лишь одного из этих факторов может объяснить исследуемое явление только в очень огрубленном варианте. Одна из насущных задач лингвистики – научиться описывать многофакторные процессы, т.е. моделировать взаимодействие релевантных факторов.

В данной работе исследуется проблема выбора референциального средства при упоминании конкретного референта в дискурсе. Референциальный выбор – классический многофакторный процесс. Ниже предлагается набор факторов, влияющих на референциальный выбор в русском письменном нарративном дискурсе и когнитивная количественная модель их взаимодействия.

В качестве первичного материала данной работы был использован рассказ Бориса Житкова “Над водой”. В русском языке к числу основных референциальных средств относятся полные именные группы и семантически редуцированные именные группы – анафорические местоимения и автономно-референтные анафорические нули. Далее кратко описывается аналогичный подход в приложении к английскому материалу, и дается когнитивная интерпретация результатов.

Работа опирается на следующие исходные допущения.

Общие:

- выбор референциального средства – не случайный, а **мотивированный** процесс
- адекватная модель референциального выбора должна быть в состоянии объяснить **каждый** случай выбора в исследуемом дискурсе
- референциальный выбор не может быть понят в рамках внутритекстового подхода; он непосредственно предопределяется **когнитивным состоянием говорящего** в данный момент
- число факторов, влияющих на когнитивное состояние говорящего, потенциально может быть **велико**

Конкретные:

1) Основной когнитивный феномен, ответственный за референциальный выбор – это **активация** референта (см., напр., Chafe 1994). Это феномен, практически совпадающий с противопоставлением “данное vs. новое”. Активация – это градуальное явление. Если уровень активации референта превосходит определенный порог, то говорящий может использовать семантически редуцированное референциальное средство (местоимение или нуль), а если нет – необходима полная ИГ. В ряде работ, в том числе настоящего автора (Кибрик 1987а), в качестве когнитивного коррелята прономинализуемости предлагался фокус внимания. Однако ряд исследований (лингвистических – Tomlin 1995, Tomlin and Pu 1991, психологических – Posner and Snyder 1975, Cowan 1995, и нейрофизиологических – Posner and Raichle 1994, Smith and Jonides 1997)

убеждает в том, что внимание имеет иную природу, а за выбор референциального средства отвечает именно активация.

2) Активация референта в каждый момент времени предопределяется рядом факторов, распадающихся на две группы: связанные с предшествующим дискурсом (расстояние до антецедента, семантико-синтаксический статус антецедента, границы эпизодов) и внутренние свойства референта (одушевленность, центральность для данного дискурса).

3) Если референт высоко активирован, тем не менее редуцированная референция может быть исключена в силу дополнительных фильтров – например, фильтра, предотвращающего референциальный конфликт (неоднозначность), см. Кибрик 1987б и раздел 12 ниже. Эта проблема в рамках данного исследования не рассматривается.

Все эти конкретные допущения суммированы в виде схемы на Рисунке 6.

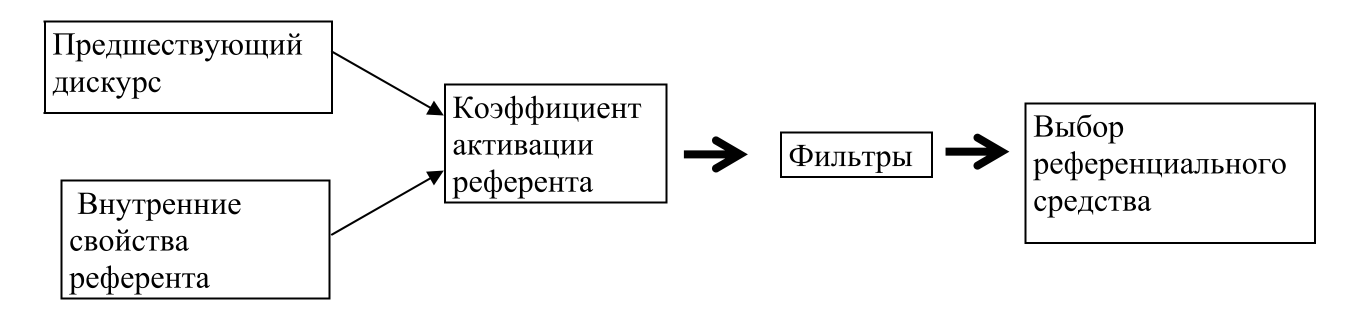

Рис. 6. *Модель выбора референциального средства в дискурсе* (тонкие стрелки обозначают действие факторов активации, завершенное к моменту референциального выбора, а жирные стрелки – переход от одного этапа к другому в процессе референциального выбора)

11.1. Материал исследования

Данное исследование проводилось в несколько этапов. Основные гипотезы и методы были сформулированы на базе фрагмента рассказа Б.Житкова “Над водой” (ниже именуется “первичным текстом”). Далее результаты первого этапа были проверены на материале других текстов (в частности, рассказа Ф.Искандера “Сталин и Вучетич”), и эта проверка потребовала лишь небольшой корректировки первоначальных выводов. Поэтому в данном исследовании обсуждается лишь первичный текст и выводы, сделанные при его анализе.

Первичный текст был разбит на дискурсивные единицы, практически совпадающие с предикациями (независимыми, сочиненными или подчиненными). Число таких единиц – около 300. Первичный текст содержит около 500 упоминаний референтов. Всего упоминаются около 70 референтов. Из них 25 являются значимыми для данного исследования (то есть упоминаются более одного раза).

Референция к значимым референтам выполняется с помощью формальных средств, перечисленных в Таблице 9 ниже. Следует отметить, что референция в дискурсе не может рассматриваться как совершенно жесткий выбор между взаимоисключающими формальными средствами. Есть разница между референциальными средствами, допускающими и не допускающими альтернативы. Например, как будет показано ниже, местоимения, не допускающие альтернативы в виде полной ИГ, кодируют максимально активированные референты, а несколько менее активированные референты, также кодированные местоимениями в реальном дискурсе, допускают ре-

ференциальную альтернативу в виде полной ИГ или по крайней мере маргинальную (то есть маловероятную) альтернативу.

- полные ИГ – 94, в том числе:
  - с альтернативой в виде редуцированной ИГ – 13 *
  - с маргинальной альтернативой в виде редуцированной ИГ – 10 *
  - без альтернативы – 71 *
- редуцированные ИГ – 59, в том числе:
  - местоимение ОН – 33, в том числе:
    - синтаксическое – 6
    - квазидейктическое – 2
    - основанное на активации – 25, в том числе:
      - с альтернативой в виде полной ИГ – 13 *
      - без альтернативы в виде полной ИГ – 12 *
  - местоимение ТОТ – 4 *
  - автономно-референтные нулевые ИГ – 22, в том числе:
    - субъектные в независимых предложениях- 4 *
    - субъектные в сочиненных предложениях – 2
    - субъектные в подчиненных предложениях – 2
    - субъектные в соподчиненных предложениях – 1
    - при предикатах состояния – 7 *
    - прямообъектные – 3
    - посессивные – 3

Таблица 9. *Классификация и частота формальных средств, используемых при референциальном выборе в первичном тексте*

В Таблице 9 звездочка справа маркирует те референциальные средства, которые в силу своей большей частотности послужили главной базой исследования. В данном исследовании основное внимание уделяется полным ИГ и местоимению ОН, а среди употреблений местоимения ОН – тем, которые основаны на активации. Синтаксические местоимения могут быть описаны в терминах синтаксических правил (см. Падучева 1974, Чехов 1981, Кибрик 1987а). Квазидейктическими выше названы местоимения, которые являются коррелятами местоимений 1/2 лица и возникают при "переводе в 3 лицо" прямой или внутренней речи – это часто встречается в художественной прозе. Как и синтаксические, квазидейктические местоимения должны описываться особыми правилами по сравнению с наиболее частотными местоимениями, основанными на активации. О местоимении ТОТ см. Кибрик 1987б, Крейдлин и Чехов 1989. Из числа нулевых ИГ, которые необходимо выделять в русском языке (ср. Булыгина и Шмелев 1997, ч. IV, гл. 2) и которые встретились в исследуемом дискурсе, выше упомянуты лишь немногие. Имеются и другие типы автономно-референтных анафорических нулей, а кроме того синтаксические нулевые ИГ (анафорические, но не автономно-референтные – напр., возникающие при "сочинительном сокращении"), неанафорические нулевые ИГ с особыми референциальными статусами (неопределенно-личные и т.д.), а также ряд других.

11.2. Параметры, коррелирующие с референциальным выбором

В литературе предлагалось множество параметров, влияющих на референциальный выбор. Здесь обзор этой литературы опускается, но в нижеследующей Таблице 10 (см.) все эти ранее предложенные параметры по возможности учтены. Таблица 10

содержит сведения о процентной корреляции между тем или иным параметром и выбором “ОН vs. полная ИГ” в первичном тексте.

Параметры и их значения	***Корреляция в процентах***		
	ОН	Полная ИГ	
Одушевленность			*
человек	78	48	
неодушевл.	22	52	
Протагонист			*
да	66	46	
нет	34	54	
Синтаксическая роль ИГ			
подлежащее	53	56	
не-подлежащее	47	44	
Семантическая роль референта			
Актор	54	66	
не-Актор	46	34	
Линейное расстояние в дискурсивных единицах до ближайшего антецедента			*
1	78	10	
2	13	21	
3	3	13	
4	-	9	
5	-	10	
>	-	37	
антецедент отсутствует	6		
Риторическое расстояние в дискурсивных единицах до ближайшего антецедента			*
1	91	21	
2	3	18	
3	-	11	
4	-	11	
5	-	11	
>	-	28	
Расстояние в предложениях до ближайшего антецедента			
0	44	6	
1	50	27	
2	-	21	
3	-	17	
>	-	29	
Расстояние в абзацах до ближайшего антецедента			*
0	91	44	
1	3	32	
2	-	10	
3	-	4	
>	-	10	
Тип антецедента			
полная ИГ	53	62	
относительное местоимение	3	2	
ОН	10	13	
ТОТ	-	-	
Нуль	34	22	
Прочие -	3		
Синтаксическая роль антецедента			*
Подлежащее	78	50	
Не-подлежащее	22	50	
Семантическая роль антецедента			*
Актор	81	63	
не-Актор	19	37	

Таблица 10. *Процент корреляции параметров референта и предшествующего дискурса с референциальными средствами в первичном тексте*

Статистически существенными здесь считаются корреляции, выполняющиеся в 2/3 случаев (ок. 66%) или чаще. Существенно коррелирующие параметры отмечены в Таблице 10 звездочками. (Конкретный смысл этих параметров будет разъяснен чуть ниже.) Общее свойство всех этих параметров состоит в том, что в отношении местоимений и полных ИГ они ведут себя **существенно различным** образом. Так, значения параметра “Линейное расстояние до ближайшего антецедента” распределяются следующим образом. Местоимение ОН в 78% случаев используется при расстоянии 1, и в 22% случаев при большем расстоянии; а полная ИГ в 90% случаев используется при расстоянии более 1, и в 10% случаев при расстоянии 1.

Дальнейшее изложение базируется на следующей гипотезе: существенно коррелирующие параметры являются **факторами активации референта**. Все эти факторы вносят свой вклад в степень активированности референта в данный момент, а результирующая интегральная характеристика (коэффициент активации) в свою очередь предопределяет выбор референциального средства.

11.3. Факторы активации и их числовые показатели

Количественный компонент модели был задуман таким образом, чтобы активация референта в каждой данной точке дискурса варьировала от 0 до 1 (фактически граница варьирования несколько шире), а в качестве минимальной градации условно принимается 0,1.

Каждому значению каждого фактора активации должен быть присвоен некоторый числовой показатель. Эти показатели в сумме будут давать коэффициент активации (КА) референта в данной точке дискурса.

В Таблице 11 описаны существенные факторы активации, с указанием всех их релевантных значений и соответствующих числовых показателей. Из числа факторов, обсуждавшихся выше, два объединены в один (синтаксическая и семантическая роль антецедента) и добавлен один новый, весьма редкий – неполная кореферентность. Числовые показатели были подобраны вручную таким образом, чтобы в результате можно было описать весь массив данных.

Многие факторы активации, указанные в Таблице 11, требуют разъяснений.

Линейное расстояние до антецедента было предложено в качестве наиболее существенного коррелята референциального выбора в работе Givón 1983 и позже использовалось очень часто. В работе Fox 1987a было, однако, показано, что более существенным фактором является **риторическое расстояние до антецедента**. Последнее понятие опирается на Теорию риторической структуры (см. раздел 8 выше), согласно которой дискурс имеет в первую очередь не линейную, а иерархическую структуру. В общем случае линейно отдаленные дискурсивные единицы могут быть риторически непосредственно связанными, а соседние – риторически несвязанными. Как видно из Таблицы 11, риторическое расстояние – это важнейший фактор, способный повышать активацию референта. Линейное расстояние – вспомогательный фактор, “штрафующий” референты с риторически близким, но линейно удаленным антецедентом. Третий родственный фактор – **расстояние в абзацах**: граница абзаца существенно понижает активацию референта (Fox 1987b, Tomlin 1987).

Второй по значимости фактор после риторического расстояния – это **семантический и синтаксический статус антецедента**. Давно известно, что анафорические местоимения типично имеют своими антецедентами подлежащие. Данный факт имеет когнитивную основу. Подлежащее, по-видимому, является грамматическим коррелятом фокуса внимания (Tomlin 1995), а внимание связано с активацией каузальной связью (ср. Cowan 1995): объект, который находится в фокусе внимания в момент t_n, становится активированным в момент t_{n+1}. В русском языке также весьма важен для повышения активации референта статус Актора.

Фактор	*Значение фактора*		*Показатель активации*
Риторическое расстояние		1	0,7
		2	0,4
		3	0
		>	-0,3
Синтаксическая и семантическая роль антецедента			
	Ближайший линейный антецедент является:		
	подлежащим и актором, и при этом:		
	риторич. антецедент является подлежащим и актором		0,4
	риторич. антецедент не является подлежащим и актором		0,3
	или подлежащим, или актором		0,2
	не-подлежащим и не-актором		0
Протагонизм			
	Референт – протагонист, и при этом:		
	первое упоминание референта в серии		0,3
	второе упоминание в серии		0,1
	более чем второе упоминание в серии		0
	Референт – не протагонист		0
Одушевленность			
	Референт – человек, и при этом:		
	риторическое расстояние равно:		
	3 или более		0,2
	2		0,1
	1		0
	Референт – неодушевленный		0
Линейное расстояние		1	0
		2	-0,1
		3	-0,2
		4	-0,3
		>	-0,5
Расстояние в абзацах		0	0
		1	-0,2
		>	-0,4
Неполная кореферентность с антецедентом			
	Нет		0
	Да		-0,2

Таблица 11. *Факторы активации и их числовые показатели*

Остальные факторы связаны с внутренними свойствами референта. **Одушевленность** и **статус протагониста** в состоянии повышать активационный коэффициент в случае реактивации референта, то есть при сравнительно больших расстояниях до антецедента. (Понятие серии, используемое в описании фактора протагонизма в Таблице 11, означает такую последовательность дискурсивных единиц, упоминающих данный референт, перед которой по крайней мере 3 дискурсивные единицы его не упоминают.) Фактор **неполной кореферентности** может понижать активацию при несовпадении референциальных статусов и т.п.

Конкретные числовые значения факторов активации были получены эвристическим путем, то есть способом многократного циклического построения гипотез и их проверки на всем корпусе материала. Тем не менее, принципиальное соотношение факторов по значимости может быть показано с помощью экспериментов, в которых отдельный фактор изолируется и производятся манипуляции с его значениями. Некоторые факторы являются главными источниками активации, другие – вспомогательными источниками, третьи могут только понижать активацию.

11.4. Референциальные стратегии

Каждый фактор активации является операционным, то есть его значение легко может быть установлено для любого референта в любой момент дискурса. Благодаря этому для любого референта и в любой момент с помощью Таблицы 11 может быть вычислен коэффициент активации путем суммирования числовых показателей всех релевантных значений факторов. В некоторых случаях вычисляемый коэффициент активации оказывается больше 1 или меньше 0, и в этих случаях он округляется до 1 и 0, соответственно.

Коэффициент активации (КА) предопределяет возможности, которыми располагает говорящий при выборе референциального средства. Существует более одного значимого порога активации. Первый жесткий порог 0,4 – ниже этого порога редуцированные ИГ вообще невозможны. Мягкий порог 0,6 – выше этого порога редуцированные ИГ возможны. Между мягким и жестким порогом редуцированные ИГ маловероятны, здесь имеется идиолектное варьирование. Еще один жесткий порог – 0,9. Выше этого порога полные ИГ практически невозможны. Как уже объяснялось выше, для формулирования референциальных стратегий весьма важно различие между однозначным и факультативным выбором. Эти стратегии суммированы на Рисунке 7.

	Только полная ИГ	полная ИГ наиболее вероятна, местоимение или нуль сомнительны	полная ИГ или местоимение/нуль	только местоимение или нуль
КА:	0 0,1 0,2 0,3	0,4 0,5 0,6	0,7 0,8 0,9	1

Рис. 7. *Референциальные стратегии в русском дискурсе*

11.5. Анализ фрагмента дискурса

Поскольку полный анализ первичного текста потребовал бы очень большого количества места (см. Kibrik 1996), ограничимся разбором фрагмента одного абзаца. Этот фрагмент приведен ниже. Он содержит 15 дискурсивных единиц. Подстрочные индексы при референциальных выражениях маркируют референцию: м – механик, ф – Федорчук, и т.д.

(4) 2706 Механик$_{\text{М}}$ сунулся,
2707 но Ø$_{\text{М}}$ сейчас же вернулся -
2708 он$_{\text{М}}$ стал рыться в ящике с инструментами$_{\text{И}}$,
2709 а они$_{\text{И}}$ лежали в своих гнездах, в строгом порядке.
2710 Ø$_{\text{М}}$ Хватал один ключ$_{\text{К}}$,
2711 Ø$_{\text{М}}$ бросал Ø$_{\text{К}}$,
2712 Ø$_{\text{М}}$ мотал головой,

2713 Ø$_{М}$ что-то шептал
2714 и Ø$_{М}$ снова рылся.
2715 Федорчук$_{Ф}$ теперь ясно видел,
2716 что механик$_{М}$ струсил
2717 и Ø$_{М}$ ни за что уж не выйдет на крыло.
2718 Пилот$_{П}$ раздраженно толкнул механика$_{М}$ кулаком в шлем
2719 и Ø$_{П}$ ткнул пальцем на альтиметр$_{а}$:
2720 он$_{а}$ показывал 150.
2721 Сто пятьдесят метров до моря.

В данном отрывке имеются 9 упоминаний референтов, интересных с точки зрения излагаемого здесь подхода (они подчеркнуты). Эти упоминания: а) не являются синтаксическими, как, например, нулевые подлежащие в 2711-2714; б) не являются интродуктивными, то есть заведомо имеющими нулевую активацию, как, например, группа *с инструментами* в 2708.

В Таблице 12 приведены подсчеты коэффициента активации для всех 9 упоминаний. В верхней части таблицы представлены исходные данные – номер дискурсивной единицы, форма референциального выражения, референциальный индекс, суждение о возможности альтернативного референциального средства (эти суждения основаны на специальной процедуре, включающей эксперимент с носителями русского языка), и прогнозируемый КА (прогноз на базе референциальных стратегий, см. Рис. 7).

Нижняя часть таблицы содержит значение каждого фактора активации для каждого референта и соответствующий числовой показатель (выделен полужирным шрифтом). В последней строке таблицы указан КА, высчитанный на базе всех числовых показателей для данного референта.

Дискурс. ед-ца №	2706	2708	2709	2710	2715	2716	2718	2718	2720
Форма	механик	он	они	Ø	Федорчук	механик	пилот	механика	он
Референт	м	м	и	м	ф	м	п	м	а
Референциальное средство	полная ИГ	ОН	ОН	Ø	полная ИГ	полная ИГ	полная ИГ	полная ИГ	ОН
Альтернативное средство	?ОН,ТОТ	Ø	полная ИГ	ОН	–	ОН	–	?ОН	полн. ИГ
Интервал КА	*0,4-0,6*	*1,0*	*0,7-0,9*	*1,0*	*0,3 или менее*	*0,7-0,9*	*0,3 или менее*	*0,4-0,6*	*0,7-0,9*
Факторы активации	Значения и числовые показатели факторов активации								
Линейное расстояние	2	1	1	2	>4	2	>4	1	1
	-0,1	**0**	**0**	**-0,1**	**-0,5**	**-0,1**	**-0,5**	**0**	**0**
Риторическое расстояние	2	1	1	1	>3	2	>3	1	1
	0,4	**0,7**	**0,7**	**0,7**	**-0,3**	**0,4**	**-0,3**	**0,7**	**0,7**
Расстояние в абзацах	0	0	0	0	>1	0	0	0	0
	0	**0**	**0**	**0**	**-0,4**	**0**	**0**	**0**	**0**
Синтаксич. и семантич. роль антецедента	DO U	S A	Obl NC	S A	S A	S A	S A	S A	IO NC
	0	**0,4**	**0**	**0,4**	**0,4**	**0,4**	**0,4**	**0,4**	**0**
Протагонист	+	+	-	+	+	+	+	+	-
	0	**0**	**0**	**0**	**0,3**	**0**	**0,3**	**0**	**0**
Одушевленность	+	+	-	+	+	+	+	+	-
	0,1	**0**	**0**	**0**	**0,2**	**0,1**	**0,2**	**0**	**0**
Результирующий КА	***0,4***	***1,1***	***0,7***	***1,0***	***-0,3***	***0,8***	***0,1***	***1,1***	***0,7***

Таблица 12. *Коэффициенты активации для всех упоминаний референтов в примере (4)*

Как видно из Таблицы 12, всюду фактический КА соответствует интервалу, предсказанному на основе референциальной стратегии, кроме одного случая. Подсчет КА для референта “механик” в дискурсивной единице 2718, проведенный согласно числовым показателям факторов активации, дал максимально высокий результат 1.1. Между тем, упоминание референта “механик” в дискурсивной единице 2718 посредством полной ИГ было оценено как допускающее местоименную альтернативу только под большим сомнением. Согласно референциальной стратегии, этой ситуации соответствует интервал КА 0,4–0,6. Такая низкая оценка прономинализуемости этого референта объясняется не собственно факторами активации, а воздействием фильтра, связанного с референциальным конфликтом (см. Рис. 6, а также раздел 12 ниже). Источник этого референциального конфликта – референт “Федорчук”, имеющий в данной точке КА, равный 0,9.

11.6. Исследование на английском материале и выводы

Аналогичное исследование было проведено на материале английского нарративного письменного дискурса (см. Kibrik 1999). Результаты оказались сходными в целом, но отличными в деталях. Несколько отличен набор факторов, их значения и числовые показатели, однако наиболее мощные факторы остались в целом без изменений. Как выглядят референциальные стратегии, сформулированные для английского корпуса, показано на Рисунке 8.

	только полная ИГ	полная ИГ; местоимение сомнительно	полная ИГ или местоимение	местоимение; полная ИГ сомнительна	только местоимение
КА:	0 0,1 0,2	0,3 0,4 0,5	0,6 0,7	0,8 0,9 1	1+

Рис. 8. *Референциальные стратегии в английском дискурсе*

Таким образом, в этой серии исследований была предложена объяснительная модель референциального выбора в дискурсе. Множество факторов, связанных с внутренними свойствами референта и предшествующим дискурсом, автоматически предопределяет уровень активации каждого референта в каждой данной точке дискурса. Если говорящий хочет упомянуть некоторый референт, то на базе уже готового коэффициента активации он выбирает правильное референциальное средство, пользуясь референциальными стратегиями.

Данный подход позволяет преодолеть две проблемы, традиционно служившие камнями преткновения в исследованиях референции. Во-первых, это проблема взаимодействия факторов. В различных исследованиях подчеркивалась значимость разных факторов. Предположим, фактор X является центральным в случае A, а фактор Y – в случае B. Модель не может быть полной, если не объяснить, играет ли какую-либо роль фактор X в случае B, а фактор Y в случае A. Это оставалось неясным, поскольку отсутствовала модель взаимодействия факторов. В данной модели эта трудность преодолевается, поскольку все релевантные факторы могут быть идентифицированы в

каждом случае, и референциальный выбор является результатом всех факторов в совокупности.

Вторая проблема – это проблема кругового характера объяснений. Идея, что редуцированные референциальные средства используются при высокой активации, высказывалась неоднократно. Однако вывод о том, каков уровень активации, обычно делался имплицитно на основе фактического референциального выбора. Это приводило к круговой логике. В данном исследовании эта проблема преодолена, поскольку уровень активации определяется совершенно независимо от референциального выбора, в зависимости от внешних по отношению к этому выбору факторов активации.

11.7. Когнитивные следствия

Описанная модель референциального выбора основана на понятии активации в рабочей памяти, которое достаточно подробно разработано в когнитивной психологии и нейропсихологии (Baddeley 1986, Gathercole ed. 1996, Smith and Jonides 1997). В свою очередь, лингвистическое исследование может пролить свет на когнитивно-психологическую проблематику, на классические проблемы рабочей памяти, обсуждаемые в психологии. К числу таких проблем, в частности, относятся:

- каков **объем** рабочей памяти, т.е. сколько элементов информации она может вмещать одновременно?
- какой когнитивный механизм **контролирует** рабочую память, т.е. откуда информация поступает в память?
- за счет чего происходит **забывание**, т.е. в силу каких обстоятельств информация покидает рабочую память?

Поскольку система факторов активации в состоянии определить значение любого фактора для любого референта, она может определить КА любого референта в любой точке дискурса. Тогда можно вычислить суммарную активацию всех референтов в данной точке дискурса. Такая суммарная величина может служить оценкой **объема** рабочей памяти, по крайней мере той части памяти, которая связана с конкретными референтами. На Рисунке 9 показаны три линии динамики активации – две для индивидуальных референтов (главных персонажей рассказа) и одна для суммарной активации.

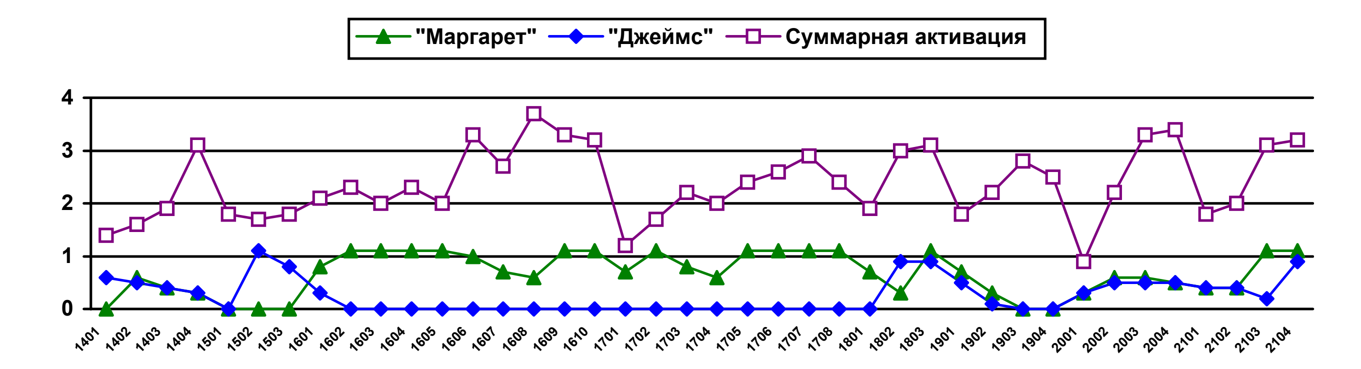

Рис. 9. *Динамика активации в отрывке английского дискурса*

Анализ данных показывает, что суммарная активация, т.е. объем рабочей памяти:

- варьирует в пределах от 1 до 4 (ср. сходную оценку в Cowan 2000), со средним значением 1,7
- варьирует гораздо меньше, чем активация индивидуальных референтов
- наиболее явные изменения происходят на границах абзацев, которые представляют собой моменты обновления рабочей памяти

Что касается **контроля** над рабочей памятью, то на этот вопрос проливает свет сочетание следующих трех фактов:

1) Из когнитивной литературы (Baddeley 1990, Cowan 1995, Posner and Raichle 1994: 173) следует, что наиболее вероятный кандидат на роль контролера рабочей памяти – это внимание.
2) Как было показано в когнитивно-лингвистических работах Р. Томлина (см. раздел 5 выше), фокусное внимание отражается в языковой структуре (по крайней мере в английском языке) посредством статуса подлежащего.
3) Как было отмечено выше, один из сильнейших факторов активации – синтаксическая роль антецедента: антецеденты-подлежащие дают гораздо более высокую активацию, чем не-подлежащие.

Будучи учтены одновременно, три эти факта позволяют сформулировать следующую картину связи между вниманием и активацией – как на когнитивном, так и на языковом уровне. Внимание контролирует рабочую память, и то, что находится в фокусе внимания в момент t_n, оказывается активированным в рабочей памяти в момент t_{n+1}. Языковые моменты – это минимальные дискурсивные единицы, близкие к предикациям. Референт, находящийся в фокусе внимания, кодируется в своей предикации подлежащим. В следующей предикации он оказывается высоко активированным и подлежит редуцированной референции. Связность этой картины представляет лингвистическое подтверждение психологического тезиса о связи внимания и активации.

Вопросы **забывания**, то есть выбывания информации из рабочей памяти, широко обсуждаются в когнитивной психологии. Основные конкурирующие гипотезы – (а) забывание как простое затухание, в результате проходящего времени и (б) забывание как интерференция, в результате вытеснения новой информацией. Согласно лингвистическим данным, модель простого затухания представляется возможной, так как при большом расстоянии до антецедента даже при отсутствии сильных конкурирующих референтов активация заметно падает.

11.8. Нейронно-сетевой подход

В описанном подходе к референциальному выбору одно из центральных мест принадлежит количественному компоненту. Этот компонент, однако, имеет ряд недостатков, в том числе:

- значимость факторов определяется на индивидуальной основе, хотя фактически они определяют референциальный выбор только вместе
- числовые показатели факторов активации подобраны вручную

- взаимодействие между факторами моделируется как простое сложение, что маловероятно с когнитивной точки зрения
- значения КА неизбежно попадают вне интервала от 0 до 1

В работе Gruening and Kibrik 2002 предложен альтернативный подход, основанный на математическом аппарате нейронных сетей (см., напр., Bechtel 1996). Этот подход:

- оценивает действие всех факторов в совокупности
- приписывает им веса автоматически
- допускает нелинейное взаимодействие между факторами
- фиксирует выходную переменную в интервале от 0 до некоторого верхнего предела

Этот подход, однако, лишен полной предсказующей силы (то есть описывает не все, а большинство данных) и не включает когнитивную интерпретацию, поскольку описывает отношение между факторами и активацией непосредственно, без участия КА. Было построено несколько моделей, в том числе полная (с учетом всех ранее выделенных факторов) и редуцированная (сохранившая лишь 6 наиболее влиятельных факторов).

В отличие от описанного выше арифметического и почти детерминистского подхода, нейронно-сетевой подход рассматривает референциальный выбор как вероятностный процесс. Совокупность факторов определяет вероятность появления редуцированного референциального средства, которая может варьировать от 0 до 1.

12. Типологические аспекты референции

12.1. Два типа референциальных средств

При референции к тем или иным референтам говорящие одновременно используют два типа референциальных средств: первичные и вспомогательные. **Первичные** референциальные средства – это языковые элементы, которые выполняют референцию как таковую: имена, местоимения, нулевые ИГ. Как было показано в разделе 11, референциальный выбор между первичными референциальными средствами осуществляется в зависимости от степени активированности референта в рабочей памяти говорящего. Типология первичных референциальных средств будет рассмотрена в разделе 12.2.

Одновременно может быть активировано более одного референта. Как говорящий обеспечивает, чтобы адресат отождествил референциальное средство R с правильным из этих активированных референтов? Это обеспечивается благодаря тому, что не каждый из активированных референтов совместим со смыслом того контекста, в котором употреблено первичное референциальное средство.

Рассмотрим простой пример.

(5) Иван$_i$ сидел за столиком в кафе. Неожиданно к нему подошла нищая$_j$.
 а. Он$_i$ толкнул ее$_j$.
 б. Она$_j$ толкнула его$_i$.

И в (5а), и в (5б) есть по два активированных референта, каждый из которых кодируется местоимением 3 лица. В каждом из этих предложений вполне понятно, кто является агенсом, а кто пациенсом ситуации. Рассмотрим теперь следующий пример, минимально отличный от (5).

(6) Иван$_i$ сидел за столиком в кафе. Неожиданно к нему подошел нищий$_j$.
 а. $^?$Он$_i$ толкнул его$_j$.
 б. $^?$Он$_j$ толкнул его$_i$.

Предложение (6а/б) является непонятным: неясно, какой из двух активированных референтов является агенсом, а какой – пациенсом. Очевидно, разница между примерами (5) и (6) не может быть связана с факторами активации – действие этих факторов в двух этих примерах в точности идентично. Предложение (6а/б) неудачно не потому, что референты недостаточно активированы. Разница между (5) и (6) в том, что в первом случае два активированных референта различаются родом, а во втором – нет. Таким образом, помимо факторов активации, ответственных за возможность употребления первичных референциальных средств, в языке есть дополнительные факторы, влияющие на их употребление. В примерах (5), (6) таким фактором является грамматический род. Категория рода сама по себе не выполняет функцию референции, но влияет на референцию. Род – одно из **вспомогательных** референциальных средств. Эти средства помогают различить два или более активированных референта. Типология вспомогательных референциальных средств будет рассмотрена в разделе 12.3.

12.2. Первичные референциальные средства

Существует два основных типа первичных референциальных средств: лексически полные и редуцированные. Лексически полные референциальные средства состоят из существительных, которые могут быть дополнительно распространены определениями. Редуцированные референциальные средства не имеют лексического значения, они семантически и фонетически ослаблены (attenuated, Chafe 1994; см. также Бергельсон и Кибрик 1981). Наиболее очевидный тип редуцированных референциальных средств – лексические местоимения 3 лица. Такие местоимения имеют вырожденное значение и, как результат, чрезвычайно широкую сферу возможной референции. Кроме того, такие местоимения обычно являются короткими по сравнению с именами и произносятся безударно, и в этом смысле ослаблены фонетически. Редуцированные референциальные средства соответствуют закону Зипфа (Zipf 1949), который утверждает корреляцию трех характеристик языковых единиц: высокая частота, фонетическая простота (краткость) и широкий семантический диапазон.

Лексически полные ИГ – это внутренне чрезвычайно разнородный класс. Сюда входят имена собственные и имена нарицательные, простые и распространенные ИГ, и т.д. Общим между ними является то, что они используются как для интродуктивной референции (при нулевой активации), так и при активированности референта за счет предшествующего дискурса (при ненулевой активации). А редуцированные ИГ спе-

циализированы для референтов, которые уже имеют к данному моменту высокую степень активации.

К числу редуцированных референциальных средств относятся, помимо лексических местоимений 3 лица, следующие средства, часто встречающиеся в языках мира:

- связанные местоимения, т.е. аффиксы или клитики, не являющиеся самостоятельными словами и входящие в состав вершинного слова (как правило, глагола)
- нулевые ИГ

Эти два типа редуцированных первичных референциальных средств будут рассмотрены ниже.

Связанные местоимения представлены, например, в следующем предложении абхазского языка:

(7) i-l=z-i=c-sə-rgəlojt'
3ср.Ном-3ж.Косв=для-3м.Косв =с-1Ед.Эрг-строить.Наст
‘Я строю его (напр., дом) для нее вместе с ним’

Лексически самостоятельным местоимениям русского языка в абхазском соответствуют связанные местоимения в составе глагола. Аффиксы *i-, l-* и *i-* выполняют референцию к участникам ситуации в точности так же, как самостоятельные местоимения. Аффиксы такого рода иногда интерпретируются в описательных и теоретических работах как показатели согласования. Однако в примерах типа (7) не вполне ясно, с чем бы они могли согласовываться. Полных ИГ в данном предложении не представлено, и в естественном дискурсе полные ИГ чаще отсутствуют, чем присутствуют. Поэтому трактовка личных аффиксов типа абхазских как местоимений, т.е. референциальных единиц, представляется более адекватной. (См. Кумахов 1974, Van Valin 1985.)

(8) а. i-kuraxy d-nejxyan,
его$_i$-старость он$_i$ [=старик]-был,
б. apsra d-analaga,
умирать он$_i$-когда.начал
в. i-čk˳’ənc°a d-rə-pxyan,
его$_i$-сыновья$_j$ он$_i$-их$_j$-позвал,
г. j-aajn,
они$_j$-пришли,
д. adc'a r-i-tejt'
задание им$_j$-он$_i$-дал

‘Он (=старик) состарился, и когда он собрался умирать, он позвал своих сыновей, они пришли, и он дал им задание’

В абхазском примере (8) в большинстве случаев аргументы предикаций представлены только личными аффиксами в составе глагола. Личные аффиксы выглядят одинаково вне зависимости от того, присутствует ли в данной предикации кореферентная полная ИГ – ср. аффикс мн. числа *r(ə)-* в строках (в) (с кореферентной ИГ) и (д) (без кореферентной ИГ). Согласно мнению многих исследователей (Jelinek 1985, Mithun 1986 и др.), в языках такого типа встроенные в глагол местоимения представляют собой полноценные аргументы предикации, а полные ИГ являются факультативными

дополнениями к этим аргументам. Между связанными местоимениями и полными ИГ в этом случае имеет место своеобразная анафорическая связь. Вслед за Э. Джелинек (Jelinek 1985) языки типа абхазского часто именуются языками с местоименными аргументами, в отличие от языков с именными аргументами типа русского. Однако ряд авторов, например М. Барлоу (Barlow 1992), считают, что местоименные аффиксы типа абхазских не следует резко противопоставлять согласованию, т.к. согласовательные аффиксы в языках с именными аргументами также соучаствуют в референции. Вероятно, нет необходимости однозначно решать, какие единицы являются аргументами в языках типа абхазского – вполне можно признать, что ими являются и местоименные аффиксы, и самостоятельные ИГ, когда последние имеют место. Следует подчеркнуть, что между свободными и связанными местоимениями нет непроходимой границы. Согласно известной гипотезе Т. Гивона (Givón 1976), показанной на материале языков банту, свободные местоимения диахронически втягиваются во многих языках в состав глагола и постепенно превращаются в согласовательные аффиксы. Очевидно, что разные языки в момент их регистрации лингвистами могут находиться на разных стадиях этого континуального процесса.

Однако сам характер связанных местоимений имеет значительные особенности по сравнению со свободными местоимениями. Как отметил У. Чейф (Chafe 1994, гл. 12), в местоименно-аргументном языке сенека (ирокезская семья) употребление связанных местоимений не зависит от активации референта. Ведь связанные местоимения появляются даже тогда, когда референт упоминается впервые, и в предикации имеется полная ИГ. В этом отношении связанные местоимения очень отличаются от свободных.

Сама морфологическая техника обязательного маркирования местоимений-аргументов в глагольной словоформе имеет важные грамматические последствия. Например, поскольку каждый участник ситуации обязательно представлен в глаголе местоименной морфемой, такие языки обычно не используют стратегию релятивизации с вершинной ИГ в главной предикации. Вместо этого языки с местоименными аргументами склонны к “включающей” стратегии релятивизации, при которой относительная предикация целиком входит в главную предикацию как ИГ (кореферентная местоимению в главном глаголе); см. Kibrik 1992a. Использование (или неиспользование) связанных местоимений является одной из центральных типологических характеристик языка, из которой вытекают многие другие свойства.

Дж. Николс (Nichols 1986, 1992) под несколько другим углом зрения рассмотрела ту же проблему в связи со своей типологией **вершинного/зависимостного** маркирования, ставшей одной из важнейших инноваций грамматической теории последних десятилетий. Синтаксическое отношение между двумя составляющими (словами) может быть морфологически маркировано на главной составляющей, вершине (head), а может на зависимой (dependent). В рамках предикации ролевые отношения могут маркироваться на именных группах, то есть на зависимых элементах, в виде падежных маркеров, а могут в составе глагола, т.е. вершины (последнее явление может быть проиллюстрировано маркерами согласования глагола с подлежащим).

Некоторые языки мира обнаруживают тенденцию к последовательно вершинному или последовательно зависимостному маркированию. Так, два кавказских языка, че-

ченский и абхазский, реализуют полярные стратегии в этом отношении: в первом используется исключительно зависимостное маркирование, во втором — исключительно вершинное. Другие языки оказываются менее последовательны и располагаются между этими двумя полюсами. Николс предложила количественный индекс типа маркирования, варьирующий от –7 до +7. Абхазский язык имеет индекс –7, чеченский +7, а арабский 0. Те языки, которые в терминах Николс склонны к вершинному маркированию, фактически совпадают с языками, использующими связанные местоимения. Эти языки также совпадают в значительной мере с полисинтетическим типом, для которого характерна сложная морфологическая структура глагола (Boas 1911/1964, Van Valin 1977, 1985, Mithun 1986).

Склонность к вершинному либо зависимостному маркированию — исторически устойчивая характеристика языков. Такие языковые семьи, как атабаскская, майянская, вакашская, салишская, ирокезская, сиуанская и алгонкинская (все — Северная и Центральная Америка) последовательно склонны к вершинному маркированию, а нахско-дагестанская, индоевропейская и дравидская — к зависимостному. В целом, для Евразии типично зависимостное маркирование, а для Северной Америки — вершинное. Кроме того, вершинное маркирование – и связанные местоимения – часто встречаются в языках Новой Гвинеи, в некоторых частях западной Океании, в языках непама-ньюнга в Австралии (п-в Арнэм Лэнд), в восточной Азии (напр., айнский) и в Африке (особенно языки банту). Абхазский язык, распространенный посреди зависимостно-маркирующих языков западной Азии и Европы, представляет собой явное географическое исключение.

Нулевые ИГ. Третий тип редуцированных референциальных средств, наряду со свободными и связанными местоимениями, – это нулевые анафорические элементы. Референциальный нуль – это, разумеется, не реальная языковая сущность, а условное обозначение отсутствия чего бы то ни было в том месте языковой структуры, где может ожидаться референциальное средство. Рассмотрим пример из устного японского языка (Clancy & Downing 1987:18)

(9) а. ... de yukichan$_i$ ga <...> onigiri o tsukutteimasu.
и Юкичан Ном онигири Акк делает

б. ... de kondo Ø$_i$ kore o … nanka-- ... iremono ni
и теперь этот Акк вроде контейнер Лок
tsumemashite ne,
упаковывая Воскл

в. de … Ø$_i$ dekakete
и выходя

г. Ø$_i$ iku wake desu. <...>
идти Ном Св

д. ... de Ø$_i$ onigiri o <...> toridashite,
и онигири Акк вынимая

е. … Ø$_i$ hoobarinagara
засовывая.в.рот

ж. … Ø$_i$ kooen ni ikimasu.
парк Лок идет

‘И Юкичан делает онигири. <…> Затем упаковывает их,<…> выходит и идет <…>. Она берет онигири и, засовывая его в рот, идет в парк’

В этом отрывке видно, как нулевые ИГ регулярно употребляются в японском языке в тех случаях, когда русский язык использует свободные местоимения 3 лица.

Преобладание нулевой анафоры в языке не имеет столь радикальных и многочисленных последствий для языка, как использование связанных местоимений, однако можно указать некоторые характеристики, которые часто сочетаются с нулевой анафорой. Большая литература посвящена вопросу о связи между нулевой анафорой и наличием согласовательных показателей в глаголе (см. обзор в Huang 2000). Нулевая анафора особенно типична для языков Юго-восточной Азии и языков Зап. Африки – а эти ареалы объединяет такая черта, как аналитизм и изоляция. Возможно, между изолирующим и аналитическим типами, с одной стороны, и нулевой анафорой с другой, есть какая-то связь. Дж. Гундел (Gundel 1980) попыталась связать нулевую анафору с “выдвижением топика” (Li and Thompson 1976), еще одной типичной чертой языков Юго-восточной Азии. В языках восточной и Юго-восточной Азии использование нулевой анафоры практически не ограничено в отношении синтаксической позиции. Некоторые другие языки резервируют это средство лишь для фиксированных позиций. По русскому переводу примера (9) видно, что русский язык также в ряде случаев использует нулевую анафору (сочинительное сокращение) – в позиции подлежащего. Однако русский язык редко использует нулевую анафору в позиции подлежащего самостоятельного предложения (ср. местоимение *она* в начале перевода второго предложения). Некоторые другие славянские языки (особенно польский) и некоторые романские языки почти никогда не используют местоимений в позиции подлежащего, в то время как в других позициях они используют свободные или связанные местоимения. Какие-то элементы нулевой анафоры можно найти практически в каждом языке.

12.3. Референциальный конфликт и вспомогательные референциальные средства

Когда имеется более одного активированного референта, и говорящий намеревается употребить редуцированное референциальное средство, существует опасность возникновения неоднозначности: ведь редуцированные средства имеют очень широкую сферу референции. Такая потенциальная ситуация именуется **референциальным конфликтом (РК)**. При РК есть более одного кандидата на роль референта редуцированного референциального средства. Говорящие должны предвидеть и предотвращать такие ситуации, иными словами, снимать РК. Самый радикальный способ снять РК – использовать полную ИГ, что в большинстве случаев разрешает конфликт между двумя референтами-кандидатами. Человеческие языки, однако, располагают большим арсеналом средств, позволяющих использовать экономные редуцированные референциальные средства и при этом снять РК. Именно эти средства и именуются в данной работе вспомогательными референциальными средствами.

Дж. Хит (Heath 1975), по-видимому, первым отметил, что очень различные лексико-грамматические средства могут использоваться для одной и той же цели – различить два или более потенциально смешиваемых референтов. Этот тезис он позже (Heath 1983) проиллюстрировал данными нунггубуйу – языка северной Австралии, использующего сложную систему классов для той же цели, для которой другие языки используют систему переключения референции (см. ниже). Р. Ван Валин (Foley and Van Valin 1984: Ch. VII, Van Valin 1987) предложил подробную типологию вспомога-

тельных референциальных средств. Эта типология была индуктивной и потому не исчерпывающей, но весьма полезной (см. также Comrie 1989, Kibrik 1991).

Необходимо ясно осознавать, что РК является важным компонентом системы референциального выбора, и в то же время это компонент, **отдельный** от факторов активации. Оба эти тезиса подвергались сомнению в литературе. Например, У. Чейф (Chafe 1990) высказал мнение, что неоднозначность существует не в реальных языках, а лишь в воображении “экзокультурных” лингвистов. Ср., однако, примеры (5) и (6) выше. Как бы они ни были схематичны, понятно, что разница между ними состоит ровно в том, что в первом случае РК снимается благодаря категории рода, а во втором нет. Следовательно, род реально участвует в поддержании референции и должен рассматриваться как референциальное средство. Другая группа авторов (Givón 1983: 14, Ariel 1988: 28, Payne 1993: 89, Gernsbacher 1990) полагают (каждый в своих терминах), что РК относится к факторам активации и что упоминание конкурирующего референта снижает активацию ранее активированного референта. Рассмотрим еще раз примеры (5) и (6). Предположим, что употребление *он*$_i$ в (6а) неудачно в силу того, что референт-конкурент “нищий” подавил активацию референта “Иван”. Тогда в (5а) референт-конкурент “нищая” точно так же должен был подавить активацию референта “Иван”, но этого очевидно не произошло. Следовательно, РК – это компонент системы референциального выбора, **отдельный** от действия факторов активации, подобных тем, которые обсуждались в разделе 11. РК может запрещать редуцированные референциальные выражения, которые вполне удачны с точки зрения степени активации, но это не означает, что РК подавляет активацию.

Сравним пример (6), рассмотренный выше, со следующим:

(10) Иван сидел за столом. К нему подбежал щенок.
а. Он$_i$ поднял его$_j$ на руки
б. *Он$_j$ поднял его$_i$ на руки

В данном случае, как и в примере (6), оба референта-конкурента одного и того же рода, но ничто не мешает употребить предложение (10а). Это связано с тем, что здесь РК также устраняется, но не таким грамматическим средством, как род, а всем семантическим контекстом предикации, в совокупности с релевантными знаниями о мире. Этот семантический контекст действует совместно с энциклопедическими знаниями носителей языка о том, что щенок не может поднять никого на руки.

Таким образом, существуют два основных типа вспомогательных референциальных средств: **конвенциональные**, или лексико-грамматические, наподобие рода, и **окказиональные**, основанные на семантической совместимости нужного референта с контекстом предикации. По мнению Р. Ван Валина (Van Valin 1987), последний тип вспомогательных референциальных средств особенно характерен для языков Восточной и Юго-восточной Азии, таких, как японский, китайский, тайский. Ср. следующий пример из пекинского диалекта китайского языка: (Li and Thompson 1979: 318, цит. по Van Valin 1987: 520-1):

(11)	a. Wáng-Miǎn$_i$	dé-le	qián,	Ø$_i$	mǎi-le	hǎo
		получить-Пф	деньги		купить-Пф	хороший
	dōngxi,	Ø$_i$ xiàojìng Ø$_i$	mǔqin.			
	вещь	почтить	мать			

б. Yī	chuán	Ø	liǎng,	liǎng	chuán	Ø	sān.
один	передать		второй	второй	передать		третий

в. Zhū-Chàn	yī	xiàn	dōu	xiǎode	$Ø_i$	shì	yíge
	весь	уезд	все	знать		есть	Неопр
	huà	méi-gú-huā-hùi		de		míngbǐ .	
	рисовать	цветок-и-растение		Рел		знаменитый.рисовальщик	

г. Ø	Zhēng-zhe	lái-mǎi	Ø.
	бороться-Прог	приходить-купить	
д. $Ø_i$	dào-le	shíqī–bā	suì...
	достичь-Пф	17-18	лет

‘(а) Ван-мянь заработал денег, купил хороших вещей из почтительного отношения к матери. (б) Один человек рассказал [это] двоим, двое рассказали [это] троим. (в) Весь уезд Жу-чань узнал, что он был знаменитым рисовальщиком цветов и растений. (г) [Люди из уезда] боролись за то, чтобы купить [его рисунки]. (д) Когда [он] достиг семнадцати-восемнадцати лет...’

В примере (11) есть многочисленные случаи нулевой анафоры. Большинство их относится к протагонисту, но в строках (б) и (г) три других референта кодируются нулями. Несмотря на конкуренцию с ними, в строках (в) и даже (д) протагонист достаточно активирован, чтобы для референции к нему были использованы нулевые ИГ. Очевидно, китайский язык действительно не располагает конвенциональными средствами снятия РК и опирается лишь на окказиональную совместимость с семантическим контекстом.

Конвенциональные вспомогательные референциальные средства во всех случаях опираются в своем функционировании на один общий принцип: они тем или иным образом **классифицируют** одновременно активированные референты. В случае категории рода такая классификация основана на стабильных, или постоянных, характеристиках референтов или ИГ. Другие классификации основаны на текущих характеристиках референтов или ИГ. Ниже рассматривается типология этих двух видов классификаций (подробнее см. Kibrik 1991, 2001).

Следует подчеркнуть, что никакие из конвенциональных классификаций не существуют в языке специально для того, чтобы снимать РК. Даже о глагольной категории переключения референции накапливается все больше свидетельств, что ее основная функция – не собственно различение референтов. Конвенциональные классификации существуют в языке для других целей, но регулярно и стандартно используются для снятия РК; именно в этом состоит их конвенциональность.

Стабильные классификации распадаются на два основных типа: абсолютные и относительные (т.е. иерархии). Абсолютные классификации представлены в первую очередь в системах именных классов (родов). Именные классы характерны для Европы, северного Кавказа, Ближнего Востока, большей части Африки, Новой Гвинеи, некоторых частей Австралии и Нового Света. Роль именных классов, или родов, в снятии РК была показана на русских примерах (5), (6). Одна из максимальных систем именных классов представлена в атлантическом (Зап. Африка) языке пулар-фульфульде (Коваль 1997); использование классов для снятия РК было рассмотрено в работах Kibrik 1991, 1992b. Именные классы могут быть маркированы по вершинному принципу в составе связанных местоимений в глаголе – ср. абхазский пример (7). В некоторых языках именная классификация встроена в глагольную семантику – на-

пример, в атабаскских языках (Сев. Америка) есть целые серии глагольных корней, различающихся по смыслу лишь классной принадлежностью участника-абсолютива (одушевленный / округлый / плоский / продолговатый и т.д.) Ср. фрагмент из сказки на атабаскском языке навахо:

(12) а. shidą́ą́dii yiníłˀį́.
некоторое.время она.смотрела
б. ńt’ééˀ ˀayęęzhii yę́ę łaˀ nááhideesn’ááˀ jiní.
затем яйцо то один снова.оно.шевельнулось говорят
в. łaˀ ’éí t’óó t’áákǫ́ǫ́ t’óó doo-nahan’áóó,
одно это прямо там прямо без-движения
t’óó si-**ˀą́** jiní.
прямо оно.округлое.лежало говорят
г. ˀáádóó shį́į́ t’óó yik’i nááneez-**dá**.
потом возможно прямо на.него снова.она.одушевл.села
‘(а) В течение некоторого времени она [= орлица] наблюдала. (б) Потом это яйцо снова шевельнулось, говорят. (в) А то, которое лежало без движения, просто оставалось на месте. (г) Потом она уселась на них’

В этом примере встречаются два классифицирующих глагольных корня, оба означающих ‘сидеть, лежать, находиться’: *-ˀą́* (об округлых предметах) и *-dá* (об одушевленных) (эти корни выделены в примере дефисами и полужирным шрифтом). Сами эти корни в состоянии снять РК между референтами ‘яйцо’ и ‘орлица’, и такие случаи встречаются в навахо достаточно регулярно.

Во многих языках, особенно в Азии и в Австралии, имеется специальный класс слов для маркирования стабильных абсолютных классификаций – классификаторы (наподобие русских слов *штука, голова, душа*, которые могут использоваться для счета неодушевленных предметов, животных и людей, соответственно). Об использовании классификаторов как референциальных средств см. Downing 1986, Aikhenvald 2000.

Стабильные относительные классификации представляют собой иерархии референтов в соответствии с тем или иным семантическим или прагматическим параметром. Одна из таких иерархий – иерархия внутренней агентивности, обнаруженная в языке навахо К. Хэйлом (Hale 1973). Ср. следующий пример:

(13) shimásání tł’ízí yi-ł–deezdéel-go
моя.бабушка коза 3Косв.Актор>Неактор-с-поймала-Подч
bi-yaa–haalwod
3Косв.Неактор>Актор–3Ном-убежала
‘Когда моя бабушка поймала козу, та убежала от нее’

В этом примере первая предикация содержит связанное местоимение 3 лица *yi-*, которое, среди прочего, означает, что актор предикации превышает второй аргумент по внутренней агентивности (человек > животное). Вторая предикация также двухместна, но не содержит полных ИГ. Как устанавливается референция аргументов? Здесь использовано местоимение *bi-*, которое указывает, что актор менее внутренне агенти-

вен, нежели второй аргумент. Благодаря этой иерархии ясно, что актором во второй предикации является коза, а не бабушка.

Иерархии совершенно другого рода встречаются в языках, которые имеют развитую категорию вежливости (это особенно характерно для языков Восточной и Юго-восточной Азии). Например, во вьетнамском языке референты, которые меньше или равны говорящему по социальной иерархии, обозначаются местоимением 3 лица *nó*, а те референты, по отношению к которым следует проявлять вежливость, должны обозначаться полными ИГ, даже если они высоко активированы. Таким образом, иерархия вежливости также может вносить вклад в снятие РК.

Текущие классификации основаны на временных, контекстно-зависимых характеристиках референтов, таких как “быть протагонистом”, “быть подлежащим предшествующей предикации” и т.д. Диапазон текущих классификаций очень велик и может быть лишь выборочно проиллюстрирован ниже. Помимо типа характеристики референта, текущие классификации различаются локусом, т.е. типом составляющей, на которой они маркируются. Это может быть самостоятельное местоимение, или связанное местоимение, или глагольная категория, или служебное слово. Приводимые ниже примеры иллюстрируют все эти возможности.

Наиболее известный пример текущей классификации, маркированной на свободных местоимениях – так называемые логофорические местоимения (Hagège 1974, Clements 1975). Канонические логофорические местоимения встречаются в дополнительных придаточных при матричных глаголах речи и обозначают в придаточном актант, кореферентный субъекту матричного глагола. В случае некореферентности используются простые местоимения 3 лица. Ср пример из западно-чадского языка ангас (Burquest 1986: 92):

(14)	Músá$_i$	lə́	tèné ɗyí$_i$ /	kə́$_j$	mét	kə̀sǘwá
	‘Муса$_i$	сказал	что он$_i$	он$_j$	пойдет	на.рынок’

Часто термин “логофорические местоимения” употребляется в расширительном смысле, применительно к любым специализированным местоимениям, появляющимся в зависимой предикации и обозначающим кореферентность с аргументом главной предикации. Логофорические местоимения – это ареальная черта Западной и Центральной Африки, см. различные статьи в Wiesemann 1986. Аналогичные местоимения встречаются и в других ареалах, например в кавказских языках (А.Е.Кибрик 1977: 316-7, Тестелец и Толдова 1998) и в языках Амазонии (Wiesemann 1986). В некоторых других языках обнаруживается обратная система, когда специализированное местоимение, напротив, маркирует некореферентность с субъектом предшествующей предикации. Так устроено, например, русское местоимение *тот*, противопоставленное нейтральному местоимению 3 лица *он* – ср. русский перевод предложения (13) (подробнее см. Кибрик 1987б). Во многих языках текущие классификации зависят не от жесткого синтаксического признака типа “подлежащее/не-подлежащее”, а от дискурсивных противопоставлений; это особенно характерно для языков Зап. Африки (см., например, Бергельсон 1988, а также раздел 13 ниже).

Среди текущих классификаций, маркированных на связанных местоимениях, наиболее широко известно противопоставление проксиматива/обвиатива в алгонкин-

ских языках (Сев. Америка). Проксимативное местоимение используется для референции к более активированному или центральному в дискурсе референту, а остальные референты получают статус обвиатива (см., напр., Russell 1996). Такого типа системы характерны для Сев. Америки, хотя степень грамматикализации параметра, на котором основана оппозиция связанных местоимений, может быть различна. Например, более грамматикализованная система используется в языке центральный юпик (эскимосско-алеутская семья), где есть противопоставление “возвратных” местоимений (способных к кореферентности через границу предикации) и обычных местоимений 3 лица.

Текущие классификации, маркированные в виде специальных глагольных морфем, известны под названием категории переключения референции (см., например, Jacobsen 1967; Haiman and Munro 1983; Бергельсон и Кибрик 1987; Stirling 1993). Каноническая система переключения референции состоит из двух морфем – показателя равносубъектности и разносубъектности. Подлежащее зависимой предикации сравнивается с подлежащим другой предикации и маркируется как идентичное ему или отличное от него. Если референт подлежащего-контролера известен, то при употреблении маркера равносубъектности референт подлежащего текущей предикации также известен. Даже маркер разносубъектности может помочь установить референт, если, например, в данный момент активировано ровно два референта – ясно, что это будет тот из них, который не совпадает с подлежащим-контролером. Ср. пример из тувинского языка (тюркская семья, Южная Сибирь), в котором равносубъектная форма – деепричастие на *-ГАш*, а разносубъектная – причастно-падежная форма на *–Vр..ГА*:

(15) а. *демги ооl илби-зи-биле көр-үп олур-арга,*
тот.самый мальчик волшебство-3-с смотреть-Дпч Всп-Разн
б. *Ø хаан-ның баарында кончуг эки шынар-лыг чем-и-н сал-гаш,*
хан-Ген перед очень хороший качество-с еда-3-Акк ставить-Равн
в. *Ø оол-дуң баарында мырыңай хоран холаан чем-и-н сал-ып боол-тур.*
мальчик-Ген перед даже яд перемешанный еда-3-Акк ставить-Дпч быть.Дпч-Св

‘(а) Как мальчик увидел при помощи своего волшебства, (б) она (=ханша) поставила очень хорошую еду перед ханом и (в) поставила еду, перемешанную с ядом, перед мальчиком’

Показатель разносубъектности в (а) указывает, что подлежащее предикации (б) отлично от подлежащего (а), следовательно, подлежащее (б) не может быть ‘мальчик’, а должно быть другим референтом; следовательно, это ‘ханша’, о которой шла речь в предыдущем предложении текста. Маркер равносубъектности в (б) указывает, что подлежащее (в) совпадает с подлежащим (б). Тувинская система переключения референции более подробно рассматривается в разделе 14.

Система переключения референции часто встречается в языках, склонных к построению дискурса в виде цепочки взаимозависимых предикаций. Переключение референции, первоначально рассматривавшееся как экзотическое явление ряда языков Сев. Америки, оказалось очень распространенным феноменом и представлено на всех

континентах. Часто бывает, что маркер равносубъектности употребляется при нестрогом совпадении референтов. М.Митун (Mithun 1993) указала, что этот маркер во многих случаях может означать не собственно кореферентность, а семантическую связанность предикаций. В этом смысле категория переключения референции напоминает другие конвенциональные вспомогательные референциальные средства: ее основная функция состоит в другом, но она регулярно используется для различения референтов в дискурсе и снятия РК.

Категория, аналогичная переключению референции, но маркируемая не в глаголе, а в специальных служебных словах, встречается в языках Западной Африки (Carlson 1987) и Амазонии (Wiesemann 1986: 377, Popovich 1986).

Различные стабильные и текущие классификации референтов очень различны по своей природе, но кофункциональны: все они способствуют снятию РК. Интересно, что некоторые языки, как, например, китайский, лишены таких конвенциональных средств вообще, а другие имеют их несколько. Например, язык мундани (грассфилдз банту, Камерун), располагает системой именных классов в местоимениях, логофорическими местоимениями и категорией переключения референции (Parker 1986).

13. Система поддержания референции в языке серер

Как уже обсуждалось в разделе 12, языки, располагающие системой **именных классов**, часто используют ее в целях разрешения референциального конфликта (РК). Примером языка, активно использующего богатую именную классификацию для поддержания референции, может послужить западно-африканский язык пулар-фульфульде (западно-атлантическая семья; см. Коваль и Зубко 1986, Kibrik 1992b). В пулар-фульфульде одна из наиболее очевидных функций именных классов – различение референтов при РК. Каждому классу соответствует особое местоимение 3 лица. Другой западно-атлантический язык, **серер,** также располагает достаточно разветвленной системой именных классов (всего 15). Класс существительного обозначается посредством двух клитических показателей класса (ПК). Первый из них, препозитивный, сопровождает существительное всегда (хотя для некоторых классов является нулевым). Второй, постпозитивный, – лишь в случае определенности данного существительного; к этому показателю суффигируется определенный артикль или указательное местоимение. Ср. формы от корня *cek* \`курица':

(16) а.	a	cek	\`курица (неопр.)'		
	ПреПК	курица			
б.	a	cek	al-	e	\`курица (опр.)'
	ПреПК	курица	ПостПК-	Опр	

В отличие от пулар-фульфульде и многих других африканских языков, в серер имеющаяся богатая система именных классов никак не используется для поддержания референции. Местоимения 3 лица не различаются по классам.

Для разрешения РК в серер используется совершенно иная система классификации референтов. Эту классификация является текущей (в отличие от стабильной системы именных классов). Референты противопоставляются в этой системе по текущей

выделенности. Рассмотрим употребление подлежащных местоимений 3 лица *a* (по числу не различается) и *ta* (мн.ч. *da*).

Употребление местоимений в простом предложении:

(17) а. a_i / ta_j moof no deek le
‘Он сел на стул’
б. o koor oxe_i (a_i) moof no deek le
‘Мужчина (он) сел на стул’

Предложение (17б), начинающееся с полной ИГ, факультативно содержит местоимение *a*, которое в этом случае выступает в качестве подлежащего, кореферентного вынесенному топику. Употребление *ta* в этой позиции невозможно.

Употребление местоимений в сложном предложении:

(18) $Ngoor_i$ a_i fad o njaƈ $onge_j$...
‘Нгор [он] ударил мальчика
а. ... a_i ƴuf
<и> [он] убежал’
б. ... ta_j ƴuf
<и> тот убежал’

Выбор анафорического местоимения предопределяется синтаксическим статусом антецедента: если антецедент был кодирован подлежащим (продолжение а), то используется местоимение *a*, а если не подлежащим (продолжение б) – то *ta*. Таким образом, серерская система классификации референтов весьма напоминает систему логофорических местоимений (в расширительном смысле этого термина), не менее характерных для африканских языков, чем именные классы.

Тот же принцип используется и при **употреблении местоимений в дискурсе**: выбор местоимения зависит от синтаксической роли антецедента. Если в данном фрагменте дискурса активирован один референт, то весьма вероятно образование цепочек предикаций с подлежащим в виде местоимения *a*: для каждой очередной предикации предшествующее упоминание данного референта оказывается подлежащим. Если активировано два референта, то также возможны длинные цепочки предикаций, не включающих семантически полных наименований этих референтов. Оказывается, и в этом случае говорящий в состоянии обойтись лишь местоименными формами, чередуя *a* и *ta* – ср. следующий фрагмент рассказа (из Diop-Fal n.d.):

(19) а. a_j cooxa suk-$fambe_i$,
‘Он [лев] дал козлу [кусок шкуры],
б. ta_i laq o bay ole <...>no ndog onGe,
тот спрятал руку <...>в калебасу,
в. a_i soobteen soobteen,
он окунул.туда, окунул.туда,
г. boo kiin waagiran o jektir fo suum,
так что кто-либо [=никто] не смог бы отличить от меда,
д. ta_i lay-n_j-ee: “oxene koy <...>koo_j ɗuudkan rek!”
[и] (он) сказал.ему: “Вот это же <...>ты проглоти разом!”

е.	$\underline{ta}_j$	dal	fo	yaɓat,			
	Тот [=лев]	начал		разевать.пасть,			
ж.	$\underline{ta}_i$	naangam no	$\underline{ten}_j$	sabuux!			
	он	сделал в	него	хрусь! [=втолкнул в него]			
з.	$\underline{ta}_j$	ɗuudin		<...>			
	Тот	проглотил.это		<...>			
и.		$\underline{a}_j$ lay	<...>				
	[и]	(он) сказал: <...>					
к.	$\underline{ta}_i$	lay-$\underline{n}_j$-ee		ɓoo	$\underline{o}_j$	ɓat'u	sax.
	Он [=козел]	сказал.ему		чтобы	ты [=он]	добавил	того.же.
л.	$\underline{ta}_j$	dakwo	naang	wereet			<...>,
	Тот	вернулся	сделать	хвать! [=оторвал еще кусок]			<...>,
м.	$\underline{a}_j$	cooɗ-$\underline{in}_i$,					
	(он)	передал.ему,					
н.	$\underline{ta}_i$	soob no	tiganam	ke.			
	тот	окунул в	вещь	эту [калебасу],			
о.	$\underline{ta}_j$	nologilin,					
	тот	глотнул,					
п.	$\underline{a}_j$	nologilin...					
	(он)	глотнул...’					

Система текущей классификации референтов, используемая в серер, одновременно чрезвычайно экономна и эффективна. В приведенном примере есть два протагониста, из них только один упоминается в этом фрагменте – в первой предикации – в виде полной ИГ. В течение 17 последующих предикаций говорящий полностью обходился местоимениями *a* и *ta*, основанными на текущем различии по роли антецедента.

Один из типологически существенных вопросов, которые здесь возникают, состоит в следующем. Достаточно разветвленная система именных классов, имеющаяся в серер, никак не используется для поддержания референции. Следует ли из этого, что поддержание референции не входит в число фундаментальных функций именных классификаций? Если ответ на этот вопрос положителен – значит, использование именных классов в целях поддержания референции – это всего лишь применение “подручного средства”, имеющего (вероятно) какие-то другие основные функции. Однако нельзя исключить и возможность, что серерская ситуация просто представляет собой некий этап в разрушении классной системы, на котором ее существенная функция отпала, но сама именная классификация “по инерции” еще сохраняется.

14. Референциальные стратегии в тувинском языке

В данном разделе описывается еще одна конкретно-языковая система поддержания референции, в большой мере ориентированная на снятие референциального конфликта. Как было показано в разделе 12, одно из типологически важных средств такого рода – системы переключения референции (ПР). В данном разделе рассматривается материал одного из языков, в котором такая система существует и играет важную роль в организации дискурса. Это тувинский язык (Южная Сибирь, республика Тува, тюркская языковая семья).

Помимо собственно дескриптивной цели, в данном исследовании обсуждается методологический вопрос: какие методы анализа более адекватны при изучении дискурсивных явлений в неизвестном исследователю языке – корпусные (изучение естественного дискурса) или экспериментальные (перевод специально придуманных структур с языка-посредника на язык-объект). В современной лингвистике имеют место две противоположные и достаточно радикальные точки зрения на этот вопрос.

Тувинская система ПР описывается в работах Бергельсон и Кибрик 1987, Bergelson and Kibrik 1995. Основная подсистема морфологических средств, участвующих в ПР – пара глагольных суффиксов: деепричастный суффикс -*ГАш* (равносубъектность) и масдарно-падежный суффикс -*Ур..ГА* (разносубъектность, со вставлением личного согласовательного маркера на место двоеточия); см. примеры ниже.

(20)	*аът*$_i$	*оол-ду*	*мөөп*	*каап-каш,*
	лошадь	мальчик-Акк	сбросить:Дпч	Всп:Сов-Равн
		Ø$_i$ *халы-п*	*чору-й*	*бар-ган*
		бежать-Дпч	идти-Дпч	Всп-Пф

‘Лошадь сбросила мальчика и убежала’

(21)	*аът*	*оол-ду*$_j$	*мөөп*	*каапт-арга,*
	лошадь	мальчик-Акк	сбросить-Дпч	Всп:Сов-Разн
		ол$_j$ *халы-п*	*чору-й*	*бар-ган*
		он бежать-Дпч	идти-Дпч	Всп-Пф

‘Лошадь сбросила мальчика и он убежал’

Именно две эти зависимые формы мы и будем называть ниже тувинской системой ПР. Данные формы используются в цепочечных конструкциях со значением временного следования или конъюнкции, т.е. в тех значениях, которые в более привычных для нас языках передаются посредством сочинения предикаций.

Маркеры ПР очень частотны в тувинском дискурсе, по крайней мере в нарративном. Более 50% предикаций так или иначе участвуют в конструкциях с ПР. В использованном текстовом корпусе 22,5% предикаций маркированы как равносубъектные, и 7,5% как разносубъектные. Дискурсивный пример использования ПР см. в примере (15) выше (раздел 12); там же приведено объяснение того, как маркеры ПР выполняют функцию снятия референциального конфликта и, тем самым, участвуют в поддержании референции. Когда референциальный конфликт не снят какими-то специальными средствами (маркеры ПР, семантический контекст и т.д.), говорящий вынужден снимать его при помощи особых референциальных стратегий. Общий принцип состоит в следующем: когда референциальный конфликт не снят, используются более полные, эксплицитные референциальные средства. Часто это бывает повтор полной ИГ. В некоторых случаях это может быть употребление местоимений 3 лица, в противоположность нулевой анафоре при снятом конфликте (см. ниже).

Дискурсивные контексты, подобные приведенному в примере (15), достаточно ясно показывают, что система ПР может использоваться в целях снятия референциального конфликта. Однако **каузальную связь** между потребностью в снятии референциального конфликта и использованием маркеров ПР в принципе невозможно доказать на дискурсивных примерах. Корпусный метод может подсказать исследовате-

лю гипотезы относительно связей между функциями и формами, но не может доказать, что эти связи существуют. Такое доказательство может быть обеспечено только экспериментальными методами.

Предпринятое экспериментальное исследование имело следующий характер. Был собран массив примеров от разных информантов, состоящий из сложных предложений, в которых в первой предикации вводилось более одного референта, а во второй употребление редуцированного референциального средства создавало потенциальный референциальный конфликт. Были собраны предложения трех типов:

- конструкции с условным придаточным, в которых референциальный конфликт не был снят посредством семантического контекста
- конструкции с условным придаточным, в которых референциальный конфликт был снят посредством семантического контекста
- конструкции с ПР

В отличие от конструкций с ПР, тувинские условные конструкции сами по себе снять референциальный конфликт не могут; снят этот конфликт может быть только посредством семантического контекста. Конструкции же с ПР снимают референциальный конфликт в том случае, если интересующий нас референт находится в позиции подлежащего хотя бы в одной из предикаций. Вот некоторые примеры, показывающие, как устроены референциальные стратегии в зависимости от наличия/отсутствия референциального конфликта. Главное различие – в используемых референциальных стратегиях.

Антецедент – объект, референт – субъект в своей предикации

(22) а. **Условная конструкция, РК сохраняется**
бир эвес оол аът-ты$_j$ *хомудад-ып-са, аът*$_j$ *дез-е бээр*
если мальчик собака-Акк обидеть-Сов-Усл собака убежать-Дпч Всп:Непрош
‘Если мальчик обидит собаку, она убежит’

б. **Условная конструкция, РК снят семантическим контекстом**
бир эвес оол аът-ты$_j$ *хапт-ар бол-за, ол*$_j$ *ээр-е бээр*
если мальчик собака-Акк ударить-Непрош Всп-Усл он(а) лаять-Дпч Всп:Непрош
‘Если мальчик ударит собаку, она залает’

в. **Конструкция с ПР, РК снят показателем разносубъектности**
оол аът-ты$_j$ *хомудад-ыпт-арга, ол*$_j$ *дез-е бер-ген*
мальчик собака-Акк обидеть-Сов-Разн он(а) убежать-Дпч Всп-Пф
‘Мальчик обидел собаку и она убежала’

Двойная кореферентность: субъект-субъект, объект-объект

(23) а. **Условная конструкция, РК сохраняется**
бир эвес аңчы$_i$ *адыг-га*$_j$ *ужураж-ыр бол-за, ол*$_i$ *ону*$_j$ *өлүр-үп каар*
если охотник медведь-Дат встретить-Непрош Всп-Усл он он:Акк убить-Дпч Всп:Непрош
‘Если охотник встретится с медведем, он его убьет’

б. **Условная конструкция, РК снят семантическим контекстом**

бир эвес	*<u>ача-м</u>*$_i$	*<u>инээ-н</u>*$_j$	*чуур*	*бол-за,*	<u>Ø</u>$_i$	<u>Ø</u>$_j$	*саар*
если	отец-1Ед	корова-Акк	мыть:Непрош	Всп-Усл			доить:Непрош

‘Если мой отец помоет корову, он ее подоит’

в. **Конструкция с ПР, РК снят показателем равносубъектности**

<u>аңчы</u>$_i$	*<u>адыг-га</u>*$_j$	*ужураж-ыр*	*бол-гаш,*	<u>Ø</u>$_i$	<u>Ø</u>$_j$	*өлүр-үп*	*каан*
охотник	медведь-Дат	встретить-Непрош	Всп-Равн			убить-Дпч	Всп:Пф

‘Охотник встретил медведя и убил его’

Таблицы 13 и 14 суммируют результаты, касающиеся референциальных стратегий в условных конструкциях и в конструкциях с ПР. Референциальные стратегии зависят, помимо наличия/отсутствия референциального конфликта, от функции антецедента в своей предикации – является ли он подлежащим/дополнением и является ли он топиком (то есть занимает линейно первую позицию).

Функция антецедента в своей предикации	Функция референта в тестируемой предикации	Снят ли референциальный конфликт семантическим контекстом		
		Нет	Да	
S и топик	S	*ол*	*Ø ~ ол*	**1**
	O	*ону*	*Ø ~ ону*	**2**
O и не-топик	S	ПИГ	*ол*	**3**
	O	ПИГ	*ону*	**4**
O и топик	S	ПИГ	*ол*	**5**
	O	ПИГ	*ону*	**6**
S_i = топик, O_j = не-топик	прямая кореферентность S_i O_j	*ол*$_i$ *ону*$_j$	*Ø*$_i$ *Ø*$_j$ ~ *Ø*$_i$ *ону*$_j$	**7**
	обратная кореферентность S_j O_i	ПИГ$_j$ *ону*$_i$	*ол*$_j$ *ону*$_i$	**8**

Таблица 13. *Референциальные стратегии в условных конструкциях*

Функция антецедента в своей предикации	Функция референта в тестируемой предикации	Снят ли референциальный конфликт семантическим контекстом		
		Нет	Да	
S и топик	S	*Ø*		**1**
	O	*ону*	*Ø ~ ону*	**2**
O и не-топик	S	*ол*		**3**
	O	ПИГ	*ону*	**4**
O и топик	S	*ол*		**5**
	O	ПИГ	*ону*	**6**
S_i = топик, O_j = не-топик	прямая кореферентность S_i O_j	*Ø*$_i$ *ону*$_j$ ~ *Ø*$_i$ *Ø*$_j$		**7**
	обратная кореферентность S_j O_i	*ол*$_j$ *ону*$_i$		**8**

Таблица 14. *Референциальные стратегии в конструкциях с маркерами переключения референции*

<u>Обозначения в Таблицах 13 и 14</u>:
ПИГ – полная именная группа
ол – местоимение 3 лица в им. падеже
ону – местоимение 3 лица в вин. падеже
S – подлежащее
O – дополнение

Референциальный конфликт снят показателем равносубъектности
Референциальный конфликт снят показателем разносубъектности
Референциальный конфликт не снят

На основе этих данных можно сделать следующие выводы.

- В условных конструкциях:
    - Референциальные стратегии принципиально зависят от того, снят ли референциальный конфликт семантическим контекстом
    - Когда референциальный конфликт снят, используются более редуцированные референциальные средства
- В конструкциях с ПР:
    - Если референциальный конфликт снят за счет показателей ПР (строки с заливкой), то референциальные стратегии не зависят от того, помогает ли семантический контекст снять конфликт
    - Если референциальный конфликт не снят за счет показателей ПР (строки без заливки), то референциальные стратегии устроены в точности так же, как в условных конструкциях, то есть зависят от того, помогает ли семантический контекст снять конфликт
- Если референциальный конфликт снят, то не играет роли, за счет чего он снят – за счет ли семантического контекста или за счет показателей ПР (см. примеры выше)
- Показатели ПР систематически участвуют в снятии референциального конфликта

Данное исследование, таким образом, показывает, что зависимость между функцией (наличие/отсутствие референциального конфликта) и формой (выбор референциальной стратегии) может быть обнаружена на основе естественных дискурсивных данных, но доказана только при помощи экспериментальной методики.

15. Дискурсивный статус предикаций в нарративном дискурсе: выбор между финитными и нефинитными предикациями в карачаево-балкарском языке

Данное исследование посвящено грамматическому кодированию событий, излагаемых в нарративном дискурсе. Как было упомянуто в разделе 10, одно из наиболее важных проявлений дискурсивных факторов в грамматике – это способ оформления предикаций. Языки типично различают финитные и нефинитные предикации. В некоторых случаях выбор формы предикации задан лексическими факторами, например свойствами матричного предиката, если речь идет о такой предикации, как сентенциальный актант. Однако в большинстве случаев выбор формы предикации не может быть объяснен лексическими или синтаксическими факторами, а является дискурсивно мотивированным. На каких основаниях говорящий осуществляет этот выбор?

Подобно многим другим языкам, тюркские языки часто используют нефинитные предикации при изложении нарративных событий. Карачаево-балкарский язык (Сев. Кавказ; “цокающий” диалект селения Верхняя Балкария) склонен к этому в меньшей степени, чем, например, тувинский язык (см. раздел 14 выше), однако тоже использует и финитную, и нефинитную стратегии оформления предиката нарративных предикаций. (В таком языке, как русский, в подобных контекстах встречаются исключительно сочиненные финитные предикации.) Данное исследование основано на двух устных карачаево-балкарских рассказах, включающих 270 предикаций.

Два основных типа конкурирующих форм предиката, используемых в нарративном дискурсе:

- финитные формы, в том числе:
    - перфект на *-ʁAn*
    - имперфект на *-A/-j* в функции praesens historicum
- последовательное деепричастие на *-(I)p*

Проблема выбора между перфектом и имперфектом в функции praesens historicum является очень сложной и не рассматривается в данном исследовании. Две эти финитные формы рассматриваются вместе как альтернатива нефинитной форме – деепричастию. В корпусе представлено 170 нарративных предикаций, из них 107 имеют предикат в финитной форме и 27 в форме деепричастия. Ниже приведены типичные примеры употребления финитных (24) и нефинитных (25) предикатов в нарративных предикациях.

(24) а. … zol-nu	töben	zan-ɨ-n-da	...	eki	börü	bar	e-di	da,
дорога-Ген	нижний	сторона-3-Косв-Лок	два	волк	Всп	Св-Прош	и
‘На нижней стороне дороги было два волка,
б. begiraq	ala	zuwuq	kel-e	e-di-le,
очень	они	близко	подходить-Импф	Св-Прош-Мн
они подходили ближе всего,
в. bir-i	...	bir	eki	üc	metir-ge	deri	sekir-e-di.
один-3	примерно	два	три	метр-Дат	до	прыгать-Импф-3
один из них прыгал прыжками до двух-трех метров.’

(25) а. ešek	anɨ	ešt-xen-lej,
осел	он:Акк	слышать-Пф-Компар
‘Как только осел его [волка] услышал,
б. … qulaq-lar-ɨ-n	da	turʁuz-up,
ухо-Мн-3-Акк	и	поднять-Послед
он поднял [букв. подняв] уши,
в. … ijgi …	ajaq	al-ɨp,
хорошо	нога	взять-Послед
поднял [букв. подняв] ноги (=ускорился),
г. … terk	qatɨ	caf-χal-laj	tebre-gen-di.
быстро	сильно	бежать-Пф-Компар	начать-Пф-3
и начал бежать очень быстро.’

В примере (24) строка (б), представляющая из себя нарративную предикацию, содержит предикат в финитной форме. В примере (25) строки (б) и (в), опять же нарративные предикации, кодированы при помощи последовательного деепричастия.

В данном исследовании рассматривается следующая гипотеза относительно выбора между финитными и нефинитными предикациями в карачаево-балкарском нарративном дискурсе:

- Предикат нарративной предикации оформляется как последовательное деепричастие, если данная предикация **сильно связана** с последующей предикацией, то есть описываемое событие связано с последующим не только временным, но и

каузальным семантическим отношением. В случае чисто временного отношения предикат маркируется при помощи финитной формы.

Эта гипотеза представляет собой попытку интеграции, в применении к материалу одного языка, целого ряда гипотез, сформулированных в последние годы в типологической и теоретической литературе, в том числе:

- Нефинитные предикации, лишенные типичных глагольных признаков, реализуют грамматическую метафору “Событие это объект” и грамматически функционируют как участники события, излагаемого в главной предикации (Lehmann 1988, Horie 2001, Raible 2001)
- Нефинитные, и в особенности деепричастные, предикации более тесно связаны со своими главными предикациями, чем две сочиненные финитные предикации между собой; нефинитные предикации обычно подчинены главной предикации (Lehmann 1988, Haspelmath 1995)
- Более тесная грамматическая связь должна передавать и более тесную семантическую связь (Foley and van Valin 1984, Haiman and Thompson 1984)
- Каузальные семантические связи теснее, чем связи списочного типа, к которым относится и простая временная последовательность (Sanders and Noordman 2000)

Наиболее типичный случай каузальной связи между двуми или более предикациями, встречающийся в исследуемом корпусе, – это случай **динамического сценария**, то есть последовательности действий, которая представляет собой реализацию плана или инстинктивную реакцию. Пример такого сценария, который можно назвать “отступление волков”, приводится ниже. В этом отрывке описывается, как волки, перед этим преследовавшие мальчика и его осла, решили прекратить погоню. Это произошло после того, как они оказались достаточно близко от огней деревни.

(26) а. … ol börü-le da alajʁa zɨjɨl-ɨp,
тот волк-Мн и туда собраться-Послед
‘Эти волки собрались [букв. собравшись] туда,
б. ol üj-nü baš-ɨ-na min-ip,
тот дом-Ген верх-3-Дат взобраться-Послед
взобрались [букв. взобравшись] наверх этого дома,
в. … alajda qal-dɨ-la.
там оставаться-Прош-Мн
и остались там.’

На материале дискурсивного корпуса сформулированная выше гипотеза получает подтверждение. Однако, как уже обсуждалось в разделе 14 выше, такого рода гипотезы не могут быть доказаны исключительно на основе естественных дискурсивных данных. Для их доказательства должны привлекаться экспериментальные методики. Был разработан следующий эксперимент. Было выделено пять эпизодов из двух исследуемых рассказов, три из которых представляли собой динамические сценарии, один – естественную последовательность событий, и еще один вообще не содержал каузального элемента. Четырем информантам, знакомым с содержанием рассказов, было предложено устно пересказать соответствующие эпизоды. Потом их пересказы

были затранскрибированы и сопоставлены между собой и с исходным естественным вариантом.

Как и ожидалось, результаты эксперимента показали, что деепричастные формы регулярно используются при изложении динамического сценария. В качестве примера в Таблице 15 показаны формы, использованные при пересказах эпизода об отходе волков.

	Исходный рассказ	Прогноз	ФЦ	ЛХ	МХ	ЗБ
волки собрались туда,	Послед	Послед	Послед	Послед	Послед	Импф
взобрались на этот дом	Послед	Послед	Послед			
и остались там	Пф	Пф	Пф	Пф	Пф	

Таблица 15. *Кодирование событий в эпизоде отхода волков*

Примечание. Четыре правые столбца таблицы озаглавлены инициалами информантов, которые сделали соответствующие грамматические выборы.

Данные, приведенные в Таблице 15, показывают, что одна информантка совершила грамматические выборы в точности в соответствии с прогнозом; еще две опустили одну из предикаций, но во второй тестируемой предикации опять же совершили ожидаемый выбор. Последняя информантка вообще перестроила структуру и не пересказала динамический сценарий целиком. В целом можно сделать вывод, что все элементы динамического сценария, которые были отражены в пересказах, были оформлены в соответствии с прогнозом. Аналогичные результаты были получены для других тестируемых эпизодов.

Напротив, в тех двух эпизодах, где каузальная связь не была обязательным концептуальным элементом или вообще была исключена, информанты регулярно использовали финитные формы глаголов.

Таким образом, можно заключить, что тонкое семантическое различие между простой временной последовательностью и каузально-временной последовательностью как раз и является тем решающим фактором, который влияет на выбор между финитным либо деепричастным оформлением предиката нарративной предикации в карачаево-балкарском языке.

16. Заключение

Дискурсивный анализ представляет собой “уровневый” раздел лингвистики, подобный фонетике, синтаксису и т.д. Дискурсивный анализ имеет дело с составляющими максимального объема – целыми дискурсами и их частями. Актуальность дискурсивных проблем в наименьшей степени зависит от теоретической догматики и научной моды, поскольку, в отличие от основных понятий других разделов лингвистики (фонема, слово, предложение), целый дискурс – это очевидный факт, не являющийся теоретическим конструктом. На сегодняшний день представляется несомненным, что общая картина языка не может считаться полной, если в ней не учитывается дискурсивная проблематика.

Любой непредвзятый взгляд на панораму современного лингвистического дискурсивного анализа показывает, что главная особенность этой дисциплины состоит в

следующем: это чрезвычайно мозаичный, неоднородный, неструктурированный массив подходов, теорий, методов, изучаемых явлений. Факт такой мозаичности едва ли удивителен. Дискурсивный анализ – одна из самых молодых областей лингвистики, а предмет ее изучения объективно сложнее явлений, изучаемых в более привычных областях.

С другой стороны, дискурсивный анализ имеет четко очерченный предмет изучения. Этим он отличается от такого круга исследований, как, например, прагматика. Поэтому дискурсивный анализ имеет шанс преодолеть мозаичность и неструктурированность и стать "полноценным" разделом лингвистики.

В данной работе сделана попытка предложить связный эскиз дискурсивной проблематики и единый формат для ее описания. Дискурсивная проблематика распадается на два главных круга вопросов – вопросы структуры дискурса и вопросы влияния дискурсивных факторов на более мелкие составляющие. Важны, кроме того, вопросы деления дискурсов на модусы, типы и жанры.

"Единый формат" описания дискурсивных явлений основан на идее когнитивного обоснования. В работах разных авторов подчеркиваются различные аспекты дискурса – социальный, культурно-этнографический, межличностный, информационный и т.д. В данном исследовании в качестве объемлющего подхода предлагается **когнитивный** подход. Все названные выше аспекты дискурса опосредуются когнитивной системой говорящего. Например, никакой элемент информации не может быть дискурсивно освоен, не пройдя через рабочую память говорящего. Поэтому когнитивный подход к описанию дискурса представляется достаточно перспективным и продуктивным.

К числу **основных результатов** работы относятся следующие:

- создание единой концепции дискурсивного анализа и его места в лингвистике
- формулировка когнитивного подхода к дискурсивным явлениям
- очерк типологии дискурса – членения на модусы и жанры
- описание одной из возможных моделей глобальной структуры – интенциональной модели
- адаптация теории риторической структуры к различным задачам, в том числе жанровому анализу
- создание когнитивной квантитативной модели референции в дискурсе
- описание типологических аспектов референциальных систем
- описание референциальных систем двух отдельных языков
- описание оформления предикации в нарративном дискурсе одного языка

Таким образом, в данной работе намечены основные контуры дискурсивного анализа, как он предстает в когнитивной перспективе. Когнитивная перспектива – принятый здесь теоретический подход – не менее важна, чем исследуемый дискурсивный материал. В настоящее время жестко установленные границы между традиционными дисциплинами размываются, лингвистика обретает все больше общих интересов с другими науками, исследующими человеческую когнитивную систему, в первую очередь с психологией. До сих пор когнитивная лингвистика в основном питалась идеями, разработанными в психологии. Возможно, данная работа намечает некоторые

контуры обратного влияния: анализ языкового материала может проливать свет на более общие когнитивные феномены, такие как память, внимание, представление знаний, и быть полезной для когнитивно-психологических исследований.

Благодарность

Автор признателен всем тем, кто ознакомились с докладом или его частями и высказали ценные замечания по его содержанию и форме, в особенности К.В.Антонян, М.Б.Бергельсон, А.Е.Кибрику, А.И.Коваль и Т.Е.Янко.

Список сокращений терминов в тексте

ДЕ – дискурсивная единица
ИЕ – интонационная единица
ИГ – именная группа
И-р – интервьюер
КА – коэффициент активации
КН – коммуникативное намерение
МДЕ – минимальная диалогическая единица
ПИГ – полная именная группа
ПК – показатель класса
ПР – переключение референции
РК – референциальный конфликт
Р-т – респондент
ТРС – теория риторической структуры

Список сокращений в глоссах примеров

Акк[узатив]
Воскл[ицание]
Всп[омогательный глагол]
Ген[итив]
Дат[ив]
Дпч – деепричастие
Ед[инственное число]
ж[енский род]
Импф – имперфект
Компар[атив]
Косв[енный падеж]
Лок[атив]
м[ужской род]
Мн[ожественное число]
Наст[оящее время]
Неопр[еделенность]
Непрош[едшее время]
Ном[инатив]
Опр[еделенность]
Пац[иенс]
Подч[иненная предикация]
Послед[овательное деепричастие]
ПостПК – постпозитивный показатель класса
ПреПК – препозитивный показатель класса
Прог[рессив]
Прош[едшее время]
Пф – перфект
Равн[осубъектность]
Разн[осубъектность]
Рел[ятивизатор]
Св[язка]
Сов[ершенность]
ср[едний род]
Усл[овное наклонение]
Эрг[атив]

Библиография

Арутюнова Н.Д. 1982. Лингвистические проблемы референции. – В сб.: *Новое в зарубежной лингвистике, вып. XIII. Логика и лингвистика,* под ред. Н.Д.Арутюновой, 5-40. М.: Радуга.

Баранов А.Н. и Г.Е.Крейдлин. 1992. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога. – *ВЯ*, № 2, 84-99.

Баранов А.Н., В.А.Плунгян, Е.В.Рахилина и С.В.Кодзасов. 1993. *Путеводитель по дискурсивным словам русского языка*. М.: Помовский и партнеры

Бахтин М.М. 1953/1986. Проблема речевых жанров. – В сб.: М.М.Бахтин. *Литературно-критические статьи*, 428-472. М.: Художественная литература.

Бергельсон М.Б. 1988. Местоименные анафорические средства языка бамана. – В сб.: *Тезисы конференции аспирантов и молодых сотрудников*, под ред. А.Ю.Айхенвальд, 13-16. М.: ИВ АН СССР.

Бергельсон М.Б. и А.А.Кибрик. 1987. Система переключения референции в тувинском языке. – *Советская тюркология,* № 2, 16-32; №4, 30-45.

Бергельсон М.Б. и А.Е.Кибрик. 1981. К вопросу об общей теории языковой редукции. – В сб.: *Формальное описание структуры естественного языка*, под ред. А.С.Нариньяни. Новосибирск.

Брызгунова Е.А. 1977. *Звуки и интонация русской речи*. М.: Русский язык.

Булыгина Т.В. и А.Д.Шмелев. 1997. *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. М.: Школа ЯРК.

ван Дейк, Т.А. 1989. Анализ новостей как дискурса. – В сб.: Т.А. ван Дейк. *Язык. Познание. Коммуникация*, 111-160. М.: Прогресс.

Величковский Б.М. 1982. *Современная когнитивная психология*. М.: Издательство МГУ.

Выготский Л.С. 1934. *Мышление и речь*. М.

Гальперин И.Р. 1981. *Текст как объект лингвистического исследования*. М.: Наука.

Григорьева С.А., Н.В.Григорьев и Г.Е.Крейдлин. 2001. *Словарь языка русских жестов*. Москва – Вена: ЯРК.

Демьянков В.З. 1994. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода. – *ВЯ*, № 4, 17-33.

Демьянков В.З. 1995. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века. – В сб.: *Язык и наука конца 20* века, под ред. Ю.С.Степанова, 239-320. Москва: Издательство РГГУ.

Звегинцев, В.А. 1996. *Мысли о лингвистике*. М.: Издательство МГУ.

Земская Е.А., М.В.Китайгородская и Е.Н.Ширяев. 1981. *Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис*. М.: Наука.

Кибрик А.А. 1987а. Фокусирование внимания и местоименно-анафорическая номинация. – *ВЯ*, №3, 79-90.

Кибрик А.А. 1987б. Механизмы устранения референциального конфликта. – В сб.: *Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах,* под ред. А.Е.Кибрика, А.С.Нариньяни, 128-146. М.: Наука.

Кибрик А.А. и П.Б.Паршин. 2001. Дискурс. – *Энциклопедия "Кругосвет"* (www.krugosvet.ru).

Кибрик А.А. и В.А.Плунгян. 1997. Функционализм. – *Фундаментальные направления современной американской лингвистики*, под ред. А.А.Кибрика, И.М.Кобозевой и И.А.Секериной, 276-339. М.: Издательство МГУ.

Кибрик А.Е. 1977. *Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 2. Таксономическая грамматика*. М.: Издательство МГУ.

Кибрик А.Е. 1983. Лингвистические постулаты. – В сб.: *Механизмы вывода и переработки знаний в системах понимания языка. Труды по искусственному интеллекту*. Ученые записки Тартуского университета, вып. 621, 24-39.

Киселева К. и Д. Пайар (ред.) 1998. *Дискурсивные слова русского языка*. М.: Метатекст.

Коваль А.И. 1997. Именные категории в пулар-фульфульде. – В сб.: *Основы африканского языкознания. Именные категории*, под ред. В.А.Виноградова, 92-220. М.: Аспект Пресс.

Коваль А.И. и Г.В.Зубко. 1986. *Язык фула*. М.: Наука.

Кодзасов С.В. 2001. *Комбинаторные методы в фонологии*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филол. наук. М.: МГУ.

Крейдлин Г.Е. и А.С.Чехов. 1989. Соотношение семантики, актуального членения и прагматики в лексикографическом описании анафорических местоимений (на материале местоимений группы ТОТ) – *ВЯ*.

Кубрякова Е.С. 1994. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука. *ВЯ*, № 4, 34-47.

Кумахов М.А. 1974. О структуре предложения в языках полисинтетического типа. – В сб.: *Универсалии и типологические исследования*, 125-134. М.: Наука.

Лаптева О.А. 1976. *Русский разговорный синтаксис*. М.: Наука.

Матезиус, Вилем. 1967. О так называемом актуальном членении предложения. – В сб.: *Пражский лингвистический кружок*. М.

Николаева Т.М. 1978. Лингвистика текста: современное состояние и перспективы. – В сб.: Николаева (ред.), 5-42.

Николаева Т.М. (ред.) 1978. *Новое в зарубежной лингвистике, вып. VIII. Лингвистика текста*. М.: Прогресс.

Николаева Т.М. 1982. *Семантика акцентного выделения*. М.: Наука.

Николаева Т.М. 1985. *Функции частиц в высказывании*. М.: Наука.

Николаева Ю.В. 2002. *Иллюстративные жесты: семантика и особенности вербального контекста*. Дипломная работа. М.: МГУ.

Откупщикова М.И. 1982. *Синтаксис связного текста*. Ленинград: ЛГУ.

Падучева Е.В. 1965. О структуре абзаца. – *Труды по знаковым системам* II, Тарту, 284-292.

Падучева Е.В. 1974. *О семантике синтаксиса*. М.: Наука.

Падучева Е.В. 1985. *Высказывание и его соотнесенность с действительностью*. М.: Наука.

Падучева Е.В. 1995. *Семантические исследования*. М.: Школа ЯРК.

Поспелов Н.С. 1948. Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры. – *Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР*, вып. 2, М.

Пропп В.Я. 1928. *Морфология сказки*. Л.

Рахилина Е.В. 1997. Основные идеи когнитивной семантики. – *Фундаментальные направления современной американской лингвистики*, под ред. А.А.Кибрика, И.М.Кобозевой и И.А.Секериной, 370-389. М.: Издательство МГУ.

Реферовская Е.А. 1983. *Лингвистические исследования структуры текста*. Л.: Наука.

Русская грамматика. 1980. М.: Наука.

Рябцева Н.К. 1996. *Теоретическое и лексикографическое описание научного изложения: Межъязыковой аспект*. Научный доклад на соискание уч. степ. д-ра филол. наук. М.: Институт языкознания РАН.

Серио П. (ред.) 1999. *Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса*. М.: Прогресс.

Солсо Р.Л. 1996. *Когнитивная психология.* М.: Тривола.

Степанов Ю.С. 1995. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности. – В сб.: *Язык и наука конца 20* века, под ред. Ю.С.Степанова, 35-73. Москва: Издательство РГГУ.

Тестелец Я.Г. и С.Ю.Толдова. 1998. Рефлексивные местоимения в дагестанских языках и типология рефлексива. – *ВЯ*, №4.

Тураева З.Я. 1986. *Лингвистика текста*. М.: Просвещение.

Фигуровский И.А. 1948. От синтаксиса предложения к синтаксису целого текста – *Русский язык в школе*, № 3.

Чейф У. 1982. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения. – *Новое в зарубежной лингвистике, вып. XII. Современные синтаксические теории в американской лингвистике*, под ред. А.Е.Кибрика, 277-316. М.: Прогресс.

Ченки А. 1997. Семантика в когнитивной лингвистике. – *Фундаментальные направления современной американской лингвистики*, под ред. А.А.Кибрика, И.М.Кобозевой и И.А.Секериной, 340-369. М.: Издательство МГУ.

Чехов А.С. 1981. Отождествляющее анафорическое отношение как фактор внутренней организации высказывания. - *Машинный перевод и прикладная лингвистика*, вып. 19, 39-61.

Шмелев А.Д. 1995. *Референциальные механизмы русского языка*. Автореферат диссертации на соискание уч. степ. д-ра филол. наук. М.: МПГУ.

Шмелева Е.Я. и А.Д.Шмелев. 2002. *Русский анекдот*. М.: ЯСК.

Якубинский Л.П. 1923. О диалогической речи. – В сб.: *Русская речь*, I. Пг.

Янко Т.Е. 2001. *Коммуникативные стратегии русской речи*. М.: ЯСК.

Aikhenvald, Aleksandra. 2000. *Classifiers: A typology of noun categorization devices*. Oxford: Oxford University Press.
Anderson, John R. 1990. *Cognitive psychology*. New York: W. H. Freeman and Company.
Ariel, Mira. 1988. Referring and accessibility. *Journal of Linguistics* 24:65-87.
Atkinson, J.M., and J. Heritage ed. 1984. *Structures of social action*. Cambridge: Cambridge University Press.
Baddeley, Alan. 1986. *Working memory*. Oxford: Clarendon Press.
Barlow, Michael. 1992. *A Situated Theory of Agreement*. New York: Garland.
Baron, Naomi. 2000. *Alphabet to email: How written English evolved and where it's heading*. London: Routledge.
Bechtel, William. 1996. What knowledge must be in the head in order to acquire language? – In: *Communicating meaning: The evolution and development of language*, ed. Boris M. Velichkovsky and Duane M. Rumbaugh8686, 45-78. Mahwah: Lawrence Erlbaum.
Bergelson, Mira B. and Kibrik, Andrej A. 1995. The system of switch-reference in Tuva: Converbal and masdar-case forms. – In: *Converbs in cross-linguistic perspective*, ed. M. Haspelmath and E. Konig, 373-414. Berlin: Mouton de Gruyter.
Biber, Douglas. 1989. A typology of English texts. – *Linguistics* 27:3-43.
Boas, Franz. 1911/1964. *Introduction to the Handbook of American Indian Languages*. Washington, D.C.: Georgetown University Press.
Boas, Franz. 1940. *Race, Language and Culture*. New York: Macmillan.
Brown, Gillian, and George Yule. 1983. *Discourse analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.
Burquest. 1986. The pronoun system of some Chadic languages. – In: Wiesemann (ed.), 71-101.
Carlson, Robert. 1987. Narrative connectives in Supyire. – In: *Coherence and grounding in discourse*, ed. Russell S. Tomlin, 1-19. Amsterdam: Benjamins.
Chafe, Wallace. 1974. Language and consciousness. – *Language* 50:111-133.
Chafe, Wallace ed. 1980. *The pear stories: Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production*. Norwood, NJ: Ablex.
Chafe, Wallace. 1982. Integration and involvement in speaking, writing, and oral literature. – In: *Spoken and written language:Exploring orality and literacy*, ed. D. Tannen, 35-54. Norwood: Ablex.
Chafe, Wallace. 1990. Introduction to a special issue on third-person reference in discourse, ed. by W. Chafe. *International Journal of American Linguistics* 56: 313-316.
Chafe, Wallace. 1994. *Discourse, consciousness, and time. The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing*. Chicago: University of Chicago Press.
Clancy, Patricia M., and Pamela Downing. 1987. The use of Wa as a cohesion marker in Japanese oral narratives. – In: *Perspectives on topicalization: The case of Japanese 'wa'*, ed. S. Maynard, J. Hinds, and S. Iwasaki, 3-56. Amsterdam: Benjamins.
Clements, George N. 1975. The logophoric pronoun in Ewe. – *Journal of West African Languages* 10:142-177.
Comrie, Bernard. 1989. Some general properties of reference-tracking systems. – In: *Essays on grammatical theory and universal grammar*, ed. Doug Arnold et al., 37-51. Oxford: Clarendon.
Cowan, Nelson. 1995. *Attention and Memory: An Integrated Framework*. New York – Oxford: Oxford University Press.
Cowan, Nelson. 2000. Childhood development of some basic parameters of working memory. – In: *Working on working memory*, ed. A. Mecklinger E. Schroeger, and A. Friederici, 139-160. Leipzig: Leipziger Universitaetsverlag.
Cruttenden, Alan. 1986. *Intonation*. Cambridge: Cambridge University Press.
Diop-Fal, A. n.d. *Les nominaux en Sereer-Siin (parler de Jaxaaw)*. Paris: Université de la Sorbonne.
Downing, Pamela. 1986. The anaphoric use of classifiers in Japanese. – In: *Noun classes and categorization*, ed. C. Craig, 345-375. Amsterdam: Benjamins.
Dressler, Wolfgang. 1972. *Einfuehrung in die Textlinguistik*. Tuebingen: Niemeyer.
DuBois, John W., Susanna Cumming, Stephan Schuetze-Coburn, and Danae Paolino ed. 1992. *Discourse transcription*. Santa Barbara: UCSB.
Feldman, Jerry, and George Lakoff. 2000. *Neural theory of language: How the brain computes the mind*. Ms. Berkeley.
Firbas, Jan. 1992. *Functional sentence perspective in written and spoken communication*. Cambridge:

Cambridge University Press.
Foley, William, and Robert D. Van Valin. 1984. *Functional syntax and universal grammar*. Cambridge: Cambridge University Press.
Fox, Barbara. 1987a. *Discourse structure and anaphora in written and conversational English*. Cambridge: Cambridge University Press.
Fox, Barbara. 1987b. Anaphora in popular written English narratives. – In: *Coherence and grounding in discourse*, ed. R. Tomlin, 157-174. Amsterdam: Benjamins.
Fox, Barbara ed. 1996. *Studies in anaphora*. Amsterdam: Benjamins.
Fraser, Bruce. 1999. What are discourse markers? – *Journal of pragmatics* 31:931-952.
Gathercole, Susan E. ed. 1996. *Models of short-term memory*. Hove, East Sussex: Psychology Press.
Gernsbacher, Morton Ann. 1990. *Language comprehension as structure building*. Hillsdale, NJ: Erlbaum.
Givón, T. 1976. Topic, pronoun, and grammatical agreement. – In: *Subject and topic*, ed. by C. Li, 149-188. New York: Academic Press.
Givón, T. ed. 1979. *Discourse and syntax*. New York: Academic Press.
Givón, T. 1983. Topic continuity in discourse: An introduction. – In: Givón (ed.), 1-42.
Givón, T. ed. 1983. *Topic continuity in discourse: A quantitative cross-language study*. Amsterdam: Benjamins.
Givón, T. 1990. *Syntax: A functional-typological introduction*.vol. 2. Amsterdam: Benjamins.
Givón, T. 2001. *Syntax.* Vol 1, 2. Amsterdam: Benjamins.
Graesser, Arthur C., and Sharon M. Goodman. 1985. Implicit knowledge, question answering, and the representation of expository text. – In: *Understanding expository text: A theoretical and practical handbook for analyzing explanatory text,* ed. B. K. Britton and J. B. Black, 109-172. Hillsdale: Erlbaum.
Grimes, Joseph. 1975. *The thread of discourse*. The Hague: Mouton.
Grosz, Barbara. 1977. The representation and use of focus in a system for understanding dialogues. Paper presented at *Proceedings of the 5th international joint conference on artificial intelligence*, Cambridge.
Gruening, André, and Andrej A. Kibrik. 2002. Referential Choice and Activation Factors: A Neural Network Approach. – In: *Proceedings of the 4th Discourse anaphora and anaphor resolution colloquium*, ed. António Branco, Tony McEnery and Ruslan Mitkov, 81-86. Lisbon: Edições Colibri.
Gumperz, John. 1982. *Discourse strategies*. Cambridge: Cambridge University Press.
Gundel, Jeanette. 1980. Zero NP-anaphora in Russian: A case of topic-prominence. – In: *Papers from the parasession on pronouns and anaphora*, ed. J. Kreiman and A.E. Ojeda, 139-146. Chicago: Chicago Linguistic Society.
Hagège, Claude. 1974. Les pronoms logophoriques. *Bulletin de la Societe de linguistique de Paris* 69:287-310.
Haiman, John & Munro, Pamela eds. 1983. *Switch-reference and universal grammar*. Amsterdam: Benjamins.
Haiman, John, and Sandra A. Thompson. 1984. "Subordination" in universal grammar. – In: *Proceedings of the 10th annual meeting of the Berkeley Linguistics Society*, 510-523. Berkeley: BLS.
Haiman, John, and Sandra A. Thompson ed. 1988. *Clause combining in grammar and discourse*. Amsterdam: Benjamins.
Hale, Kenneth. 1973. A note on subject-object inversion in Navajo. – In: *Papers in linguistics in honor of Henry and Renee Kahane*, ed. B. Kachru B. et al., 300-309. Urbana: University of Illinois Press.
Halliday, M.A.K. 1985. *An introduction to functional grammar*. London: Arnold.
Harris, Zellig. 1952. Discourse analysis. – *Language* 28:1-30.
Haspelmath, Martin. 1995. The converb as a cross-linguistically valid category. – In: *Converbs in cross-linguistic perspective. Structure and meaning of adverbial verb forms (adverbial participles, gerunds)*, ed. Martin Haspelmath and Ekkehard Koenig, 1-56. Berlin: Mouton de Gruyter.
Haspelmath, Martin, Ekkehard Koenig, Wolfgang Oesterreicher, and Wofgang Raible eds. 2001. *Language typology and language universals. An international handbook*. Berlin: de Gruyter.
Heath, Jeffrey. 1975. Some functional relationships in grammar. – *Language* 51:89-104.
Heath, Jeffrey. 1983. Referential tracking in Nunggubuyu. In: Haiman and Munro (eds.), 129-150.
Hinds, John ed. 1978. *Anaphora in discourse*. Edmonton: Linguistic Research Inc.
Horie, Kaoru. 2001. Complement clauses. – In: Haspelmath et al. (eds.), 979-992.
Huang, Yan. 2000. Anaphora: A cross-linguistic study. Oxford: Oxford University Press.

Jacobsen, William. 1967. Switch-reference in Hokan-Coahuiltecan. – In: *Studies in Southwestern ethnolinguistics: Meaning and history in the languages of the American Southwest*, ed. Dell & Bittle Hymes, W., 238-263. The Hague: Mouton.

Jelinek, Eloise. 1985. The projection principle and the argument type parameter. Ms.

Jucker, Andreas. 1986. *News interviews: A pragmalinguistic analysis*. Amsterdam: Benjamins.

Kibrik, Andrej A. 1991. Maintenance of reference in sentence and discourse. – In: *Language typology 1988: Typological models in reconstruction*, ed. Helen-Jo J.Hewitt Winfred P.Lehmann, 57-84. Amsterdam: Benjamins.

Kibrik, Andrej A. 1992a. Relativization in polysynthetic languages. – *International Journal of American Linguistics* 58: 135-157.

Kibrik, Andrej A. 1992b. Dynamics of attention focus in narrative discourse: The Pulaar case. *Languages of the world*, No 4, 4-12.

Kibrik, Andrej A. 1996. Anaphora in Russian narrative discourse: A cognitive calculative account. – In: Fox (ed.), 255-304.

Kibrik, Andrej A. 1999. Cognitive inferences from discourse observations: Reference and working memory. – In: *Discourse studies in cognitive linguistics. Proceedings of the 5th International cognitive linguistics conference*, ed. Karen van Hoek, Andrej A.Kibrik, and Leo Noordman, 29-52. Amsterdam: Benjamins.

Kibrik, Andrej A. 2001. Reference-maintenance in discourse. – In: Haspelmath et al. (eds.), 1123-1141.

Kibrik, Andrej A, Vera I. Podlesskaya, Tat'jana M. Kal'kova, and Alla O. Litvinenko. 2002. Cognitive structure of narrative discourse: the analysis of children's night dream stories. – In: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международного семинара Диалог'2002 (Протвино, 6-11 июня 2002)*, ed. А.С.Нариньяни, 635-647. М.: Наука.

Kong, Kenneth. 1998. Are simple business request letters really simple? A comparison of Chinese and English business request letters. – *Text* 18:103-141.

Labov, William. 1972. *Language in the Inner City: Studies in the Black English Vernacular*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Lakoff, George, and Mark Johnson. 1980. *Metaphors we live by.* Chicago: University of Chicago Press.

Lakoff, George. 1987. *Women, fire, and dangerous things*. Chicago: University of Chicago Press.

Langacker, Ronald. 1987/1991. *Foundations of cognitive grammar*. Vol. 1, 2. Stanford: Stanford University Press.

Langacker, Ronald. 2001. Discourse in cognitive grammar. – *Cognitive linguistics* 12:143-188.

Lehmann, Christian. 1988. Towards a typology of clause linkage. – In: *Clause combining in grammar and discourse*, ed. John Haiman and Sandra A. Thompson, 187-226. Amsterdam: Benjamins.

Li, Charles, and Sandra A. Thompson. 1976. Subject and topic: a new typology of languages. – In: *Subject and topic*, ed. Charles Li, 457-489. New York: Academic Press.

Li, Charles, and Sandra A. Thompson. 1979. Third-person pronouns and zero anaphora in Chinese discourse. – In: Givón (ed.), 311-335.

Longacre, Robert. 1976. *An anatomy of speech notions*. Lisse: Peter de Ridder Press.

Longacre, Robert. 1983. *The grammar of discourse*. New York: Plenum Press.

Longacre, Robert. 1992. The discourse strategy of an appeals letter. In: Mann and Thompson (eds.), 109-130.

Mann, William, and Sandra A. Thompson. 1988. Rhetorical structure theory: toward a functional theory of text organization. – *Text* 8:243-281.

Mann, William, Christian Matthiessen, and Sandra Thompson. 1992. Rhetorical structure theory and text analysis. – In: Mann and Thompson (eds.), 39-78.

Mann, William, and Sandra A. Thompson eds. 1992. *Discourse description*. Amsterdam: Benjamins.

McNeill, David. 1992. *Hand and mind: what gestures reveal about thought.* Chicago: University of Chicago Press.

Mithun, Marianne. 1986. Disagreement: The case of pronominal affixes and nouns. – In: *Proceedings of the Georgetown University Round Table Conference on language and linguistics*, 50-66. Washington, D.C.: Georgetown University Press.

Mithun, Marianne. 1993. "Switch-reference": Clause combining in Central Pomo". – *International Journal of American Linguistics* 59:119-136.

Mithun, Marianne. 1995. Morphological and prosodic forces shaping word order. – In: *Word order in discourse*, ed. P. Downing and M. Noonan, 387-424. Amsterdam: Benjamins.

Nichols, Johanna. 1986. Head-marking and depending-marking grammar. – *Language* 62:56-119.
Nichols, Johanna. 1992. *Linguistic diversity in space and time.* Chicago: University of Chicago Press.
Ochs, Elinor, Emanuel Schegloff, and Sandra A. Thompson eds. 1996. *Interaction in grammar*. Cambridge: Cambridge University Press.
Parker, Elisabeth. 1986. Mundani pronouns. – In: Wiesemann (ed.), 131-165.
Payne, Thomas. 1993. *The twins stories. Participant coding in Yagua narrative.* Berkeley: University of California Press.
Petöfi, J.S. 1971. *Transformationsgrammatiken und und eine ko-textuelle Texttheorie*. Frankfurt a.M.: Athenaeum.
Pierrehumbert, Janet, and Julia Hirschberg. 1990. The meaning of intonation contours in the interpretation of discourse. – In: *Plans and Intentions in Communication*, ed. J. Morgan P. Cohen, and M. Pollack, 271-312. Cambridge, MA: MIT Press.
Polanyi, Livia. 1988. A formal model of the structure of discourse. – *Journal of Pragmatics* 12:601-638.
Popovich, Harold. 1986. The nominal reference system of Maxakali. – In: Wiesemann (ed.), 351-358.
Posner, Michael, and C.R.R. Snyder. 1975. Facilitation and inhibition in the processing of signals. – In: *Attention and performance V*, ed. P.M.A.Rabbitt and S.Dornic. London: Academic Press.
Posner, Michael I. & Raichle M.E. 1994. *Images of Mind*. New York: Scientific American Library.
Raible, Wolfgang. 2001. Linking clauses. – In: Haspelmath et al. (eds.), 590-616.
Renkema, Jan. 1993. *Discourse studies: An introductory textbook*. Amsterdam: Benjamins.
Rumelhart, David. 1975. Notes on a schema for stories. – In: *Representation and understanding. Studies in cognitive science*, ed. D.Bobrow and A.Collins, 211-226. New York: Academic Press.
Russell, Kevin. 1996. Does obviation mark point of view? – In: *Nikotwasik iskwahtem, paskihtepayih! Studies in honor of H.C.Wolfart. Algonquian and Iroquoian Linguistics, Memoir 13*, ed. John D. & Ogg Nichols, Argen C., 367-382. Winnipeg.
Sacks, Harvey, Emanuel Schegloff, and Gail Jefferson. 1974. A simplest systematics for the organization of turn-taking in conversation. – *Language* 50:696-735.
Sanders, Ted J. M., and Leo G. M. Noordman. 2000. The role of coherence relations and their linguistic markers in text processing. – *Discourse processes* 29: 37-60.
Schegloff, Emanuel, and Harvey Sacks. 1973. Opening up closings. – *Semiotica* 7:289-327.
Schegloff, Emanuel. 1982. Discourse as an interactional achievement: Some uses of 'uh huh ' and other things that come between sentences. – In: *Georgetown university roundtable on language and linguistics 1981: Analyzing discourse: Text and talk*, ed. D. Tannen, 71-93: Georgetown University Press.
Schegloff, Emanuel. 1999. Discourse, pragmatics, conversation analysis. – *Discourse processes* 1: 405-435.
Schiffrin, Deborah. 1987. *Discourse markers*. Cambridge: Cambridge University Press.
Schiffrin, Deborah. 1994. *Approaches to discourse.* Oxford: Blackwell.
Smith, E.E. & Jonides J. 1997. Working memory: A view from neuroimaging. – *Cognitive Psychology* 33:5-42.
Stirling, Leslie. 1993. *Switch-reference and discourse representation*. Cambridge: Cambridge University Press.
Swales, John. 1990. *Genre analysis: English in academic and research settings.* Cambridge: Cambridge University Press.
Tomasello, Michael. 1996. The cultural roots of language. – In: *Communicating meaning: The evolution and development of language*, ed. Boris M. Velichkovsky and Duane M. Rumbaugh, 275-308. Mahwah: Lawrence Erlbaum.
Tomlin, Russell, and Richard Rhodes. 1979. An introduction to information distribution in Ojibwa. Paper presented at *Papers from the 15th regional meeting of the Chicago Linguistics Society*, Chicago.
Tomlin, Russell S. 1987. Linguistic reflections of cognitive events. – In: *Coherence and grounding in discourse*, ed. R. Tomlin, 455-479. Amsterdam: Benjamins.
Tomlin, Russell, and Ming-Ming Pu. 1991. The management of reference in Mandarin discourse. – *Cognitive linguistics* 2:65-95.
Tomlin, Russell S. 1995. Focal attention, voice and word order: An experimental cross-linguistic study. – In: *Word order in discourse*, ed. P.Downing and M.Noonan, 517-554. Amsterdam: Benjamins.
Tomlin, Russell S. , Linda Forrest, Ming Ming Pu and Myung Hee Kim. 1997. Discourse semantics. – In: van Dijk (ed.), 63-111.
van Dijk, Teun A. 1972. *Some aspects of text grammars*. The Hague: Mouton.

van Dijk, Teun A., and Walter Kintsch. 1983. *Strategies of discourse comprehension*. New York: Academic Press.

van Dijk, Teun A. ed. 1985. *Handbook of discourse analysis*. New York: Academic Press.

van Dijk, Teun A. ed. 1997. *Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction.* Vol. 1, 2. London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publication s.

Van Valin, Robert D. Jr. 1977. *Aspects of Lakhota syntax. Ph.D. diss.* Berkeley: University of California.

Van Valin, Robert D. Jr. 1985. Case marking and the structure of the Lakhota clause. – In: *Grammar inside and outside the clause*, ed. Johanna Nichols and Anthony Woodbury, 363-413. Cambridge: Cambridge University Press.

Van Valin, Robert D. Jr. 1987. Aspects of the interaction of syntax and pragmatics: Discourse coreference mechanisms and the typology of grammatical systems. – In: *The pragmatic perspective: selected papers from the 1985 International Pragmatics Conference*, ed. J. Verschueren and M. Bertucceli-Papi, 513-531. Amsterdam: Benjamins.

Velichkovsky, Boris M. 1998. The century of mind and brain: How Luria's dream will become a reality. – In: *The future of psychology: 2001 and beyond*, ed. R.L.Solso. Cambridge, MA: MIT press.

Walker, M.A., Aravind Joshi, and Ellen Prince ed. 1998. *Centering theory in discourse*. Oxford: Clarendon Press.

Wiesemann, Ursula. 1986. Grammaticalized coreference. – In: Wiesemann (ed.), 437-463.

Wiesemann, Ursula ed. 1986. *Pronominal systems*. Tuebingen: Narr.

Yokoyama, Olga. 1986. *Discourse and word order*. Amsterdam: Benjamins.

Zipf, G.K. 1949. *Human behavior and the principle of least effort*. New York: Hafner.